

63.3 (2Р36-4кур)

П.55 +

700000

Издательство «Курган»
г. Курган, ул. Мухоморова, 10

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ
УВАЖАЕМЫЕ

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

1.249.930

Курганская область **Курган**
Библиотека **2004**
им. А. И. Югова
Книгохранилище

002K

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А. Богомолова

Составители: А.И. Букреев, В.А. Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В твоих руках, уважаемый читатель, четвертый том серии «Помни войну». Она издается по инициативе Губернатора Курганской области Олега Алексеевича Богомолова и при финансовой поддержке администрации области. В предшествующих томах помещены воспоминания фронтовиков и тружеников тыла, работников эвакуогоспиталей и тех, в чье тело война вошла пулями, осколками бомб и снарядов. Четвертый том посвящен судьбам детей времен Великой Отечественной войны.

Мы сами из поколения детей, рожденных в годы войны. Не понаслышке знаем, что такое горечь утрат, ощущение голода, безысходность нескончаемой нужды. Потому так близки и понятны искренние рассказы наших современников - тех, кто пережил и не может забыть годы военного лихолетья.

Читатель обнаружит немало свидетельств того, как трудно, невероятно трудно было детям в те годы. Но в рассказах наших авторов очень много светлого, теплого, душевного.

Зауральская земля приняла, приютила, обогрела десятки тысяч людей, эвакуированных с территорий, на которые посягнули фашисты, особой заботой окружила детей. В годы войны со всей силой проявились свойственные зауральцам милосердие, мужество, трудолюбие, сострадание к боли и лишениям.

Уже к концу 1941 года на территории области были развернуты 75 детских домов, в которых нашли приют

свыше девяти тысяч воспитанников. Из них две тысячи местных, остальные - эвакуированные: из Москвы и Подмосковья, Ленинграда, Ленинградской, Тульской, Рязанской областей, Украины, Белоруссии, Карело-Финской АССР.

Самоотверженная работа по развертыванию детских домов и спасению детей продолжалась и в последующие годы. В разное время в годы войны действовали около 150 детских домов. В них жили, воспитывались и учились дети, лишенные крова и родительского тепла. Зауралье приняло почти шестнадцать тысяч эвакуированных детей, из них около семи тысяч ленинградцев.

Талантливым организатором приема и обустройства эвакуированных детей выступила заместитель председателя Челябинского облисполкома Мария Дмитриевна Ковригина. Она буквально сражалась за жизнь каждого ребенка, делала все для того, чтобы дети обрели здесь свой второй дом, были обогреты сердечным теплом. Позднее талант и организаторские способности Ковригиной в полной мере проявились на высоких постах Наркома здравоохранения России и Министра здравоохранения Советского Союза.

Все годы войны по-матерински заботилась о детях заведующая Курганским районо Анна Григорьевна Шапиро. С болью вспоминала она о том трагическом времени: «До сих пор комок подступает к горлу, когда вспоминаю рассказ приехавших воспитателей детских домов о том, как матери в последний раз кормили грудью своих малышей. Уже отходит поезд, а мать не может оторвать от груди малыша и уже на ходу поезда передает ребенка в руки отъезжающего воспитателя. Как отчаянно плакали дети, оторванные от своих матерей».

На зауральской земле эвакуированные дети получали радушный прием. Яркое свидетельство тому - воспоминания заведующей Глядянским районо Варвары

Степановны Ивановой: «Мы привезли эвакуированных ребятишек к себе в январскую стужу 1942 года. Их было более пятисот, возраст - от семи до двенадцати лет. Разместили детей в селах по Звериноголовскому тракту. Из автобусов выносили малышей на руках. Наши местные ребятишки суетились тут же, громко выражая радость от встречи с маленькими ленинградцами. Женщины украдкой смахивали слезы, порой кое-кто не выдерживал и всхлипывал, а затем бежали по домам и несли детям все самое вкусное - яички, молоко, булочки».

Книга готовилась около года. На наше обращение откликнулись воспитанники и воспитатели детских домов, журналисты, краеведы - те, кому дорога история Зауралья, кто высоко ценит милосердный подвиг наших земляков.

Александр Кротков из Санкт-Петербурга написал: «Это очень-очень хорошо, уважаемые товарищи, что о войне и блокаде Ленинграда еще помнят в Кургане. Десятки тысяч ленинградских школьников были эвакуированы на Урал и в Зауралье. Среди них был и автор этих строк. Все мы много благодарны жителям уральских областей, которые не дали нам пропасть. Время было трудное, и тяжело было всем. Но мы остались живы, и это - главное».

Александр Кротков написал, что его отец Федор Иванович Кротков был знаком с нынешним главой православной церкви России Алексием II. И Губернатор Курганской области Олег Богомолов направил Патриарху Московскому и Всея Руси письмо, в котором рассказал об издании серии «Помни войну», попросил поделиться для книги воспоминаниями о войне, пригласил его посетить Святыни Зауралья.

Алексий II в ответном письме высоко оценил инициативу по изданию серии книг: «Считаю, что Вы начали очень важное и благородное дело - издание серии «Пом-

ни войну» и книги «Детство, опаленное войной». Помнить о страшных испытаниях, которые выпали на долю нашего народа, - наш долг».

Почти шесть десятков лет летят письма из далекой Карелии от Валерии Александровны Максимовой (Романовой) в зауральскую Мехонку Азе Дмитриевне Травниковой. Аза Дмитриевна, человек деятельный и неравнодушный, пишет историю родного села и поддерживает тесную связь с теми, для кого Мехонка в годы войны стала второй родиной.

Мария Владимировна Фролова представила уникальнейшие материалы: дневники, письма, фотографии, раскрывающие ее судьбу и судьбы многих воспитателей и воспитанников Шатровского детского дома.

Таких историй в книге множество, и нет двух похожих. Потому что авторы воспоминаний имеют свою особую судьбу, живут своей особенною жизнью. Это действительно народная книга, пронзительная по звучанию. В ней слышны голоса мальчишек и девчонок тех страшных лет, тех, чье детство война покрыла своим черным крылом.

В книге возможны разночтения в некоторых датах, оценках событий, описаниях местности. Это потому, что использованы различные источники информации. Мы не считали вправе что-то менять, домысливать.

Тебе, уважаемый читатель, предстоит прикоснуться к этим судьбам, прочесть проникновенные и искренние воспоминания. И убедиться в том, сколь сильны страна и народ, которые в невероятно трудных условиях спасали и спасли своих детей. А спасенные дети стали достойными гражданами своей Отчизны.

**Александр Букреев
Виталий Есетов**

Валерий Шамшурин

ДЕТИ ВОЙНЫ

Смех и ласку знали мы,
Только помнится поныне:
Паровозные дымы
Стлались рвано по равнине.
Пушки били вдалеке
И пылало пол-России.
На восток в товарняке
От войны нас увозили.
Набивался в щели снег,
В щели свет сочился робкий...
Двое суток хлеба нет,
Двое суток нет похлебки.
Ни до сказок, ни до сна.
Лютовала стужа очень,
Хоть буржуйка докрасна
Раскалялась среди ночи.
И до самого утра -
Скрежет дерева и стали.
И гремели буфера,
И колеса грохотали.
Все угрюмей. Все острей
Нам высвечивало пламя
Лица наших матерей,
Обожженные слезами.
Словно призраки, бледны.
Мы крепились - не кричали.
Дети страшной той войны.
Дети гнева и печали.

**ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ**

**ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
ГУБЕРНАТОРУ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ
О.А. БОГОМОЛОВУ**

Ваше
Превосходительство,
многоуважаемый
Олег Алексеевич!

Получил Ваше письмо, на-
правленное через Российский
Фонд Мира.

Сердечно благодарю Вас
за приглашение посетить За-
уральскую землю и ее Святы-
ни.

Считаю, что Вы начали
очень важное и благородное
дело - издание серии «Помни войну» и книги «Детство,
опаленное войной». Помнить о страшных испытаниях,
которые выпали на долю нашего народа - наш долг.

Ваша благородная инициатива, как раз и направле-
на на то, чтобы Ваши земляки помнили о войне и знали
свидетельство тех, кто пережил войну.

Я сохраняю память о Федоре Кроткове, как о патри-
оте нашей страны, человеке глубокой веры, человеке,
который интересовался научными открытиями в обла-
сти христианской истории и в частности, публикаций о
«Кумранских рукописях». Федор Иванович считал, что
ошибочна политика государства в отношении Церкви,
которая всегда была рядом со своим народом и в ра-

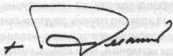
дости, и в испытаниях. Полагаю, что он был бы искренне рад тем изменениям, которые в России осуществляются сейчас, в отношении Церкви и религии вообще.

Меня война застала 12-летним мальчиком в Эстонии. Пришлось пережить фашистскую оккупацию. Духовенство Таллина в 1943-1944 годах посещало лагеря, вывезенных немцами наших соотечественников из Ленинградской, Орловской и других областей. Мой покойный родитель священник Михаил Ридигер был одним из священнослужителей, которые посещали эти лагеря перемещенных лиц в лагерях Палдиски, Пылкюля и Клога. Отец брал и меня, и я принимал участие в богослужениях, которые совершались в этих лагерях. Там я воочию увидел страдание, горе людей, вывезенных из своих мест проживания. Люди не знали, что с ними будет дальше. Вывезенные из Центральных областей России впервые увидели море и были объаты страхом, что им грозит утопление. Глубокая вера многих из этих людей - давала им силы и мужество переносить испытания, выпавшие на их долю. Там, в лагерях, я почувствовал силу молитв людей за богослужением.

В приходе св. праведных Симеона и Анны в Таллине, где служил мой отец под руководством настоятеля храма протоирея Иоанна Богоявленского, осуществлялась помощь и поддержка наших советских военнопленных.

Дай Бог, чтобы нынешним и грядущим поколениям не пришлось бы пережить ужасов войны, страданий и горя, которые она несет людям.

С уважением,

Патриарх Московский и всея Руси

Виталий Есетов

ЛЕНИНГРАД – ЗАУРАЛЬЕ ШТРИХИ

В школьные, уже теперь далекие пятидесятые годы прошлого столетия наше поколение жадно впитывало все, что о городе рассказывалось в истории, писалось в литературе. И тогда, и сейчас перед моим мысленным взором идет по непролазной грязи Петр Великий, указывая своим помощникам, как проложить «прешпекты», где какой дворец или казенный дом ставить или храм православный возводить, где будут располагаться кораблестроительные верфи, заводы, крепости.

Строилась столица государства российского навечно, навсегда, и уже тогда, в самом начале, мои земляки «обозначили в нем свою руку». Уральские железных дел мастеровые заводчика Никиты Демидова поставляли императору литье чугунное, снасти стальные для построек важнейших, сплавляли по рекам, гнали караванами ядра, пушки и ружья «воевать свеев», а зауральские мужики обозами везли хлеб, мясо и масло.

Возводился Санкт-Петербург, крепла Россия, к ней прислушивались, ее мнение учитывали. Уже в то время говорилось, что «на берегах Невы только чихнут, а вся Европа заходится надсадным кашлем».

И хотя до глухих зауральских поселений вести о жизни столицы доходили с опозданием на многие месяцы, тем не менее, мои предки узнавали о событиях важных, государственных, радовались победам, огорчались поражениям. На слух знали стихи «какого-то» Пушкина,

«присказки» Крылова, по буквам разбирали Некрасова, Гоголя...

- Надо сполнить государеву просьбу, - говаривали шадринские мужики и по осени готовили обоз. Прощались с родными в октябре-ноябре, трогались в дальнюю дорогу. Ни разу не опоздали. И в новогоднюю ночь на царский стол и столы Санкт-Петербургской знати подавались знаменитые шадринские гуси.

Возвращались мужики, рассказывали коротко, немногословно, тревожно поблескивая глазами. И вдруг в нашу глушь, куда ссылались уголовники, где скрывались беглые, привезли арестантов из знатных семей, офицеров. Не знали сибиряки, в чем они провинились, но приняли, как принимали всех испокон веков, с сочувствием и уважением. Тринадцать декабристов жили на земле курганской. Они много сделали для просвещения местного люда, относились к нему доброжелательно, часто помогали советами, а то и делами. До сей поры новые поколения зауральцев свято хранят имена Нарышкина, Кюхельбекера, Розена, Анненкова, Ивашова и других ссыльных. С любовью восстановлены усадьбы некоторых декабристов, интерьеры, бережно хранятся подлинные вещи. Тысячи людей посетили музеи, с изумлением узнавая, что эти знатные люди хотели для народа лучшей доли.

С большой надеждой смотрели зауральцы, ловили слухи об Октябрьской революции в семнадцатом году. Не только ждали, но и участвовали в ней.

- Я служил в Семеновском полку в Петрограде, - рассказывал мне на заре моей журналистской работы Н.С. Павлов, - был с другом в увольнении, когда, придя на Финляндский вокзал, увидел огромную толпу. «Ленин, Ленин приехал», - то и дело раздавалось вокруг. Бешено работая локтями и плечами, пробивались в самый центр и были почти рядом, когда выступал Владимир

Ильич. Я ему поверил. Весь наш полк потом встал на его сторону. Жизнь наша до войны стала лучше.

Сороковые огневые. Воевала вся страна. Десятки тысяч моих земляков ушли на фронт в июньские дни страшного сорок первого года. Дрались на всех фронтах. Обороняли и Ленинград.

- Скажи, сынок, что такое обсерватория, - как-то спросил мой отец. После объяснения надолго задумался, а потом произнес: - Так вот чем занимались люди в Пулковско. Хорошо, для людей работали.

Отец воевал на Пулковских высотах. Здесь и нашла его разрывная вражеская пуля. И еще долго-долго после войны из тела его выходил порошок. Когда я, еще малыш, выдавливал из истончавшейся кожи эти серые отметины лихой години, собирал их вместе и отец подносил горящую спичку, они вспыхивали.

- Это, сын, война. Сколько времени прошло, а она, проклятая, черная, все еще сидит во мне.

Когда много лет спустя я привез его в Ленинград, отец, сойдя с поезда на перрон, промолвил: «Ну, здравствуй».

С раннего утра до позднего вечера мы ездили и ходили по городу. Неповторимый Невский, Дворцовая площадь, Петропавловская крепость, мосты, дворцы и музеи... - на все смотрел жадно фронтовик, обо всем расспрашивал подробно. И я заметил, как с каждым днем прямее становилась его спина, дерзко и ясно смотрели глаза и, мне показалось, даже морщинки на его лице разгладились. Лишь на Пискаревском кладбище да у Пулковской обсерватории долго и молча сидел, скорбно склонив голову.

- Прощай, Город, живи и здравствуй, - уперся лбом в вагонное стекло отец, - недаром мы стояли здесь на-смерть.

Не о моем отце говорил после войны гитлеровский генерал Гудериан, приводя в пример мужество нашего

бойца, который пять суток отбивался в осажденном танке и остался непобежденным. Не об отце вспомнил Гудериан, но о моем земляке, простом крестьянском парне, трактористе.

- Я делал свое военное дело, - Герой Советского Союза Иван Степанович Кудрин, получивший Золотую Звезду уже в ноябре 41-го года, в разговоре со мной был немногословен и мудр, - за мной были Ленинград и моя Родина.

До самой смерти в мае 1994 года фронтовик оставался примером для земляков. Танкист Кудрин, как и мой отец - пехотинец, дрался на земле ленинградской, а другой наш земляк, генерал-лейтенант, дважды Герой Советского Союза, командир 215-й истребительной дивизии Григорий Пантелеевич Кравченко, закрывал от врага ленинградское небо. Только при прорыве блокады города летчики генерала сбили пятьдесят семь фашистских самолетов.

Прикрывал Кравченко и знаменитую ледовую дорогу жизни, не зная, что по ней водит свою машину житель села Батурино Шадринского района Иннокентий Полуянов.

«Валюша, извини, что долго не писал. Совершенно нет времени. Мы на своих автомашинах вывозим детей из осажденного Ленинграда. Работа очень ответственная и небезопасная. В письме это невозможно описать», - сообщал Иннокентий Иванович своей жене Валентине Ефимовне. Он погиб, как погибли, вывозя детей и защищая город Петра, Иван Михайлович Полуянов, Григорий Иванович Шабунин, Егор Андреевич Хабаров, Михаил Антонович Гуляев, Иван Филиппович Черноскулов, Дмитрий Иванович Полуянов, Ефим Иванович Горшков. Погибли, так и не узнав, что многие спасенные от войны юные ленинградцы нашли приют в их родных селах и деревнях. Похоронки в семьях этих солдат до сей поры бережно хранят дети и внуки. Они считают,

что их отцы и деды погибли не зря – они спасали будущее.

Сотни детей вывезли мои земляки по ледовой дороге. Около семи тысяч мальчишек и девчонок Ленинграда и Ленинградской области обрели вторую родную крышу на зауральской земле. Их приняли, как родных, обогрели, одели, обули, накормили. Часто, отказывая себе во всем, курганцы последнее отдавали прибывшим ребяташкам.

В середине сентября 1943 года за подписью председателя П.Попкова Ленгорисполком принял постановление, в котором говорилось: «Отмечая большую помощь, оказываемую районными организациями и колхозами Курганской области в улучшении бытового устройства детских интернатов, эвакуированных из Ленинграда, и в развитии их подсобных хозяйств, исполком Ленгорсовета решает: объявить благодарность и наградить грамотами...» Далее идут фамилии П.А. Грязных, Г.И. Александрова, А.Г. Шапиро, А.Е. Ефремова, А.Е. Никулина, А.В. Агишева – руководителей ряда районов и колхозов области.

Слушая эти слова, наши земляки заметили, что они и их коллективы делают это не за грамоты и благодарности, а от чистого сердца и русской души.

К сожалению, мы не знаем судеб всех уехавших после войны детей, но, готовя книгу об эвакуированных детях из города Ленинграда и Ленинградской области, мы обратились к журналистам «Санкт-Петербургских ведомостей». Они опубликовали наше письмо. К нам пошли письма - воспоминания.

И сегодня с уверенностью можно сказать, что юные ленинградцы, жившие в Зауралье в грозные сороковые, стали настоящими людьми: Дмитрий Салазкин – инженер-теплотехник, Валерия Романова (Максимова) окончила Карело-Финский университет и до выхода на пенсию работала в Карельском пединституте, Алек-

сандр Горелов - доктор филологических наук, поддерживает с Зауральем деловые и дружеские отношения, Регина Бухольц и Ксения Булавская (Орлова) - преподаватели географии, Надежда Мошнина (Лупинина) - режиссер ленинградского телевидения, Мария Дмитриева – медицинская и патронажная сестра в детской поликлинике, Валентина Кукучевская (Ефимова) и Валентина Подалевич после окончания института точной механики и оптики работали в НИИ...

«Я числю себя тоже в особом смысле курганцем, - пишет бывший выпускник Голишовского детского дома Александр Горелов, - и для меня курганская земля священна и навсегда памятна!»

Проживают в великом городе и мои задушевные армейские корешки Женя Самохин и Сережа Казанцев, с которыми я в 60-е годы прошлого века служил в Группе советских войск в Германии и которые много рассказывали о своем неповторимом городе. И сейчас своим искусством радуют Санкт-петербуржцев мои дорогие земляки актриса Большого драматического театра им. Товстоногова, народная артистка России Нина Усатова и всероссийский любимец, обладатель Кубка юмора, блистательный Юрий Гальцев...

... Я никогда не жил в нем, редко приезжаю – дела, дела. Но точно знаю, что моя судьба связана с ним тысячами неразрывных нитей, потому что этот Город во все времена жил не для себя, что «прорубая окно в Европу», он радел за всю Русь, творя в семнадцатом году революцию – хотел лучшей жизни для всего народа, умирая в кровавые сороковые, он защищал, грудью стоял перед врагом за всех нас. Потому сердце мое, сердца моих земляков всегда бились и бьются в унисон с огромным сердцем града Петра Великого.

ЭТО НАДО ЖИВЫМ

Большую поисковую работу провели работники центральной лаборатории завода «Молмашстрой», собирая материалы о пребывании ленинградских детей в Далматовском районе. Встречались они со многими ветеранами труда, бывшими ответственными работниками района.

- Это надо знать нашим детям, - часто повторяла своим сотрудникам заведующая лабораторией З.Г. Вишнягова. Благодаря ее настойчивости удалось собрать богатый материал: воспоминания ветеранов, фотографии.

Очень много рассказала о той работе, которую проводили партийные и советские органы по устройству эвакуированных, бывший председатель райисполкома Мария Васильевна Поплавская. Будучи заместителем председателя по гособеспечению семей военнослужащих она непосредственно участвовала в организации быта и учебы детей.

Мария Васильевна сообщила, что кроме Першинского и Смирновского интернатов, где размещались дети 235-й школы, 150 детей рабочих и служащих прядильно-ниточного комбината имени Кирова жили в Затеченском интернате. Ленинградские дети жили и в Тамакульском интернате.

После опубликования статьи в газете на завод к Зинаиде Георгиевне пришла жительница села Затечи Мария Николаевна Верховзина, которая в годы войны была счетоводом колхоза и потому имела тесную связь с интернатом. Она рассказала много интересного о директоре интерната Гликерии Михайловне Погодиной, так много доброго сделавшей для охраны здоровья детей.

Около сотни ленинградских детей были размещены в Тамакульском интернате, где заведующей была Евгения Ивановна Наумова. До слез была растрогана Афанасия Николаевна Плотникова, бывший завуч этого интерната, когда заводчане разыскали ее. Она поделилась воспоминаниями, подарила фотографии, на которых изображены ленинградские дети вместе со своими воспитателями.

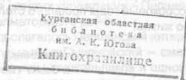
Интересными воспоминаниями о жизни детей в Першинском интернате поделилась бывший учитель Першинской школы Евгения Николаевна Коновалова. Она работала там с 1942 года учителем физкультуры и пионервожатой, а директором был Вениамин Иванович Быков.

Разыскивая бывших воспитанников интернатов эвакуированных детей Ленинграда, работники завода «Молмашстрой» познакомились с судьбой Александра Арвидовича Пернова. Шурик Пернов во время войны жил сначала в Смирновском, затем в Першинском интернатах. Сейчас он работает в одном из институтов Ленинграда.

Александр Арвидович не раз приезжал в Далматово, бывал в Смирново и Першино, встречался со старыми друзьями, бывшими учителями.

Михаил Захаров

г. Далматово

1. 249. 930

НИЗКИЙ ВАМ ПОКЛОН

Уважаемые курганцы!

Прочитал в газете «Санкт-Петербургские ведомости» ваше обращение. И вспомнилось... Но прежде всего хочу сказать вам огромное, сердечное спасибо за память о детях Ленинграда, которых вы в лихую военную годину приютили, часто, отрывая от себя, одедали, обували, кормили, делились всем, чем могли. Если бы не вы, вряд ли бы мы выжили. У вас, в ваших школах, нас продолжали учить, и этих знаний нам потом хватило, чтобы получить образование и продолжать жить. Я, например, инженер-электроэнергетик.

Низкий вам поклон, люди душевные, люди русские!

А вспомнилось...

В мае 1941 года я окончил четыре класса 235-й школы города Ленинграда. Впереди было веселое и беззаботное лето, но уже 4 июля наша школа была эвакуирована в Ярославскую, а в ноябре – в Челябинскую область. Наш интернат оказался в Далматовском районе. Потом его разделили: часть ребят и воспитателей направили в село Смирново, остальных – в село Першино. Мне пришлось побывать и в том, и в другом. Потом их соединили на базе Першинского интерната.

Да что я пишу, разыщите книгу Михаила Павловича Бирюкова «Першинский интернат ленинградских детей». Изучая свое село, он наткнулся на то, что в нем жили ленинградские дети. Нашел нас, списался с нами и написал эту книгу. А я еще раз кланяюсь вам, зауральцы, за кров и хлеб в сороковые годы прошлого столетия, и благодарю за мою жизнь!

Александр Пернов
г. Санкт - Петербург

ПЕРШИНСКИЙ ИНТЕРНАТ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ

В суровые годы Великой Отечественной войны многие сотни тысяч детей ленинградцев были организованно эвакуированы в восточные районы страны. Всем им были созданы условия для обучения в обязательной в то время неполной средней школе и продолжения образования в ремесленных и профтехнических училищах, а в ряде мест – в техникумах и средней общеобразовательной школе.

После окончания войны подавляющее большинство ленинградцев вернулось на родину, где в качестве учащихся, а позже и выпускников школ приняло участие в восстановлении родного города.

В этом очерке, по воспоминаниям и документам, рассказано о жизни и быте ленинградских детей, по преимуществу бывших учащихся 23 школы Октябрьского района Ленинграда, воспитывавшихся в годы войны в интернате села Першинского Далматовского района Курганской области, под руководством выдающегося педагога-организатора Ольги Михайловны Бурмистровой. В Зауралье выехало 178 детей.

По прибытию в Челябинск областная комиссия по распределению эвакуированных детей не могла подыскать одного сельского населенного пункта, где можно было бы разместить около 200 человек (детей и персонала) одновременно. Поэтому было решено направить их в два детских учреждения – Першинский и Смирновский Далматовского района.

Предполагалось Першинский интернат организовать как школьный, а Смирновский – смешанным, состоящим из группы дошкольников и одной группы старших школьников, выделенных для помощи в обслуживании

малышей. Однако в «чистом» виде этого не получилось. В Першинском интернате оказалось 4 дошкольника – дети воспитателей интерната, в то время как в Смирновском интернате включено 15 младших школьников, чего по идее комплектования не планировалось. Объясняется эта «неувязка» тем, что организаторы интернатов решили оставить в одном каком-либо интернате со своими старшими братьями и сестрами их младших братишек и сестренек.

Однако и в этом гуманном, принципиально желательном распределении, оказалась вторая и притом более существенная «неувязка»: в четырех случаях малышки оказались разъединенными со своими старшими братьями и сестрами (Иванов Юра, Налетова Аля, Обухов Аркаша и Чекалов Коля). Малышки оказались в Смирновском интернате, а их старшие братья и сестры – в Першинском интернате. Это разъединение произошло случайно, по причине большой спешки, и не вызывалось никакими объективными обстоятельствами; их старших братьев и сестер без затруднений можно было бы оставить в Смирновском интернате, а из последнего перевести в Першинский интернат «одиначек» - младших школьников: Журавлева Бориса - 3 класса, Михлина Бориса – 1 класса, Рудовинскую Нону – 3 класса и Слонимского Гену - 1 класса.

Малышки, оставшись без своих старших братьев и сестер, не только загрустили, но некоторые из них получили травмы на нервной почве. Рассказывает Соня Налетова. Ее сестренку Алю 3,5 лет направили в Смирнову. Результат: Аля стала заикаться. Другие малыши такого рода изоляцию перенесли легче. Для предотвращения подобных явлений следовало бы организовать периодические свидания с малышками их старших братьев и сестер, находившихся в другом интернате. Но в те бурные и тягостные дни это никому и в голову не

приходило. Отсутствие общественного транспорта довершало дело.

Першинский интернат с 81 воспитанником и утвержденным штатом обслуживающего персонала в количестве 10 человек возглавила Ольга Михайловна Бурмистрова. Директором Смирновского интерната Челябинским облоно была назначена Эсфирь Григорьевна Цейтлин. В ее интернате состояло 44 дошкольника, 15 младших и 38 старших школьников, всего 97 человек.

Они заменили эвакуированным из Ленинграда детям родителей в грозные годы войны: директор Затеченского дома-интерната Гликерия Михайловна Погодина, директор Першинского интерната Ольга Михайловна Бурмистрова, первый секретарь Далматовского райкома партии Бронислава Григорьевна Лемешенко, заместитель председателя райисполкома Мария Васильевна Поплавская и директор Тамакульского интерната Евгения Ивановна Наумова.

Оба эти интерната находились на территории Далматовского района, в то время Челябинской области, а с 1943 года, с образованием Курганской области, Дал-

матовский район выделился из состава Челябинской и передан в Курганскую область.

Село Смирново находится в 18 километрах к северу от районного центра, а село Першинское в 23 километрах к югу от Далматова. Таким образом, оба интерната разделяла 41-километровая проселочная дорога. Это расстояние нельзя считать большим, но при бездорожье, на лошадях, требовало двух полных дней. В условиях военного времени оно оказалось практически непреодолимым из-за отсутствия транспортных средств у обоих интернатов.

Интернат прибыл в Челябинск 4 декабря 1941 года. После пятидневного пребывания в Челябинске в тех же теплушках воспитанники поехали к месту назначения, до станции Далматова, куда прибыли 11 декабря, покрыв расстояние в 220 километров за два дня (средняя скорость 110 километров в сутки!) Прибывшие были встречены председателем Далматовского райисполкома Поплавской Марией Васильевной, которая позаботилась о временном размещении детей до отправки к месту жительства, организовав питание. В то время в здешних краях стояли лютые 30-35-градусные морозы. А дети прибыли в летней обуви, а некоторые – даже в летней одежде!

Дня полтора теплушки с детьми стояли на железнодорожной станции, после чего воспитанников переселили в здание средней школы. Там они провели 2-3 дня, пока их не отправили в Першино. Особенно тягостным было пребывание в полухолодном помещении Далматовской средней школы, где спать детям приходилось на партах и на этих же партах обедать.

Далматовские организации позвонили в Першино (благо, село было телефонизировано) и распорядились о том, чтобы першинские колхозы выслали подводы для перевозки детей, притом обязательно с теплой одеждой.

Рассказывают першинцы. По селу начался сбор шуб, тулупов, «яг» (дох из собачьих шкур), валенок, шапок и рукавиц. Каждый подводчик – а им были женщины или подростки, – получив теплые вещи, должен был по приезду возвратить их, не перепутав, владельцам. Село было оповещено о том, что в Першино привезут детей из блокадного Ленинграда, и каждая семья считала своим долгом принять посильное участие во встрече детей.

Столичным детям и во сне не снилось, насколько теплы «яга» или тулуп, в которые возницы заботливо укутали своих «пассажиров». В больших меховых мужицких рукавицах, известных лишь по некрасовскому стихотворению, в меховых шапках-ушанках, в валенках с детских и взрослых ног, дети почувствовали себя настолько уютно и тепло, что некоторые, намучившись в Далматово, успели даже поспать.

Для поездки из Далматово в Першино был избран не кратчайший путь по Тобольной дороге, а несколько окружной, через селения Затечу и Ключи. В этих селах по дороге можно было сделать две остановки, чтобы отогреть детей. Население этих сел было также заранее оповещено о проезде ленинградцев и, в полном смысле слова, тепло встретило детей. Их не только обогрели, но и накормили.

По приезду в Першино произошла столь же теплая встреча. Детей разместили в заранее отведенные помещения, правда, не мебелированные и недостаточно хорошо прибранные. Зато першинцы, чем могли, хорошо накормили измученных зимней дорогой путешественников.

Директор интерната Ольга Михайловна Бурмистрова вспоминала: «Как снег на голову свалился наш интернат на Першино. О нашем прибытии узнали здесь за 3-4 дня. На что можно было рассчитывать, отправляя детей в это село в условиях напряженного военно-

го времени, в момент, когда судьба страны решалась в битве под Москвой? Что могли сделать районные и местные организации в такой срок при отсутствии в селе мужской рабочей силы, продовольственных запасов и бытовых услуг?

Детей и персонал интерната нужно было поместить в теплое жилье, три раза ежедневно накормить и напоить, а воспитанников, кроме того, обуть и одеть в зимнюю одежду, организовать учебу и занять их досуг содержательно и целенаправленно. Эти тяготы и заботы легли на плечи первого интернатского персонала и его руководителя. Все это вспоминается как тяжелый сон. Невольно удивляешься неизмеримой выдержке и стойкости всех членов коллектива, от мала до велика».

К чести першинцев, они проявили высокую степень гражданственности в то время, когда село уже приютило до 50 человек, эвакуированных из Москвы офицерских семей с малолетними детьми.

«Я была поражена искренним сочувствием першинцев к нам, ленинградцам, - вспоминала **воспитательница интерната Вера Борисовна Оршанская**. – Я выехала из Ленинграда, уже блокированного, и была сильно истощена голодом. У меня был еще грудной ребенок, а муж – на фронте.

Встретили нас большим караваем хлеба. Было так неожиданно для нас. И мы видели сердечность приема и искреннее сочувствие к нашей беде.

Поселили нас у бабушки Александры Васильевны Ивановских. Помню, как другая полная женщина носила мне молоко и даже хлеб, отпаивала и откармливала меня. Все это делалось от всей души».

Что представляли собой здания, в которых размещался интернат? Два дома – бывшие поповские, а третий – бывший кулацкий. Ни один из них по внутреннему расположению комнат не предназначался и не переоборудовался для общежитий.

Именуемое интернатом «белое здание» (першинцы называли его «белая школа») – двухэтажный каменный бывший дом попа, стоящий близ обрыва из желтоватой опоки, около Озерка (древней речной старицы), использовался интернатом следующим образом: в нижнем этаже – кухня, столовая и кладовка для продуктов; верхний этаж: комната для девочек 4-5 классов, в которой огорожен был уголок для «директорской квартиры» площадью 3-3,5 квадратных метра, на которых едва располагались железная кровать и крохотный столик; небольшой залец для интернатской самодеятельности и собраний с прилегающей небольшой комнаткой. Никакой передней («прихожей»), раздевалки не было ни в «зале», ни в столовой; приходилось те же комнаты использовать и для снятой одежды.

«Красное здание» - дом правления колхоза имени Челюскинцев – двухэтажный каменный бывший кулацкий (Корелинский) дом стоит под «горой», у переезда через пересыхающий летом Половинный лог.

Получить помещения для жилья – это начало дела, хотя и первостепенное. Требовалось его оборудовать и приспособить для длительного проживания детей, сделал это в кратчайший срок. При этом надо иметь в виду, что такого рода работы должны были быть выполнены не в городских условиях, а в сельской местности и в период напряженного военного положения. Надо было все вопросы быта интерната решать одновременно и срочно.

Чем топить? Никто нас не ждал и дров для нашего интерната никто не потрудился запасти заблаговременно. Никакой возможности не представлялось и сейчас их заготовить путем найма дроворубов, так как село было «безлюдным», точнее: все трудоспособное население, в основном женщины, а также и подростки, были привлечены к многочисленным колхозным и другим работам. Оставалось одно: интернатцам самим брать в

руки топор и пилу, идти в заснеженный лес и самим заготавливать дрова. Ни пилы, ни топора, ни достаточного количества теплой обуви и одежды – валенок, рукавиц и шапок – у интерната не было. Но дрова были нужны! Для первых дней сельский Совет «нашел» дрова: взял их у школы и колхоза, но это – только для приема интерната. В дальнейшем интернату нужно было отапливать 3 здания с одиннадцатью печами (7 круглых, 2 русских печи и 2 камина), хлебопекарню, кухню и баню. Греха таить нечего, деревянные заборы вокруг общежития старших детей ушли в печи в первую очередь – не замерзать же детям! Но это не было выходом из положения. Нужны были дрова и много дров! Особенно много их «поедали» хлебопекарня и кухня с двумя плитами.

Всю зиму и весну 1942 года дети с воспитателями ежедневно ходили по глубокому снегу в лес и спиливали березы на лесной делянке, отведенной лесником в Половинском логу в сельской поскотине. На эту заготовку дров дети одевались по-зимнему: если у кого не было своих теплых вещей, то надевали валенки, полушубки, рукавицы и шапки товарищей. Воспитатели строго следили за тем, чтобы никто не допускал легкомыслия в этом вопросе. Для валки берез с корня чаще всего использовались воскресенья, но иногда приходилось «прихватывать» и рабочие дни. Во время массовой весенней заготовки дров впрок спиливание берез с корня поручалось самым сильным воспитанникам; малыши обычно обрубали сучья со сваленных деревьев, а распиловку их на дрова выполняли дети средних классов школы.

То, что пилили и рубили зимой в лесу, это еще были не дрова. Нужно было притащить их в село, к интернату и там разрубить и разделать на дрова. Лошадь для подвозки срубленных берез интернату выдавали не всегда, и потому чаще всего приходилось на себе тащить их, волоча по снежной дороге.

Ценой каких усилий заготавливалось в такую зиму топливо для нужд интерната! Но... заготавливалось, и дети не мерзли.

Привожу дорогие слова из акта обследования интерната: «На 13.11.42г. в интернате имелось 5 возов дров (это на 14 печей!). Заготовленных дров в лесу нет. Возятся (следовало бы добавить: возятся на плечах девочек и мальчиков) дрова прямо с корня». Да, именно: с корня, да так, «сырником», и топились.

- Весной же, в сухую погоду, - рассказывали першинцы, - поднимались облака пыли по улице Подкалиновой.

По поводу заготовки дров рассказывает бывшая воспитанница **Надя Соловьева** (а теперь – **Виноградова Надежда Яковлевна**):

« Мы, вооруженные плохо наточенными топорами, разгребаем снег, выбираем березку потоньше, чтобы ее было легче срубить. В каждый новый приход в лес мы опять же выбираем самые тонкие деревья. На самом же деле, с каждым разом оставшиеся деревья оказывались более толстыми, и чем дальше, тем толще и толще. Но из тонких березок и дров получалось меньше. Хлеб не пекся, котел на кухне не закипал! Снова та же группа идет в лес и снова, теперь уже в спешном порядке, заготавливает дрова. А за то, что поленились с одного раза принести нужное количество леса, получает еще и наказание».

Только летом 1942 года интернат приобрел нужный инструмент и своевременно приступил к заготовке дров на будущий год. Подвозку их к общежитиям и кухне осуществляли шефствующие над интернатом першинские колхозы. Во все последующие годы существования ленинградского интерната в Першино ему приходилось самому заготавливать дрова. Для детей это – нелегкая работа. Ее хорошо помнят все бывшие воспитанники интерната.

«Запомнилось, как мы рубили березы, - писала **Софья Евдокимова**, в то время **Соня Налетова**, 10-летняя девочка, ученица 3-го класса. – Пилили березы с корня, потом обрубали сучья и волоком тащили их к столовой».

Подготовку уроков, проведение выходных дней, дошкольных и послешкольных часов, а также сон детей приходилось совмещать в одних и тех же комнатах, исключая общежитие старшей группы.

Першино не случайно далматовскими организациями было выбрано в качестве резиденции интерната ленинградских детей. В этом селе не один год в летнее время развевался районный пионерский лагерь.

19 июня 1945 года уполномоченный Ленсовета по эвакуации ленинградских детей дал директиву интернатам Далматовского, Шадринского и других районов подготовить списки возвращающихся детей. Было указано, что круглых сирот моложе 14 лет в Ленинград не отправлять, а оставить в Крутихинском детском доме, специально реформированном для этих детей.

Резвакуированных воспитанников – ленинградцев, проживавших в интернатах Далматовского, Шадринского и других районов Курганской области, отправляли специальным маршрутным поездом.

По приезде в Далматово воспитанники Першинского интерната разместились в средней школе – там же, где они находились по приезде из Поречья-Рыбного с 12 по 15 декабря 1941 года.

Самым тяжелым было расставание с теми воспитанниками, которые не могли быть взяты в Ленинград. Сцена расставания оказалась поистине потрясающей: плакали и воспитатели, и остающиеся дети.

Будучи в сельской местности в течение четырех лет, дети Ленинграда не опустились, не стали «деревенскими» в худшем смысле этого слова. Все они могли успешно продолжать образование в объеме обязатель-

ной в то время неполной средней школы. Першинская сельская семилетка, пополненная ленинградскими и московскими учителями, их не подвела.

«Я благодарна интернату за то, что он воспитал в нас чувство товарищества, дружбы, «чувства локтя». Мы знали и чувствовали, что наше спасение в солидарности. Мы бережно и дружелюбно относились друг к другу. Дух дружбы, человеческого отношения друг к другу в нас вложил интернат», - так рассказывала бывшая воспитанница интерната Соловьева Надежда Яковлевна на одной из встреч бывших сотрудников и воспитанников – першинцев.

Она же добавила: «Война воспитала у наших ленинградских ребят дружбу между собой. А какие мы были патриоты!»

Надо полагать, что высказана общая мысль всех бывших воспитанников. А это значит многое. В этом – величайшая заслуга Першинского интерната.

Но больше, чем семилетнее образование, Першино дать не могло. В этом, конечно, большой минус села. Поэтому большинство старших воспитанников вынуждено идти в ремесленные училища. Только немногие, после этих училищ, сумели окончить полную среднюю школу или техникум. Высшее же образование стало уделом единиц.

Дошкольники и «младшие», обучавшиеся в начальных классах и до окончания семилетки, не потеряли ничего: по возвращении в Ленинград они продолжали обучение до получения полного среднего образования, и большинство из них закончило высшие учебные заведения.

Михаил Бирюков

БЛАГОДАРНОСТЬ

*Заведующему Далматовским РОНО Давыдову
Василию Павловичу.*

*Председателю Далматовского райисполкома
Поплавской Марии Васильевне.*

Дорогие Василий Павлович и Мария Васильевна! Летом 1941 года фашистские звери, внезапно напавшие на нашу страну, стремились овладеть городом мировой славы – колыбелью Великой Октябрьской революции – Ленинградом.

Партия и правительство приняли все меры, чтобы спасти юных ленинградцев от ужасов и сохранить их для плодотворной деятельности в послевоенной мирной обстановке. Много детей мужественных защитников города Ленинграда было направлено на Урал, в том числе 150 детей рабочих и служащих прядильно-ниточного комбината имени Кирова прибыли в село Затеча Далматовского района Курганской области и в село Першино 80 детей. В течение четырехлетнего пребывания в селах Затеча и Першино дети повседневно ощущали вашу заботу: они всегда были обеспечены питанием, топливом, хорошим помещением. Им были созданы нормальные условия для учебы. Сейчас дети возвращаются к близким людям физически и морально крепкими, что в дальнейшем даст им возможность стать полезными членами нашего социалистического общества. Уезжая в родной и любимый Ленинград, дети интерната приносят вам глубокую благодарность за то, что вы своим вниманием и помощью обеспечили им радостную, счастливую жизнь в годы тяжелых испытаний.

*Директор Затеченского интерната №30 Погодина
Гликерия Михайловна.*

*Директор Першинского интерната 235-й школы
города Ленинграда Бурмистрова Ольга Михайловна. 1945 год.*

Александр Кротков

«СЧАСТЛИВОЕ» ДЕТСТВО ГОГОЧЕК

Александр Кротков родился в Ленинграде. Испытал лишения и трудности блокады, эвакуацию, жизнь в детском доме на Урале. После войны закончил 1-ю образцовую школу, Военно-механический институт. Работал конструктором и главным конструктором в ленинградских конструкторских бюро.

До войны мальчишки дразнили меня гогочкой. Теперь прочно забытое, тогда слово с синонимами «маменькин сыночек», «пай-девочка», «приличный ребенок», «кисейная барышня» полноправно входило в наш разговорный лексикон и потому было понятно каждому. Гогочками довольно пренебрежительно, а может быть насмешливо, называли чистеньких, франтовато одетых, неприспособленных ребятишек, конечно, находившихся под неусыпным присмотром своих нянь.

Няня Настя водила меня в школу за ручку, пока я учился в первом классе. Школа эта была создана на базе коммерческого училища царских времен, позже ее переименовали в 1-ю образцовую (сейчас она находится там же - на Фонтанке, 62). На ее фронтоне в революционные праздники вывешивали ярко иллюминированный транспарант с популярным тогда партийным лозунгом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

А вот мои родители говорили про нашего вождя совершенно по-разному. Отец высказывался по многому из того, что делал тогда Сталин, прямо скажу, скверно, и мне было очень стыдно за «мещанскую отсталость» своего отца. Он, как я понимаю это теперь, категорически не мог поверить в необходимость массовых репрессий своего народа. А особенно поражало и возмущало его, инженера – строителя по специальности и человека верующего по своему мировоззрению, закрытие и безжалостное разрушение церквей и храмов, преследование духовенства и запрещение церковных праздников. «Вспомнят когда-нибудь о храмах и православной религии, призывающей людей к добру, терпению, состраданию», - предупреждал меня отец. Заканчивая написанные по сыновнему долгу строки об отце, скажу, что весной 1935 года по ложному доносу он был арестован (Ст. 58.10), через три месяца освобожден. На войне был добровольцем с первого до последнего дня, находясь в самых горячих точках Ленинградского фронта. После войны восстанавливал братскую Эстонию; много общался там с нынешним главой православной церкви Алексием II. Умирая в раковых муках, отец улыбался. Или он оказался рядом с теми, кого так долго хотел увидеть вновь, или вспоминал истинные земные ценности, встреченные на своем праведном жизненном пути. Когда отца не стало, церковь взяла на себя все расходы по его похоронам в знак заслуг перед православной церковью Эстонии.

Мать относилась к товарищу Сталину, как и большинство советских людей того времени, мало сказать, хорошо – восторженно! Сталинские призывы глубоко проникли в ее сознание. Но, став во время войны членом партии, она продолжала тайком посещать церковь, отмечала все церковные праздники, в молодости венчалась и крестила меня, когда я появился на свет Божий.

Порученные ей дела она, молодой член партии, стремилась выполнить как можно добросовестнее.

«Совесть превыше всего», – считали мать и многие другие наши граждане 30-40 годов. Жить они стали, как члены одной большой многонациональной семьи, откровенно делясь своими заботами и радостями, исповедуя дух всенародного братства и абсолютного доверия, оказывая бескорыстную помощь и поддержку друг другу...

Волею партии христианство в стране Советов было на долгие годы отвергнуто, но многие благородные принципы великого учения в народе были сохранены: каждый должен любить своего ближнего, как самого себя, и все вместе должны жить в радости и согласии. Одним словом, жизнь большинства наших людей в 30-40 годах можно назвать достойной, и была она, конечно, сильнее жесткой диктатуры Сталина.

Война началась совершенно внезапно, самая большая и самая жестокая из известных истории. Весной 1941 года мне исполнилось 10 лет, я перешел в четвертый класс, и детство продолжилось, но совсем в других условиях. Жизнь в Ленинграде после восьмого сентября (сгорели Бадаевские склады) стала катастрофически ухудшаться. Уже 10 октября на детскую карточку выдавали всего 200 граммов хлеба. Других продуктов почти не было. Плохо стало с водой, дровами и освещением. Остановился транспорт. Город в зимние месяцы было трудно узнать: безжизненные, в снежных заносах улицы, черное небо, полное отсутствие таких ранее привычных голубей, собак, кошек... Умирающие от голода их съели.

Я стал резко сдавать, позже в эвакуации врачи определяют у меня сразу три болезни: цингу, дизентерию-пеллагру, алиментарную дистрофию. Обеспокоенная моим состоянием здоровья, мать решила отправить меня в эвакуацию с малознакомой семьей из нашего

дома. Ничто ими не руководило, кроме желания сделать доброе дело, когда сами, до предела истощенные, они взялись вывезти меня, больного и слабого, на Большую землю. Время было иное, и поручительство своих детей сознательным и честным соседям по общежитию стало тогда обычным явлением. Поезд с эвакуированными отправлялся к Ладожскому озеру не с Финляндского вокзала (его сильно обстреливали), а со станции Кушелевка, где рядом на путях я увидел эшелон с трупами сотен и сотен ленинградцев, умерших от голода. Страшный поезд привез их на Пискаревское кладбище по окружной железной дороге. Такое огромное количество своих умерших сограждан, сложенных, вдобавок, как дрова, — штабелями, сильно потрясло меня.

Мои опекуны были тяжело больны, и потому, приехав через 20 дней в Свердловск (именно столько тогда заняла дорога), я оказался в детском доме. Он жил одновременно двумя жизнями: днем в присутствии обслуживающего персонала — это была жизнь обыкновенного пионерского отряда того времени, вечером с одним дежурным воспитателем жизнь начиналась совсем другая, больше похожая на жизнь в дореволюционной бурсе или приемнике-распределителе для беспризорных. В один из вечеров меня принимали в «паханки», ибо я был зачислен в старшую группу воспитанников. Детдомовский верховод Перышко объяснил мне тогда, что прежде всего я должен усвоить детдомовские заповеди. Основные из них: «прыгать за кореша в огонь и в воду», уметь «ботать по фене» и «тырить табак для кодлы», а также знать все детдомовские песни. Песни эти остались в моей памяти навсегда. Старые песни всегда возвращают нас в то время, откуда они пришли, и тогда легче представить, сколько времени уже прошло и сколько нам еще осталось...

Пошел сорок третий год. Сводки Информбюро все чаще сообщали о наших успехах на фронте. Это вызы-

вало громадный прилив энтузиазма и радости среди населения. Перспектива чем-то помочь фронту и приблизить долгожданную Победу привела к тому, что я среди десяти старших по возрасту детдомовцев оказался на военном заводе. Мне исполнилось 12 лет, а к работе на заводах тогда допускались подростки не младше 14 лет. В «документах» мне было 14. Я был приставлен учеником к лучшей стахановке завода Лизе Голубковой, ловко обтачивавшей на своем станке артиллерийские мины. Роста не хватало, мне сделали подставку. Одежда была нищенской: ватник, холщовая, на голое тело роба, ботинки на деревянной подошве – «коты». Облачившись в казенку, я ее уже не снимал много месяцев. Вскоре, конечно, все мы оказались во вшах.

Раз в две недели одежду жарили в санпропускнике, но через два-три дня мы снова начинали чесаться. Так и жили. Установишь мину в токарный патрон, включишь станок, а сам бежишь к косяку и чешешь об него спину. Смена длилась 12 часов. Время было трудным для всех и для детей тоже. Через 9 долгих и тяжелых месяцев за мной приехала мама, естественно, ужаснулась и забрала меня в родной Ленинград, по которому я так соскучился.

Здесь, наверно, и нужно поставить точку над моим вначале таким безмятежным довоенным детством. К сожалению, все дальнейшее было перечеркнуто тяжелой и жесточайшей войной, заставившей малолетних ребят жить в экстремальных условиях голода и лишений.

г. Санкт - Петербург

В ГОДЫ ВОЕННОГО ЛИХОЛЕТЬЯ

Гаев Игорь Михайлович, 1932 года рождения. Детские годы провел в селе Кривском Далматовского района.

Полвека проработал в школах и учреждениях народного образования. Краевед, Почетный гражданин города Шадринска.

Огромная церковная площадь нашего села в воскресный день 22 июня 1941 года расцвела необыкновенными и неповторимыми красками женских платьев. Жить-то начали хорошо, дружно работали, весело отдыхали. В магазинах всякого товару полно, рынок по воскресным дням работает. Парни и молодые мужчины «верхового» играть затеяли, а мы, мальчишки, - в бабки у церковных плит.

Около обеда движение и разноголосица приостановились, люди собираются в группы. Те, кто слышал радио, с тревогой произносят: «Война...».

Еще никто не знает, что она продлится 1418 дней и ночей, и что в пламени ее из 775 молодых и сильных мужчин села Кривского погибнет 585. Уже в понедельник, после горячих слов митинга, повезли новобранцев под вопли и крики жен и матерей в Ольховский райвоенкомат.

В июле учителя срочно вышли из отпуска, и всех учащихся собрали в школу. Директор рассказал о вероломном нападении немецких фашистов и о том, как надо помогать Красной Армии. Начали сдавать деньги в фонд обороны. Я отдал помятую зеленую «трешку», а мой старший товарищ Шурка Сметанин (сейчас Александр Михайлович Сметанин – исполнительный директор Кур-

ганского отделения Российского Фонда мира) торжественно и даже с короткой речью вручил директору школы красный «червонец». Впоследствии Шурка стал пламенным оратором, любил выступать на собраниях, митингах, и его со вниманием слушали.

По-моему, до конца урока еще времени многовато, а Анна Степановна, учительница математики, все чаще прислушивается к шорохам в коридоре. Знаю: домашнее задание уже дано, ждет звонка. А его все нет. Наконец, Анна Степановна не выдерживает, уходит на несколько минут из класса, потом возвращается. Вскоре слышна трель валдайского колокольчика. Мы высыпаем в коридор, а учителя других классов переговариваются: урок почему-то быстро прошел, не успели закончить. А случилось следующее. Наручных часов ни у кого не было в школе, одни «ходики» с тяжелой гирей в учительской. Почудилось Анне Степановне, что урок уже давно должен закончиться, посетовала на забывчивость уборщицы тети Зины, пошла проверить. А до конца урока еще 10 минут. Что делать? Подвела учительница стрелки вперед и вернулась в класс. Вскоре и тетя Зина в «ходикам»: «Ай-ай, опять замешкалась». Звонком объявила об окончании урока, у которого откусили 10 минут.

Военруком в нашу школу Ивана Кузьмича назначили. Младший лейтенант демобилизовался по причине серьезного ранения: правая нога стала хромой и короче левой. Вскоре директор обязала его взять и уроки физкультуры у среднего звена. На его уроках мы по 10-

15 раз пробегали стометровку. А что другое может провести солдат-калека? Отмерит, как может, сто шагов, пощупает пульс на левой руке и крикнет резко: «Пошел!» Так я стометровку за восемь сердечных ударов Ивана Кузьмича пробегал.

Шестиклассники Кривской неполной средней школы,
Игорь Гаев - первый слева в первом ряду.

Иван-да-марья – лучшая трава в мире. Так говорили деревенские знатоки. Из нее такие лепешки мама выпекала – слюнки текут. Зеленые, правда. Да еще когда остынут, разваливаются на глазах. Ну, а еще с мучкой немножко – жить можно. Растет Иван-да-марья за поскотиной и деревенским кладбищем. В огромный мешок с лямками (подобие вещмешка) набиваю этой травы, сколько сил хватает. Взваливаю на спину и, точно муравей, силюсь устоять на ногах. Шурка Сметанин

опять наставляет: «Лучше сходить тебе второй раз. А то с пуга сорвешь».

У Витьки Андреевских на отца похоронка пришла. Мать его, прежде развеселая женщина, лицом почернела, замкнулась, даже как будто Витьку замечать перестала.

А вскоре к ней старушки и пожилые женщины зачастили. И все про Бога и Сатану разговор идет, про грехи людские. Вначале мы с Витькой даже внимания не обращали, а потом стали прислушиваться. И страшно стало: накажет нас Бог за наши провинности. Как-то молитву сочинили, написали на чистом листе бумаги, а потом листочек в землю закопали, чтобы без посредников скорее к Богу дошло. Книги древние на старославянском языке натаскались бойко читать.

В это время в деревне некоторые знаки на небе видели, слова всякие и кресты. Я помню, когда молоденьких парней в армию провожали, то им в рубаху, ближе к сердцу, листок с молитвой зашивали. Надеялись – спасет.

В Шадринске, когда Воскресенскую церковь открыли, потянулись люди грехи отмаливать.

С Андрюхой Захаровым довольно часто в цехах Кривской МТС играли. Нравился нам густой запах машинного масла, рабочим на ремонте тракторов помогали с удовольствием. наших отцов, работавших в МТС до войны, еще все помнили, и нас с территории мастерской никто не выгонял. Однажды заведующий токарным цехом Иван Михеевич окликнул: «Идите-ка сюда, ребятки. Кто же из вас покрепче?» К ободверине меня

спиной приложил. Над головой на дереве гвоздем черточку оставил. Я и не понял, зачем это надо. А шельмоватый Андрюшка догадался, встал на цыпочки, а Михеевич и не заметил. Ростом мы с Андреем были одинаковы, я точно помню, а тут он оказался выше. «Тебя, Игнатьев сын, назначаем учеником токаря». От этих слов старого мастера у меня навернулись обильные слезы. Андрея, обманщика, после этого видеть не хотел, и разошлись наши пути-дороги.

Начальница почты однажды предложила мне за несколько плиток колоба (жмых от семян подсолнечника) разносить письма во вторую бригаду колхоза «Гигант». Старался: все-таки сытая прибавка к нашему «жидкому» столу. Да и во время войны оплата труда чаще всего была натурой.

Помню, уносил письма женщинам прямо в поле. Если я нес только фронтовые треугольники, они кричали: «Игорь, ты что плетешься, как корова. Беги быстрее!»

В моей тряпичной сумке были и форменные конверты из светло-коричневой грубой бумаги. Похоронки. Была странная поза у женщин, когда я нес тяжелые, как камень, эти небольшие пакеты. Они стояли молча, даже не прямо, а, скособочившись, и пристально смотрели на меня.

Одной из них я подавал конверт - горе-горькое. Ошеломленная, догадывалась, какая весть пришла с этой ядовитой по цвету бумагой, падала на землю, скребя ее руками, ногами, и начинала выть. Подруги не пытались даже поднять ее с земли, уговорить, слукавить, как это делают сейчас.

До сих пор для меня осталось загадкой, как же они, огрубевшие, изможденные тяжким трудом, могли догадываться, какие письма я нес.

9 мая 1945 года. Солнечный, но не теплый день. Мы знали, что наступает конец войне и, может быть, скоро. Но когда собрали всех на линейку, и женщина – директор объявила об окончании войны с фашистской Германией, как-то даже не поверилось. А потом от радости мы бросали шапки вверх, что-то кричали, обнимались. Нас по случаю Великой Победы отпустили домой. Мама пришла в этот день с работы пораньше и сварила нам с сестренкой морковный чай.

Прошло 25 лет. На снимке воспитанники Шадринской школы-интерната № 6. В центре – директор школы И.М.Гаев.

**Игорь Гаев
г. Шадринск**

КОМЕТА ПАДАЕТ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Выпускникам 1941 года не пришлось сдавать вступительных экзаменов. Выпускной вечер для наших трех девярых классов школы №9 прошел 19 июня. Танцевали под духовой оркестр, Рита Двинягина и Вера Соломенникова пели, Клара Сочнева читала чьи-то стихи из журнала «Смена». Перед рассветом кто-то первым вылез на крышу главного входа и крикнул: «Звезда падает!». Тут и другие полезли в окно. Это была комета, которую видели уже несколько ночей, и вспомнили слова Игоря Петровича Иванцова, завуча и учителя астрономии. Он говорил, что в народе бытует примета – комета появляется перед войной...

На рассвете все отправились на мост встречать солнце. Потом разошлись по домам, а днем снова встретились и пошли на Городище. Расположились на большой поляне у Бутаковской дачи, играли в волейбол, а когда хотели пить – заходили по колено в реку и пригоршнями, роняя брызги, глотали чистую исетскую воду...

22 июня мы с Кларой Сочневой (ее мама Зоя Якимовна Сочнева была первым секретарем РК ВКП(б), а отчим Николай Афанасьевич Звездин – директором фабрики «Красный Октябрь») пошли в городской сад на танцы. И тут в рупор объявили: «Комсомольцы! Всем собраться в райком!». Мы не были комсомольцами, но тоже пошли. Комсомольский секретарь Саша Солодухин, зная, что сам уходит на фронт, принял решение:

- Кто еще не комсомолец, пишите заявления, на бюро всех примем!

Мы тут же написали и получили билеты. А другие ребята стали писать заявления, что они готовы пойти в Красную Армию добровольно, и в тот день к 10 часам

вечера таких заявлений было 144. Первыми записались Саша Спицын и Костя Дымшаков.

Райком комсомола организовал бригады, в которые мы и записались вместе с подругами Шурой Подкорытовой, Людой Цвигуненко, Надей Олупкиной, Женей Забегаевой. Сначала освобождали под госпиталь свою школу: шкафы, парты и столы перевозили на телеге, а книги, карты, приборы и химическую посуду переносили на руках в другую школу. В своей же школе, в срочном порядке переоборудованной, нам досталось мыть после побелки окна и полы.

На работу нас могли вызвать даже ночью, собирались «по цепочке». Здание финансового техникума готовили для приема интерната, а Советскую больницу – под госпиталь. Еще ходили на вокзал встречать эшелоны с эвакуированными интернатами: дети были разного возраста, младших передавали прямо из окон из рук в руки. Медиков и воспитателей не хватало, мы детей в бане мыли.

На станции Качусово мы ремонтировали железнодорожные пути, а когда мимо везли теплушки с солдатами – бросали цветы, кричали вслед пожелания. Провожали на фронт и своих одноклассников. А вот встретить всех не удалось. Погибли Саша Чуванев, Костя Мальцев, Анвар Сайфуллин, Костя Ветлугаев, Георгий Зырянов, Ваня Клепиков, Аркаша Лукинских, Вася Юношев, Коля Буторин, Боря Гусев. Погибли и учителя, в том числе Игорь Петрович Иванцов, учитель астрономии...

В августе вышел Указ о приеме в институты без экзаменов, но воспользовались этим немногие. Большинство выпускников пошли работать на заводы и после так и не смогли получить высшее образование.

Нина Маркова
Записала Виктория Иовлева
г. Шадринск

ОБЕЗДОЛЕННЫЕ, НО НЕ БРОШЕННЫЕ

Война. Неизгладимый след она оставила во многих детских душах. Сколько трудных ребячьих судеб связано с детскими домами, колониями, приемниками-распределителями. Но они помогли детям суровой военной поры выжить и стать на правильный путь.

Июнь 1942 года. В городе Шадринске организуется детский приемник-распределитель (ДПР). Он расположился по ул. Коммуны, 118 (ныне Михайловская), в здании, принадлежавшем промартелю «Обувь».

В июне приемник-распределитель бесплатно получает вещи от населения, горкома комсомола. Уже в июле вновь назначенный начальник Павел Андреевич Таран принимает всю документацию, в том числе 36 личных дел детей.

Из кого же состоит штат сотрудников приемника, ответственных за детские судьбы? Это воспитатели, техничка, медсестра, эвакуаторы, няня-надзиратель, вахтер, бухгалтер, конюх, повар, прачка и завхоз. Это они, по мере своих сил, старались вытащить ребятшек из беды, беспризорничества.

Много их прошло через Шадринский детский приемник за 13 лет его существования, очень много. Дети поступали в него, в основном, не добровольно. Их вылавливали сотрудники милиции на базарах, толчках, на вокзале, железнодорожном транспорте и приводили голодных, завшивленных, неухоженных, забывших, что такое мягкость кровати и вкус горячей пищи.

Что же их заставляло бродяжничать, беспризорничать? Сиротство. У многих умерли или погибли родители. Плохие условия или что-то другое в детдомах, интернатах, ремесленных училищах и вследствие того —

побеги. Во время беспризорничества многие из них нищенствовали, воровали.

В приемник поступали дети от 3 до 17 лет. И сроки пребывания у них были различными – и до двух недель, и до месяца.

Отовсюду поступали – из Челябинской, Московской, Ленинградской, Рязанской и других областей страны. Бывало и такое, что приходили дети добровольно.

Не хватало одежды, обуви, постельного белья. Но, несмотря на это, дети ухожены. Каждую неделю их моют в городской бане, меняют нательное и постельное белье. Как в любой семье, так и здесь следят за здоровьем детей. Ежедневно медсестра проводит медосмотры, два раза в месяц городской детский врач посещает приемник.

Детей занимают, их многому учат. Все, что намечается по плану, воспитатели претворяют в жизни – политинформации, обсуждение прочитанного, работа с глиной, рисование, музыкальное образование.

Дети получают и трудовое воспитание: чинят одежду, участвуют в посадке, уборке лука, огурцов, моркови на участке во дворе. Создается бригада для сбора ягод, грибов. Силами ребят обрабатываются поля с картофелем (1 гектар) и овсом (2 гектара). В подсобном хозяйстве есть и животные – одна рабочая лошадь, два быка, три коровы, несколько свиней. Имеется и свой скромный сельхозинвентарь – плуг и две бороны. Ребята заготавливают сами и сено, и дрова. Помощь ребятишек учитывается, осенью им выделяется дополнительный хлеб к пайку общего стола – 200 граммов ежедневно для подростков, занятых на уборочной в подсобном хозяйстве приемника.

В питании детей – хлеб, мясо, крупы, рис, горох, масло сливочное, помидоры, морковь, картофель, лук, огурцы. Подсобное хозяйство – большое подспорье.

Дети ждут не только кино (два раза в неделю), очередного номера газеты «Смена», праздников, но и встреч с бывшими воспитанниками приемника, которым есть что рассказать новеньким.

А бывшие воспитанники не забывают приемник, некоторые из них систематически присылают письма сотрудникам.

После временного пребывания в приемнике ребят передают в Шатровский, Топорищевский, Далматовский детские дома. Эвакуаторы получают командировки и доставляют ребят к родным, близким, соседям, в колонию. Подростков трудоустраивают в столярные мастерские, ремесленные училища г. Шадринска, на металлзавод.

Во время эвакуации некоторые ребята сбегают в неизвестном направлении. А вот у эвакуатора Марии Ивановны Ключиной за трехлетний период ее работы не было ни одного побега воспитанников. Начальник приемника Людмила Михайловна Каргаполова в одном из своих отчетов пишет о ней: «Очень добросовестна и с большой любовью относится к работе. Дети, ранее отвезенные в детские дома, пишут ей письма и встречают ее в детском доме как родную мать...»

Эти слова можно в полной мере отнести и к самой Каргаполовой. Шесть самых трудных лет – с 1943 по 1949 годы - она проработала в приемнике-распределителе. О своей тете, Людмиле Михайловне, вспоминает С.В. Костромин, который, будучи подростком, постоянно видел в доме ребят из приемника, живших месяцами у своей начальницы. После приемника-распределителя она несколько лет проработала с глухонемыми детьми.

Строки письма Каргаполовой военного времени от 12 марта 1945 года могут многое поведать об этом человеке.

«Вот только сейчас я нашла немного утешения своему утомленному сердцу, работая с беспризорной дет-

ворой. Какие это милые, хорошие души – пусть даже уже воровали, грабили. Но я знаю и помню, что их заставило делать плохое дело только несчастье. Одним словом, отличная наша советская детвора, а ее так везде много, и я ее так люблю. С ней некогда скучать: каждый день и каждый час работы с ними приносит тебе много радости и много огорчений. Эти огорчения забываешь, когда видишь, с каким упорным трудом какой-нибудь Петя заглаживает свою вину перед тобой, старается доказать тебе свою любовь и преданность нашему общему делу с ним...»

...Прошли годы. Неумолимое время состарило «подранков» войны - детей той суровой и беспощадной поры. Но многие из них с благодарностью вспоминают годы, когда израненная страна позаботилась о своих юных гражданах. Свою лепту в это дело внес и наш город.

Нина Бажина
г. Шадринск

У МЕНЯ ЕСТЬ ВЫ И МАМА

Когда я разбирала архивы детских домов, находящихся в областном музее народного образования, наткнулась на письмо бывшего детдомовца. В годы войны он потерял, а потом, много позже, нашел свою мать. Письмо взволновало меня, я подумала о современных молодых мамах, которые не желают особенно себя обременять, оставляют своих маленьких детей на воспитание бабушкам или совсем отказываются от малышей, передавая их на попечение государства.

Любого человека, любого работника можно заменить, а мать не заменит никто! Вот о чем я подумала, читая письмо солдата.

У.И. Поставалова

На фото молодой красивый паренек смело смотрит в объектив фотоаппарата. Это бывший детдомовец, он пишет своей воспитательнице из армии.

«Здравствуйте, мой дорогой учитель и воспитатель Нина Георгиевна! Горячий сыновний привет и наилучшие пожелания в Вашей жизни, доброго Вам здоровья! Пишет Вам Леонид К. Помните такого капризного, вечно недовольного, с фокусами? Я помню все-все, дорогая Нина Георгиевна! Только благодаря Вам я стал человеком...

Два года служу в армии. Но я хочу написать Вам о самом важном: как я искал и нашел свою родную мать.

Началом послужила беседа с товарищем. Я рассказал ему о воспитании в детдоме, а товарищ посоветовал начать поиск родных.

Мысль эта захватила меня. Я написал в детдом, потом вместе с замполитом части мы обратились в Шадринский военкомат с просьбой установить подлинность моей фамилии, где, когда и кем был найден. Документов оказалось слишком мало. Но работники военкомата сделали доброе дело – написали в газету заметку «Солдат ищет родных». Вырезку послали мне. Не прошло и двух месяцев, как я получил письмо. Женщина писала, что потеряла сына при сходных обстоятельствах. Я обрадовался, но все равно не верил в счастье. Послал свое фото для опознания. А в один из августовских дней получил от нее письмо и фото.

Нина Георгиевна! Сомнений не было – это была моя мама! Те же черты лица, те же глаза, что и у меня. Мама, о которой я столько думал в трудные минуты своей жизни. Мама, о которой мечтал, которую вообще не видел, мама... Трудно представить мою радость и ликование! Но вместе с ними пришла и горечь сознания от того, что я и раньше мог бы ее найти. Жизнь достаточно потрепала меня, когда я вышел из детдома. Возможно, не было бы этой трепки, найди я маму четыремя годами раньше.

Командование части предоставило мне отпуск для встречи с матерью, я стал готовиться к отъезду. Все мои мысли были в Ельце, где живет моя мама. И вот я выехал... Куда, зачем еду, кто этот человек, виновата ли она передо мной, как меня встретит?

... Я не спешу, боюсь встречи. Тихо пробираюсь к выходу, схожу... И волосы зашевелились у меня под фуражкой. На мне повисла женщина, в ее крике, рыданиях я с трудом понимаю слова: «Родной, сынок!» Отрываю ее от себя, что-то говорю: «Ладно, успокойся, мама, зачем плакать, ведь мы нашлись». А люди смотрят на нашу встречу, как будто знают, что она первая за мои 19 лет. Плачет пожилая проводница, плачут женщины. И мама стала мне такой близкой, я обнял ее, поце-

ловал. Я готов был разреваться вместе с ней, хотя я давно разучился плакать. Я взял маму под руку и вывел ее из круга людей.

Отпуск мой прошел в сплошных переживаниях. Я никак не мог поверить, что обрел семью, дом, что я уже не один. По утрам, когда я открывал глаза, я видел надо мною маму, то плачущую, то улыбающуюся. А я не знал, как себя вести. Приласкать и успокоить маму я не мог – этому меня не учили, да и не хватало решительности.

Нина Георгиевна, поверьте, как мне было приятно, тревожно и трудно!

Как потеряла меня мать, я напишу Вам в следующем письме. Только кратко скажу, что она не виновата, виновата война.

До свидания.

Ваш сын (у меня теперь две матери – Вы и Мама. Я теперь богатый).

Леонид»

ШАДРИНСКИЕ ЛЕНИНГРАДЦЫ

Краеведы школы № 4 города Шадринска выступили на Всероссийской конференции, о которой не ведали даже в Санкт – Петербурге.

Восьмиклассники Егор Дружинин, Алена Чупрова, Женя Слуднова и их классный руководитель, учитель русского языка и литературы Ирина Ивановна Черданцева в ноябре 2003 года стали участниками Всероссийской конференции учащихся «Санкт-Петербург и вся Россия».

Их реферат «Судьбы детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда» члены жюри, в составе которого были ученые, признали одним из лучших, а альбом с подлинными документами просили передать в Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда.

- Только посмотреть! - разрешили ребята и в Санкт-Петербурге оставили ксерокопии документов.

Над этой темой они работали три года. К счастью, еще жива Маргарита Борисовна Пашкова, которая, несмотря на свои 90 лет, сохранила в памяти многие события шестидесятилетней давности.

Участие в конференции на заключительном этапе больше зависело от финансовых возможностей: аккредитация каждого - 3600 рублей. Но все необходимые средства удалось собрать с помощью горожан. Непосредственное участие в этом принимали заместитель мэра города Новикова, комитет по делам молодежи, профкомы автоагрегатного завода и средней школы № 4, горono, администрация пищекомбината, быв-

шие выпускники Лузеин, Педошенко, кассир станции Шадринск Глебова.

«Юные патриоты»

Когда в сентябре 1941 года началась осада Ленинграда, бомбардировки и обстрелы, из города стали отправлять детей. Уже в ноябре в Зауралье прибыли дети, эвакуированные из Ленинграда, Москвы, Петрозаводска, Витебска. В октябре 1942 года приказом Челябинского областного отдела народного образования все интернаты города Шадринска были объединены в интернат № 22, которому присвоили название «Юные патриоты».

Заведующей назначили Любовь Лазаревну Поташникову, педагога с 13-летним стажем. Все сотрудники интерната - 8 воспитателей, бухгалтер, медсестра, завхоз, повара и их помощники, кладовщик, кастелянша, ночные нянечки, прачки, уборщицы - были ленинградками. Приехали одни женщины, некоторые с близкими родственниками и детьми, так все и жили в интернате. Из местных работали двое: Дарья Дмитриевна Суворова была прачкой, а Маргарита Борисовна Пашкова - воспитателем младшей группы и руководителем мастерской по изготовлению учебных пособий и игрушек.

В интернате жили дети в возрасте от 4 до 16 лет, на каждого было заведено личное дело, в котором было указано, кто остался сиротой, а у кого родители воевали. У Анатолия, Людмилы и Владимира Юркиных мать погибла в Ленинграде, а отец, матрос Кронштадта, весь израненный, лежал в госпитале. Пятилетний Володя все время просил Маргариту Борисовну: «Будьте моей мамой».

У воспитанников были шефы - курсанты кавалерийского училища, и мальчишки приходили в восторг, когда brave кавалеристы приезжали к ним в гости на боевых конях.

«Я - бомбовоз!»

В доме, где располагался интернат, на нижнем этаже находились изолятор, кухня и столовая, а на верхнем - жилые комнаты. В отдельном помещении была мастерская по изготовлению учебных пособий, игрушек и здесь же комната по выполнению домашних заданий. Все помещения содержались в чистоте, комнаты были украшены самодельными дорожками, скатертями и занавесками: директор отыскала в Челябинске наждачное полотно на матерчатой основе - наждак отмывали, а из основы шили шторы и простыни.

В интернате не было соответствующей возрасту мебели, не хватало даже столов, ребятишкам нечем было играть. Первые две куклы Любовь Лазаревна сшила сама, позже у всех одиннадцати дошкольников появилось по своей кукле. Мальчишки играли в войну. «Фашистами» никто быть не хотел, с большим трудом уговаривали двух-трех пацанов, остальные становились «красноармейцами», а девчонки - «санитарками». На крыльце интерната был «медпункт», куда привозили «раненых», и им оказывали медпомощь. «Фашисты» прятались по углам двора, на них устраивали засады.

Война присутствовала во всех играх: даже на мирных занятиях по лепке. Вместе с желанными пышками, грибами, домиками и колбасками дети лепили танки и самолеты. Один из малышей говорил воспитательнице Пашковой: «Я - самолет-бомбовоз и все свои бомбы Гитлеру на голову сброшу», а другой уверял: «Мы фашистов не любим, мы вырастем и тоже пойдем их бить».

Интернат жил по режиму дня, который четко выполнялся. В 8 утра начинался день у дошкольников: дети самостоятельно одевались, помогали друг другу завязывать шнурки и застегивать пуговицы, некоторые сами заправляли постели, шли умываться, затем - на зарядку. Полотенце сначала было одно на всех, позже заве-

ли каждому отдельное, а упражнения чаще всего делали на свежем воздухе. Завтрак, занятия по музыке, разучивание песен и игры, обед, сончас, полдник, снова занятия, экскурсии на природу, ужин, коллективное чтение книг, в 9 часов вечера отбой.

Морковь тушеная...

Прокормить полторы сотни детей в войну было очень трудным делом. Снабжение продуктами лежало на плечах директора и завхоза Анны Федоровны Фомичевой. По крохам собирали все, что удавалось: мясокомбинат поставлял колбасу, кровь; маслозавод - суфле; заготзерно - овсяную муку; торгплодоовощ - картофель, свеклу, турнепс, капусту; плодовое-ягодное хозяйство - землянику, смородину, малину, яблоки. Кости и студень получали часто, а вот на хлеб, мясо, сахар, крупы и жиры выдавали талоны, отоварить их - целая проблема. Иногда продукты приобретали на рынке у частных лиц, ездили по деревням.

Летом старшие ребята работали на своем огороде, сеяли огурцы, репу, укроп. В 1943 году был собран такой урожай: 2,5 тонны огурцов, тонна помидоров, 150 кг свеклы, 200 кг моркови, 300 кг репы и 100 кг редьки. Для картофеля был выделен отдельный участок почти в 4 гектара, с него собирали урожай под 30 тонн. Работали ребята и в колхозах на прополке и сборе урожая, в 1943 году ими было заработано 172 трудодня.

«В какой-то год была очень ранняя осень, пришлось убирать мерзлый картофель. Началась пурга, но работу никто не бросил», - вспоминала **воспитательница Маргарита Борисовна Пашкова**. В ее архиве сохранился и уникальный документ.

В 1944 году детям начали выписывать продукты, которых раньше не было: меланж - яичный порошок, фасоль, сливки, сало говяжье, творог, сыр плавленый, мармелад, изюм, помидоры, крахмал, лапшу.

300 кубометров дров

Интернат был практически на самообслуживании. Воспитанники помогали носить воду из водокачек - Шадринский горкомхоз выделял водомерки на определенное количество ведер; под руководством прачки Дарьи Дмитриевны Суворовой подростки заготавливали топливо - только в 1943 году спилили с корня 300 кубометров дров; в интернате было две коровы, Жданка и Красотка, лошадь Игренька - бригада косарей из шести человек заготавливала для них сено; позже появилось четыре поросенка - дети сами ухаживали за ними.

Была в интернате и ремонтная бригада, которая следила за порядком в зданиях: ребята побелили стены, застеклили все окна, почистили и отремонтировали печи, покрасили 60 кроватей, залатали крышу.

Учились ребята в разных школах города, все в основном на «хорошо» и «отлично». Учебников не хватало, занятия велись в три смены, но в режиме дня интерната были специально предусмотрены часы для подготовки домашнего задания и продумана шефская работа старших ребят над младшими. Дошкольников опекали особенно: с ними больше гуляли, мастерили игрушки, помогали мыться в бане.

В городскую баню на берегу Исети детей водили раз в 10 дней, но иногда санитарные дни срывались из-за отсутствия мыла и недостатка белья. Младшие мальчики не имели смены костюмов, старшим девочкам не хватало платьев и чулок. Наверное, поэтому самой большой наградой за труд были именно одежда и обувь.

Телеграмма от Сталина

В интернате ежемесячно выпускалась газета «Юный патриот», в которой главное место занимали сводки с фронтов.

Ребята старались помогать фронту, как могли. Они шили носовые платки и кисеты, вязали шарфы и все высылали на передовую; собирали металлолом, и на эти вырученные деньги был построен танк. Об этом они узнали из правительственной телеграммы: «Прошу передать работникам и воспитанникам Ленинградского интерната, собравшим 14000 рублей на строительство танка «Юный ленинградец», мой горячий привет и благодарность Красной Армии. Сталин».

6 апреля 1944 года Ленинградский интернат №22 сдал облигаций в фонд постройки эскадрильи «Шадринский рабочий» еще на сумму 7300 рублей.

Поле с ромашками

27 января 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов, при поддержке Краснознаменного Балтийского флота, в результате ожесточенных боев прорвали вражескую блокаду. Интернатовцы в далеком заснеженном городке Шадринске ликовали, узнав об этом событии, и стали собираться домой. Сначала уехали 26 человек, потом еще 33...

Кого-то забирали родственники, кто-то уезжал продолжать образование. 3 июня 1944 года бухгалтер Анна Федоровна Фомичева увезла группу детей в ремесленное училище и пищевой техникум города Ленинграда, 28 июня уехали Муза и Анатолий Жарковы, трое Леонкиных, Юрий Александров, Рая Кутузова, Алевтина Лешко и другие ребята. В конце июня 1945 года в Ленинград возвращались последние эвакуированные дети. Их собрали по всей Курганской области в специальный состав, начальником эшелона назначили Любовь Лазаревну Поташникову. Сопровождали «шадринских ленинградцев» Маргарита Борисовна Пашкова и Ефросинья Семеновна Крылова, у нее жила одна из воспитанниц. В Шадринске остался лишь Валя Анисимов, он учился в летном училище.

Поезд с детьми уже приближался к Ленинграду, и вдруг все увидели огромное ромашковое поле. Все было настолько неожиданно и красиво, что машинист остановил поезд, дети и взрослые высыпали из вагонов, нарвали охапки цветов и так, с этими букетами, доехали до дома.

Город встретил их жуткой картиной: разрушенные дома, искореженные трамвайные рельсы, изуродованные бомбежкой улицы... Многих на вокзале встречали родители и родственники. Многих, но не всех, и для некоторых детей дом-интернат так и остался единственным и родным домом. Долгие годы четвертого числа каждого месяца воспитанники и воспитатели встречались в Екатерининском сквере у памятника императрице.

На последнюю встречу «шадринских ленинградцев» собралось 9 человек из 13, которых удалось найти поисковикам. Борис Гинзбург и его брат Игорь стали учеными, Валентин Слепков - инженером-горняком, Юрий Лавриков - профессором, Анатолий Мошинский - художником, Юрий Слободский - врачом, Антонина Назарова - учителем математики...

Можно ли рассчитывать, что произойдет новая встреча? Ребята на это очень надеются.

Галина Задорина
г. Шадринск

КТО Я И ОТКУДА, ИЛИ ДОЛГОЕ ЭХО ВОЙНЫ

Однажды в передаче «Жди меня» прозвучало, что разыскиваются воспитанники детского дома города Керчи, эвакуированного из Крыма в 1941 году. Одной из них оказалась жительница Шадринска Татьяна Петровна Карпова.

На самом деле когда-то ее звали вовсе не Татьяна, а Валя. И фамилию свою она помнит – Уманская. Судьба с самого начала была неласкова к ней.

Жили они на Украине, но где именно, Татьяна Петровна не знает. Неизвестно ей ничего и про отца. Помнит только, что маму звали Фекла (по-украински Вэкла). А осиротела Валя совсем малышкой – мать умерла, родив мертвого ребенка. Из какого-то большого города (из Киева?) приехала тетя Варя, которая увезла племянницу к себе. Но муж тети пополнению в семье не обрадовался, начались скандалы. В конце концов, Валя оказалась в детском доме города Керчи. Какой шел год – неизвестно.

К началу войны, считает Татьяна Петровна, лет ей было примерно 6-7. А вот летний день, когда впервые услышала слово «война», помнит. С разрешения взрослых они с подружкой отправились на пляж (детдом находился на берегу моря), но не успели дойти до воды, как их позвали обратно: поступило сообщение о нападении Германии. Вскоре детский дом собрался в эвакуацию. Воспитанников посадили на пароход, малышей разместили в трюме. Когда плыли, была сильная качка (от волн, от бомбежки?). Сколько плыли, Татьяна Петровна не запомнила. Высаживались ночью, многих детей выносили на руках. Видимо, немцы были близко,

так как сирот спрятали в овраге и велели сидеть тихо, ждать поезда.

Но он так и не пришел. Прибыла телега, запряженная быками. Кто не мог идти, тех повезли, остальные отправились пешком. Шли долго. В пути питались тем, что подавали люди. Так добрались до города Карачаево-Черкесска, где и разместился детдом. При бомбежках воспитанников уводили в горы.

Когда немцы подходили к Ставрополю, детей пешком повели в Пятигорск. Добрались до города, он был полупустой. Часть детей, в том числе и Валу, разместили в школе, остальные ушли дальше.

- Воспитатель сказала нам, - вспоминает Татьяна Петровна, - чтобы на расспросы мы отвечали, что ничего не знаем. По улице помчались немецкие мотоциклы, за ними легковые машины и танки. Нас увели за школу, спрятали в окопе, где мы и сидели много-много дней. От голода теряли сознание. Мальчишки откуда-то прикатили бочонок с соленой килькой. Наелись, но стало еще хуже: невыносимо хотелось пить. Вскоре немцы заняли школу – там разместился штаб. Они веселились, пили шнапс, играли на губной гармошке.

А дети, оказавшиеся по соседству, голодали и боялись, что их угонят в Германию. К тому времени малыши остались одни – куда делся воспитатель, никто не знал. Кто посмелее, ходили просить милостыню. Татьяна Петровна помнит, что некоторое время их подкармливал какой-то мужчина, мальчишки его называли дядей Сашей. Он говорил по-русски, но выносил еду из немецкого штаба и складывал ее за мусорными баками. Потом его не стало. Снова просили милостыню. Взрослые наказывали, чтобы детдомовцы не говорили, кто они и откуда. Тогда ребята начали менять имена. Валя назвалась Таней. Имя осталось за ней и тогда, когда немцев прогнали.

Как-то Таня с одной из девочек повстречали на улице женщину, которой рассказали о себе. Она обещала забрать их на следующий день. Слово сдержала и увезла девчонок за город, в колхоз имени Орджоникидзе. Несколько дней они жили в конторке. Потом Таню взяла к себе тетя Груня, с сыном которой нянчилась.

В 1943 году Таню забрали в Машукский детдом города Пятигорска. Там исхудавшую девочку определили на усиленное питание. Без чьей-либо просьбы она начала ухаживать за маленькими детьми, которых приводили в приют.

Так продолжалось до 1946 года, когда ее отправили на работу в Дивненский район Ставропольского края. Комиссия установила ее приблизительный возраст, решив считать годом рождения 1930-й. Старшие советовали: «Поезжай, девочка, в город, может, выучишься». Она уехала в Ростов, трудилась на железной дороге, но так и не выучилась. Когда пришла пора, вышла замуж. С мужем жили сначала в Томской области, а с 1963 года – в Шадринске. Татьяна Петровна давно на пенсии, но льгот, положенных тем, кто работал во время войны, не имеет – нужны документальные подтверждения. На ее запросы поступал ответ: «Архивы не сохранились».

Большая часть жизни прошла. Но не дает Татьяне Петровне покоя мысль: кто я, когда и где родилась? В надежде узнать хоть что-нибудь регулярно смотрит передачу «Жди меня». Любой рассказ не способен передать то, что пришлось пережить. Любые невзгоды не казались бы такими тяжкими, если бы рядом были близкие люди. Но ей выпала сиротская доля.

Ангелина Барабанова
г. Шадринск

В ТЕСНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ

Колхозники села Шахматово Шадринского района (в войну – колхоза им. Орджоникидзе) жили от урожая до урожая. В августе - сентябре жали рожь, молотили, развозили в мешках по домам, сушили на печах, а затем снова собирали и везли на мельницу. Какие вкусные, душистые первые коврижки были! Да, жили впроголодь сами, а тут еще нужно было пристроить эвакуированных из Москвы и Ленинграда.

Как известно, деревенские дома в наших краях неказистые – кухня и комната. Вот в такой дом Миропия Ивановна Щекина приютила семью из Москвы. Хотя у самой были больная мать, сын и две сестры. У эвакуированной Марии Павловны Семиной были мать, сын Николай и дочь Анна.

Мария Павловна с Миропией Ивановной работали в колхозе, выполняли разную работу. Когда немцев отогнали от Москвы, муж Марии Павловны, Александр Сергеевич, приехал и забрал семью в столицу.

Позже Миропия Павловна с сестрой Марией ездили навестить Семиных и заодно посмотреть Москву.

При беседах Мария Павловна говорила:

- А помнишь, Мия, как мы в поле, в обеденный перерыв, пили молоко из одной бутылки?

Сын Марии Павловны, Николай, дружил с Виталием Андреевичем Еланцевым, который в те далекие времена и сам не знал, что он внук нашего земляка, офицера, полного Георгиевского кавалера Василия Алексеевича Черемисина. Он и его сверстники ходили в школу

за три километра в село Черемисское, а летом пололи сорняки, спали на заимках.

Виталий Андреевич с женой несколько раз навещал Семиных, и каждая встреча была радостной и теплой.

Михаил Брагин
д. Шахматово Шадринского района

На снимке: Миропия Ивановна Щекина, Мария Павловна Семина, сестра М.И. Щекиной – Мария.

«ЖИВА ЛИ СКАЗОЧНАЯ РЕКА ИСЕТЬ?»

26 февраля 1944 года газета «Красный Курган» опубликовала информацию о том, что девочка Таня Румянова на смотре художественной самодеятельности спела волнующую песню о Тане (о Зое Космодемьянской). Журналист перепутал: вместо имени «Клара» девочку назвал Таней. Но остальное было все верно: «С хорошими номерами детской самодеятельности пришли на смотр Погорельский и Шадринский интернаты. Уже сейчас можно говорить как о ярко выраженной творческой индивидуальности – о воспитаннице Погорельского детдома тринадцатилетней Тане Румяновой...».

Автор информации не ошибся в «яркой индивидуальности» юной певицы. Сегодня весь мир знает этот голос. А лучше сказать – голосок, потому что Клара Михайловна Румянова поет за своих удивительных персонажей светлым, звонким и неповторимым голоском (Чебурашка, Заяц, Крошка Енот и другие).

«Сейчас, когда Клара Михайловна стала профессиональной артисткой, - пишет один из критиков, - она вспоминает далекое Зауралье, куда была эвакуирована семья Румяновых...». Но Клара Михайловна Румянова вспоминает не просто Зауралье, она вспоминает Шадринск и Погорелку! В адрес областной газеты «Красный Курган» она однажды написала: «Большое-пребольшое спасибо за то, что вы помогли восстановить мне связь с моей Погорелкой. Сразу после той заметки в вашей газете мне написали письмо из моей родной Погорельской школы. Еще работает учительница, у которой я училась! Там теперь совхоз свиноводческий, лучший в республике».

К сожалению, нет уже в живых той учительницы. Разъехались в разные концы страны и соученики. Нет и самого создателя того знаменитого, «лучшего в республике» совхоза «Красная звезда» – Григория Михайловича Ефремова. Но живет память о родной Погорелке в сердце девочки, которую вместе с другими детьми согрели в войну зауральские сельчане. Клара Михайловна вспоминает: «Никогда не забыть тех лет, не забыть людей, которые так тепло ко всем нам отнеслись. Всем им мы благодарны за все до конца дней своих. Но особенно мы помним Александру Ивановну Попову. Она каждую субботу отдавала нам свою баню, все три года. Оравушка детская в количестве 70-ти человек парилась там. Наверное, мы ей сгноили ее (баню – В.П.). Пусть уж она нас простит!.. Ребятки! Разыщите ее! Или, может там живет ее сын Алеша Попов, мой соученик».

Но нет ни Александры Ивановны (дай бог ей Царствия небесного!), ни ее сына. Погорелка дает разные адреса этого Алеши. Пока его не разыскал никто...

Клара Михайловна просила разыскать еще Гаврилу Васильевича Семенова, его жену Анастасию. Особенно этим людям благодарна ее мама, бывшая в те горькие годы директором эвакуированного из Днепропетровска в Погорелку детского дома (или как называет его К.М. Румянова – детинтерната).

«Никогда не забывала, не забуду мою школу, нашего прекрасного директора Андрея Ивановича (больше такого нигде не было), доброго, заботливого человека. Никогда не забуду, как он всех учеников в большие морозы встречал у порога школы и рассматривал наши носы и щеки – не обморожены ли. И кто обморозился (я как-то тоже отморозила щеки) вел к себе в кабинет и натирал гусиным жиром. У меня есть фотография нашего класса за 1943-1944 годы, я постараюсь переснять ее на Мосфильме и вышлю вам. А пока высылаю вам свою фотографию. Я участвовала в художественной

самодетельности, мы выступали перед колхозниками, брали маленькую плату, а деньги сдавали в фонд обороны. Наш детинтернат участвовал в областном смотре художественной самодетельности – о нас писали в газете «Красный Курган» за 1944 год». Речь идет, видимо, как раз о той заметке, с которой мы начали этот рассказ о Кларе Румяновой.

В одном из писем Клара Михайловна сделала даже рисунок тех мест, в которых она с мамой и воспитанниками «мамино» детдома жила в Погорелке. Это очень важно сегодня, поскольку уже нет тех домов! На их месте встали или встают новые, большие, другие. К счастью, сохранился снимок частного двухэтажного дома, отданного погорельскими жителями эвакуированным ребятишкам. В нем и жила Клара вместе с другими детьми и с мамой. Через дорогу от этого дома был другой – в три окна на улицу, переходившую в дорогу к Исети. Клара запомнила даже железное кольцо на калитке «дома Поповых» (тот, что через дорогу от интерната). За интернатом был колхозный двор (рукой Клары Михайловны написано это!). Она же и написала, что улица-дорога вела к Исети, которую полюбила на всю жизнь. Не случайно спрашивает в письме: «Жива ли сказочная речка Исеть и бор?» А еще запомнилось ребятишкам военной поры, сколько было в том бору ягод да грибов: «Так же ли много грибов и земляники?». Не только бор радовал и кормил в те годы! Запомнилось им навсегда, как речка Исеть тоже их кормила: «Выбрасывает ли весной в половодье Исеть сладкие корни «мучку», так их называли погорельские ребята раньше?»

В другом письме Клара Румянова писала, как жили в Погорельской школе, в интернате: «Дети просыпались рано. Дежурные рубили дрова, выполняли свои обязанности. Кто-то с криком: «За Родину! В бой!» уже носился по улице, у школы. Но шум вскоре утихал: ребят ждал завтрак, а там и занятия».

Четыре года Погорелка заботилась о приезжих детях. Но наступило то утро, когда пришли подводы... Клара Михайловна хорошо запомнила этот день. Повзрослевшие ребята ходили по деревне в последний раз, дышали ее свежим воздухом, прощались с добрыми людьми, которые стали им родными. Клара вместе с мамой стояла возле дома. «Вот, доченька, и домой едем...» – «Домой? Домой-то куда? Мы и так дома!» Заслуженная артистка России Клара Румянова пишет: «Я так благодарна вашему краю за удивительное тепло и широту человеческой души. Люди здесь так необычны и красивы. И язык их (как говорил покойный ныне директор нашей школы Андрей Иванович) «самый правильный и самый красивый». Ах, если бы я была писателем! Я бы поэтичнейшую повесть написала и посвятила этому красивейшему краю. Ведь здесь, на сцене, в Погорелке, я впервые выступала как актриса. Здесь я полюбила всех людей на свете!»

Конечно, Клара Михайловна не могла забыть и такой эпизод: рухнувший пол на сцене, когда они с подружками провалились вместе с досками. Правда, это было не в Погорелке, а в пионерском лагере.

В конце июня 1943 года туда собрали шадринских девятиклассников – парней. Среди них был Иван Еланцев (шадринцы хорошо знают Ивана Григорьевича Еланцева, прекрасного баяниста). Он и тогда уже блестяще играл, поэтому военное начальство определило его культмассовиком в лагерь Осовиахима. И вот однажды в тот лагерь пришли с концертом воспитанники Погорельского интерната. Девятиклассник Ваня Еланцев аккомпанировал им, сидя на табурете (сцена, кстати, была там же, где и в наши дни). Видно, слишком усердно топнули танцорки, среди которых была и Клара (она и пела, и танцевала лучше других). Или уж пол был столь обветшалым, но... Раздался треск, и все артисты провалились. Ваню спас баян – не дал упасть ему. Зато пря-

мо на баяниста свалились все девчонки. Да еще большой бак с водой туда же рухнул – всех окатило! И смех, и грех! Долго потом вспоминали, должно быть, этот случай и в Погорелке, и в Шадринске. Ивану Григорьевичу и сегодня хотелось бы узнать, помнит ли Клара Румянова тот эпизод. Написал ей даже письмо. Но, увы, ответа не получил. Может, письмо затерялось...

Иван Григорьевич хорошо помнит, что было в Шадринске много эвакуированных ребят и с Украины, и из Ленинграда, и из Москвы. Не раз они встречались с теми ребятами. А один из них даже брал у Вани Еланцева уроки игры на аккордеоне.

Звали его Эдик Колмановский. Вполне возможно, что это тот самый, ныне всем известный композитор Эдуард Колмановский, чью песню «Алеша» поет весь мир на разных языках. Песню о русском парне, символе народа-победителя, памятник которому стоит в Болгарии.

Среди эвакуированных детей были и дошкольники, и школьники разных классов. Были и те, кто пошел в Шадринске в первый класс. Среди них Марина Кириллова, ныне кандидат биологических наук, заместитель директора НИИ защиты растений в Санкт-Петербурге. Ее отец был известным морским военачальником, руководителем кафедры. С началом войны он стал одним из создателей «дороги жизни» на Ладоге. Затем командовал операцией на Волге, тремя десантами на Азовском море. Николай Константинович Кириллов, сын шадринской учительницы Эльзы Гансовны Кирилловой, погиб на Азовском море в 1944 году... Похоронен в Темрюке, куда к мемориалу героям Марина Николаевна и ее дочь Даша ездят почти ежегодно на встречи с ветеранами-моряками.

Накануне гибели капитан 2-го ранга Кириллов в беседе с одним из своих «учеников» по Академии (ныне писатель, автор ряда книг о героях-азовцах) Терентием Пантелевичем Перекрестом признался, что очень тре-

вожится за свою семью: «Да, все нарушила проклятая война, все поломала. Меня очень волнует вопрос, как теперь живут мои – Машенька и дочурка Мариночка? Что с отцом? Он был совсем плох. Как у них дела в Шадринске?»

Мы встретились с Мариной Кирилловой в мае 1994 года. Она хорошо помнит, как была эвакуирована с мамой по Ладоге сначала в Курган, потом – в Шадринск. Самое яркое в памяти – теплый плед, который спасал ее во всех теплушках и вагонах, на вокзалах и в каких-то случайных ночлежках (ведь дорога до Зауралья была для них очень непростой и долгой). Марина Николаевна чаще плакала, чем рассказывала...

Из шадринских впечатлений, прежде всего, остались стены первого этажа, где жила Эльза Гансовна – бабушка Марины. Каменные стены, покрытые темно-зелеными полосами. Тогда ленинградский ребенок не знал, что это «стены цветут» или просто плесень. Одна печь топилась из коридора, куда выходило еще несколько дверей (квартира была коммунальная). Другая печь – в комнате. Ее топила тетя Поля, прожившая с юных лет всю жизнь с семьей Кирилловых, а потом похоронившая последнего члена этой семьи в Шадринске – Эльзу Гансовну. Топили дровами и углем, запах которого Марина помнит до сих пор. Камень поглощал тепло, поэтому в квартире всегда было прохладно. Особенно зябли ноги. Зато когда наступала весна, приходил «вечный праздник»: под окном большой комнаты (всего комнат было две: одна крошечная, сходящая и за кухню, а другая с окном к соседнему дому – побольше) расцветал большой куст сирени. За ним – яблони. Обидно, но этот старинный, красивый сад вырубили при строительстве жилого пятиэтажного дома на углу Луначарской и Пионерской.

С наступлением весны другим праздником были встречи с Исетью. Одну Марину туда, конечно, не от-

пускали. Запомнился большой разлив. Видимо, такой же, как бывает и нынешними веснами...

Марина Николаевна вспоминает: «Пожалуй, самый большой праздник в Шадринске был для меня не весной, а осенью. Это когда меня наряжали в первый класс. Номер школы не помню, но она была недалеко от нашего дома, за каким-то углом. Школа небольшая, в одноэтажном доме». Скорее всего – это нынешний Дом работников просвещения, где прежде была школа.

В ее первом классе появилась и первая шадринская подруга – Нина. Фамилию, к сожалению, Марина Кириллова вспомнить тоже не могла. Но думается, что если жива та самая Нина, которая дружила в первом классе с ленинградской скромной девочкой Мариной (имя ее было тогда довольно редкое для Шадринска!), то она не должна забыть эту эвакуированную Марину. Может быть, и откликнется...

Марине Кирилловой запомнился общий стиль жизни в доме бабушки: спокойный размеренный порядок. Несмотря на голодное время – всегда красиво сервированный стол. Конечно, чаще полупустой. Но красивый. Традиционный прибалтийский порядок, которому Эльза Гансовна была всегда верна, хотя прожила всю жизнь в Шадринске. Вот этот порядок запомнился и эвакуированной Марине. Еще помнит она, что часто приходили к бабушке немолодые люди, вели тихие беседы. И обязательно бабушка чем-нибудь им помогала, что-нибудь им давала. Возможно, это были те самые переселенцы из Молдавии, которых Эльза Гансовна обучала немецкому языку. Например, она и меня потом познакомила с одной из тех людей – с Анастасией Меркурьевой Самсоновой («Настенькой»), которая не очень хорошо знала русский и уж совсем не знала немецкого! Маринина бабушка обучила ее и тому, и другому. Более того, «Настенька» сдала экстерном на право преподавать немецкий. И когда их семью реабилитировали, она

уехала назад в Молдавию, всю жизнь преподавала там немецкий и стала даже заслуженной учительницей Молдавии. Вот тех людей, видимо, сегодня вспоминает Марина Кириллова. Тяжелые дни им было легче переживать за большим и трудным делом. Следует помнить, что ее бабушка еще и работала! Но после уроков в школе, после занятий в пединституте или в полиграфическом институте, эвакуированном из Москвы, она успевала помочь осилить языки и тем, кто приходил в их дом.

Марина Николаевна призналась, что очень-очень хочет побывать в Шадринске, встретиться с теми, кто помнит ее. Хочет побродить по тихой улице Луначарского, посидеть на берегу Исети, опустив босые ноги в воду. Должно быть, это ощущение не может исчезнуть, хотя с тех пор много разных рек и морей она видела-перевидела. В прошлом году, например, она работала в Австрии. Отдыхала на прекрасных озерах. Но Исеть, как и для Клары Румяновой, осталась навсегда «сказочной речкой».

Была у меня еще одна встреча, имеющая отношение к эвакуированным в Шадринск детям. В редакции «Советской педагогики», в Москве, седая корреспондентка печатала на машинке свой какой-то материал, когда я вошла и спросила, там ли редактор. Тогда им был Спартак Черняк. Женщина подняла на меня глаза: «Ты откуда?» Говорю: «Из Шадринска». Она как вскрикнет, как подскочит ко мне: «Милая ты моя, хорошая ты моя! Я ведь в Шадринске была в эвакуации». Разговорились. Оказалось, что она, Антонина Ивановна Фотеева, тогда работала в ЦК комсомола и ей поручили везти в Шадринск детей красных командиров. Как те дети воспринимали все, что увидели и услышали в нашем краю, мне показалось очень интересным, и я записала кое-что из рассказов Антонины Ивановны Фотеевой.

«Приехали, наконец-то, в Шадринск, о котором прежде и слыхом не слыхивали. Там нас, может, и ждали, но

устроить уже было некуда – все забито и занято. Отправили в Ермаково. Знаешь такую деревню? Устроились. Я пошла в школу работать. Школа маленькая. Ребят тоже мало. В основном и учились те, кого привезла. Но было и так: есть семь учеников в классе из местных ребят и шесть из них – Саши Свинины, к примеру. Приходилось вызывать так: «Идет отвечать Саша Свинин-пятый!». Моим москвичам смешно! Вот, например, вызываю я к карте Сашу-третьего и говорю: «Покажи, где Волга». Сама понимаешь, Волга была тогда особо значима. Тот выходит и тычет (карандашом или пальцем) в карту. А с первой парты Саша-второй говорит: «Серет!» Ему в тон Саша-пятый: «Серет!» В перерыве московские ребята спрашивают: «Антонина Ивановна! А что они говорят?» Я сама не знаю, никогда не слышала такого слова. Спрашиваю у другой учительницы (нас только двое и работало в школе). Она говорит мне: «Серет? Ну, врет, значит!» Я, в свою очередь, объяснила московским ребятам, что это слово-синоним слову «врет». И никаких подтекстов мы не знали! Это уж потом, наверное, мои московские дети узнали еще какой-то смысл этого слова. А тогда мы узнали только одно: «серет» - это «врет».

Антонина Ивановна рассказывала о том, что вся деревня Ермаково заботилась о детях красных командиров. Тем более что многих из отцов уже не было тогда в живых. Относились к детям Москвы как к «сироткам». А за отца им был один-единственный в деревне мужик – хромой школьный сторож и конюх. Скорее всего, именно он был для ребятшек за рассказчика и за учителя по хозяйству (пилить, колоть, воду таскать и прочее). Возможно, кто-то в деревне и еще был из мужиков, но Антонине Ивановне запомнился один безногий сторож-конюх. Она и по сей день считает, что он был один на всю деревню. С некоторыми из тех ребят, кого она тогда привезла в Шадринск и Ермакову, она и сегодня пе-

резванивается в Москве. Встречаться просто было некогда. Ведь все на работе... Но и по телефону все они, смеясь, вспоминают, как в одном классе уживались несколько человек с одинаковыми фамилиями и именами.

Давно не только выросшие, но и успевшие состариться, бывшие эвакуированные дети, о которых даже песни сложены («Мы все войны шальные дети...»), не забыли своих учителей, первых зауральских друзей, одноклассников. Так, Клара Румянова называет фамилии Суворовых, Поповых, Фоминских, Вахониных, Семеновых, Быковых. Марина Кирилловна помнит Нину. Антонина Ивановна Фотеева назвала Свиных. Все эти фамилии есть в Шадринске и в районе и сегодня.

**Валентина Платоненко
г. Шадринск**

БЕЗ ОТЦА

28 сентября 1940 года в семье Захара Федоровича и Маеры Антоновны Таракановых родилась девочка. Отец был уважаемым человеком, работал механизатором, руководил курсами трактористов. В августе 1941 года его забрали на Великую Отечественную. Вот что рассказала Татьяна Захаровна Тараканова о своем военном детстве.

Воспитывала нас, четверых детей, одна мама. Она и двенадцатилетняя сестра Катя работали в колхозе, а нас: Валеру, Сашу и меня, водили в ясли. Мы с собой брали по бутылке молока и то, что смогла приготовить мама: травяной хлеб, печеный картофель, брюкву...

Помню, что молоко мы пили прямо из бутылок, сидя на голом полу. Гулять выводили на улицу. Набегавшись, срывали конотопку и ели ее, глядя друг на друга, у кого зеленее слюна. Травка казалось очень вкусной, и я ее ела, ела, ела. Вдруг слышу голос воспитателя и щелчок по руке: «Хватит, объешься!». Я расстроилась – не дали досыта наестся.

Братик Саша был еще меньше меня. Однажды он простудился. Пока бегали за фельдшером, ему стало хуже. Когда фельдшер пришел, помощь уже не потребовалась. Ребенок умер. Помощь в похоронах оказывать было некому и некогда. Все безотлучно работали в колхозе. Да и у каждого в доме было свое горе.

А на нашу семью снова свалилась беда. Пришло извещение – отец погиб. Очень хорошо помню, как мама развернула бумажку и зарыдала. Я ее за колено тереблю: «Мама, мама, не плачь!», а сама тоже плачу. Слезки мои лились на эту проклятую бумажку. Мне казалось, не будет ее, и мама перестанет плакать. В общем, к

тому времени, когда мама очнулась от горя, похоронка была уже порвана. Как сейчас слышу: «Что ты сделала? Ведь она нам нужна!». И снова слезы, слезы, слезы...

Мама, преодолевая боль утраты, заботилась о нас. Мы всегда были чистенькие и накормленные. Как она только все успевала! И мы ей старались помогать: приносили дрова для печки, воду в кадку, которая стояла в углу и закрывалась деревянной крышкой. Весной вскапывали землю на огороде, а вечером, вернее, ночью, мама с Катериной садили овощи и картофель. Когда начинала зеленеть трава, приносили из леса саранку, пучки и листья кобыляка. Наберем мешок, радехоньки, а тащить силенок не хватает. Вот и тащим волоком. А как начнут появляться огурцы, бобы, морковь, брюква, то мы в это время ели досыта. Нарвем овощей полные карманы и едим. Когда мама готовила масло, чтобы сдать его за плановое молоко, то и нам доставалось: простокваша, пахта от масла (густая, но кислая), да еще дозволялось полизать на кринке остатки. Ой, как вкусно! Прямо слюнки текли. А мама придет с работы и всю ночь снова работает.

Помню девочку Таню, эвакуированную с семьей из Ленинграда. Какая она была красивая и нарядная! В волосах бантики красивые – как кукла. Мы играли с Таней стеклышками. Смотрели через них на солнышко и похвалились, у кого красивее. Или стряпали из глины пирожки, шанежки, каралечки, конфетки. Потом стряпню раскладывали в «посуду», «угощались». У Тани ручки были беленькие, а у меня темные, морщинистые от воды и солнца. На ночь наши руки и ноги мама смазывала сметаной.

Мы всегда что-нибудь жевали: сухие морковные паренки, свекольные, картофельные пластинки, испеченные в печке, жареную рожь, пшеницу, горох. Это когда прибегали осенью на ток, где молотили зерно. Помню,

мама натерла в ладонях колосков, провеяла на ветру и на железке подсушила на костре. Потом сыпнула нам на опрокинутое ведро, и мы, как «пташки малые», брали зернышки и жевали. Вдруг приехал Воронин Яков Вавилович, начальник. Он закричал на маму, что посадит в тюрьму, и ногой пнул ведро. Зерна разлетелись, а мы заплакали – не из-за голода, а из-за страха за маму. Но ее, к нашему счастью, не посадили.

Закончилась война. Надеялись, что отец все-таки вернется. Но проходили годы, а он так и не вернулся.

Татьяна Тараканова
с. Неонилинское Шадринского района

Записал В. Харлов

ДЕНЬГИ НА ТАНК ДЛЯ ПОБЕДЫ

В сорок первом я мальчишкой был, лет одиннадцати-двенадцати. Всех мужиков на фронт забрали, оставили одних женщин да тех, у кого бронь была. Отец мой на станции Качусово работал – его тоже «забронировали» и велели вместе с семьей в Челябинск переезжать, тоже на железнодорожную станцию. Дали вагон для семьи и хозяйства – у нас скотина была: овцы, куры, две коровенки. Мы это все в вагон погрузили и поехали. Приехали на станцию Полетаево-1 – это в сторону Златоуста, и там мы жили до зимы в вагоне. А потом, как морозы начались, нас пустили на квартиру. Отец работал «башмачником» на станции Челябинск. Я тоже ездил на работу в Челябинск – работал списчиком вагонов. Переписывал номера вагонов, грузы. В основном шли танки: в Челябинске был тракторный завод, а в войну он начал танки выпускать. Когда отца забрали на фронт, мы с матерью остались вдвоем. Что делать? Скотину всю продали, потому что кому с ней управляться, когда я каждый день за 25 километров на работу ездил. Работали мы вдвоем с другим мальчиком – Алешкой Бушуевым, сутками, по очереди.

От отца долго вестей не было, мы с матерью задумываться стали. Потом оказалось, что поезд их разбомбили на станции Черногубово за Москвой – до фронта он так и не доехал. Вернулся он через полгода сильно контуженный, и пальцы у него оборвало.

А я без него маму уговорил: «Мама, давай деньжонки, которые за скотину выручили, на танк отдадим». Я комсомольцем был, и мы с ребятами решили собрать деньги, у кого какие есть, на танк – для победы. У нас с мамой, как скотину продали, много денежек образова-

лось, а куда их? Питались мы хорошо – она в столовой работала, я карточки рабочие получал: и на хлеб, и на «жировые» карточки. Мать согласилась, а как ей не согласиться? От отца полгода нет весточки...

Сделали мы этот танк – «Челябинский комсомолец» назвали. А тут и отец инвалидом вернулся, но мы с мамой рады были – многие ведь вообще домой не пришли.

Потом я по его стопам пошел, работал стрелочником, после войны Златоустовский техникум окончил.

А сейчас вот думаю продать дом да деньги нашим ребятам в Чечню направить. Старый я, родных у меня нет – все равно в дом старчества идти, а тут хоть польза будет. Только боюсь, не дойдут до ребят деньги – своруют их. А помочь очень хочется, зря мы эту войну затеяли...

Аркадий Черемисин
д. Комакрия Шадринского района

Подготовила Галина Задорина

ДА РАЗВЕ ОБ ЭТОМ ЗАБУДЕШЬ...

Моя малая родина – село Канаши Шадринского района. Там и прошло мое детство, там закончила семилетку в 1941 году. В одном классе со мной учился сын Терентия Семеновича Мальцева – Савва (в его родном селе Мальцеве, что в двух километрах от Канашей, было только четыре класса). Вспоминаю, как Терентий Семенович ездил на съезд колхозников – ударников, потом на ВДНХ. Он привозил оттуда конфеты, а Савва дарил нам от этих московских сладостей фантики.

Но детство наше оборвалось, как только мы закончили 7 классов. 22 июня все услышали страшное слово – «война». Из каждого дома на фронт кто-нибудь да ушел. Из нашего – отец. В Шадринске формировалась 367 стрелковая дивизия, а 1217 полк, в составе которого был отец, стоял перед отправкой на фронт на городище, рядом с Шадринском. Мы с братом к нему бежали. И сейчас мои братья вспоминают последнюю встречу с отцом. Он крепко-крепко прижал их к себе и сказал: «Бегите домой». Куда ему не суждено было вернуться – он погиб на Карельском фронте.

В 1943 году мне пришлось работать в Шадринской МТС секретарем и выдавать рабочим хлебные карточки. Как я мечтала тогда, чтоб хоть одна карточка оказалась лишней. Но, увы, ни разу моей мечте не удалось сбыться. В период уборки мне нужно было собирать сводки с колхозов. Связь была плохая. Я в полночь, бывало, бегала на почту по темной и грязной улице, чтобы передать данные в Шадринск.

В это время колхозный полевод Терентий Семенович Мальцев часто бывал в МТС. Но в кабинете он не

сидел, всегда находился в поле. Если надо в Шадринск, что в 18 километрах от Канашей, Терентий Семенович и туда шел пешком: сумка полевая через плечо, дождевик на руке. Ему тогда было 47 лет. Я и сейчас с удовольствием читаю книги об этом замечательном человеке.

Перед уходом на фронт отец завещал мне обязательно учиться дальше. Вот я и решила: пойду учиться в финансовый техникум. Тем более, студентам давали по 400 граммов хлеба на карточку в день. Не могу забыть, как ждали мы, полуголодные, когда откроется заветное окошечко, за которым делают хлеб. А он сырой да горячий – разве может хватить такого кусочка, чтобы насытиться? Несмотря на трудности, меня отпустил на учебу директор МТС Антипов Николай Андреевич. Хороший был человек, строгий, но справедливый.

Анна Александровна Ковалева

Учась в техникуме, мы заготавливали дрова в лесу с корня. Помню, как потом эти же дрова, только уже коло-

тые, приходилось таскать и прятать под матрацы от коменданта. Вот такая была «веселая» студенческая жизнь. Голод и холод свирепствовали и в городе, и в деревне.

Еще вспоминается, как в конце октября копали картошку в деревне Демино. Дали нам по полону, с одного конца затесанному топором. Мы шли за трактором и выбивали этими поленьями клубни. Радовались, что картошка не мерзлая и удастся хоть печенок досыта поест. Вот так и прошло мое военное детство, потом и юность. Не дай, Бог, нынешним детям испытать то, что досталось нашему поколению.

Анна Ковалева (Сысоева)
г. Щучье

Александр Букреев

СЕРДЕЧНЫЕ УЗЫ

Шатровская гостеприимная и щедрая земля приняла и приютила детей из Ленинграда, с разных участков линии фронта и своих, зауральских, оставшихся без родителей. В годы войны здесь работало пять детских домов – в Ильино, Ирюме, Мостовском и два в Шатрово.

После снятия блокады Ленинграда уехали в родной город воспитанники Шатровского и Мостовского детских домов. После войны расформировали Ильинский и Ирюмский детские дома. Дольше всех – до 1958 года действовал Шатровский детский дом.

Мне выпало счастье держать в руках десятки и десятки писем, которыми обменивались воспитанники Шатровского детского дома. Они пронесли через годы светлые чувства преданности земле, которая их приютила и поставила на ноги, любви и уважения к воспитателям, давшим путевку в жизнь. И, конечно, взаимные искренние чувства дружбы, привязанности, поддержки. Пройдя вместе через лишения и голод, согревшись теплом близких людей, они несут это тепло и сердечность по жизни. Живут воспоминаниями, не теряют связи и поддерживают друг друга.

Читая письма, я ловил себя на мысли: «А что было бы, если бы не пришла в Шатровский детский дом Ма-

рия Дмитриевна Чашкова, сначала воспитателем, а затем директором? Сумел бы кто-то другой создать атмосферу уюта, доверия, сердечности? Не прервались ли бы нити привязанности, которые существуют в отношениях воспитанников друг к другу?»

Мария Дмитриевна была для своих воспитанников мамой, другом, строгим наставником. Она учила честности, искренности, трудолюбию, согревала сирот душевным теплом. И эта душевность и искренность стала частью их жизни, чертой характера. Ее жизненное кредо обозначено в письме воспитаннице Марии Владимировне Фроловой (Блиновой):

«Я благодарю свою судьбу за то, что она дала мне такую возможность: излить свою любовь к детям, с которыми я провела всю свою трудовую жизнь».

Мария Дмитриевна вышла замуж за Ефима Михайловича Чашкова и стала любящей матерью для его детей.

С закрытием детского дома не прервались связи его воспитателей и воспитанников. Потребность общения вылилась в проведение встреч в Шатрово. Нина Ивановна Сметанникова – Суханова вспоминает, как родилась эта традиция:

« В 1958 году я летом гостила в Шадринске, и кто-то мне сказал, что наш детдом расформировали. Я тут же собралась и, в чем была, поехала в Шатрово. По пути мы встретились с Аркадием Злодеевым. Приехали. Уже вечер. Мы пошли к детскому дому. Никого нет, естественно, закрыто. Мы уселись на скамейке в нашем саду. И вдруг приезжает на велосипеде Слава Секерин. Ему кто-то сказал, что видел нас, и он поехал искать. Меня он проводил к Марии Дмитриевне, а куда Аркадия – не помню.

В конце концов собрались Нина Мажуть, Альбина Чемякина, Альбина Вахрушева, Аркадий Злодеев, Вячеслав Секерин, Анатолий Кошихов, Ирина Залесова. И мы договорились: если кто-то захочет с кем-то встре-

Семья Чашковых

чаться, будем делать это в районе 1 августа каждый четный год. Отсюда и пошло...».

Первый слет воспитанников Шатровского детского дома состоялся в 1960 году, второй – в 1962 году. Так продолжалось многие годы.

Мария Владимировна Фролова (Блинова) написала слова, композитор Владимир Липихин - музыку песни «Вечер встречи друзей», которая стала своего рода гимном воспитанников Шатровского детского дома.

Вечер встречи друзей

Вечер встречи друзей
нас позвал в путь-дорогу.
Сердце замерло вдруг
у знакомых дверей.
Как на крыльях, лечу
я к родному порогу,
Ожиданьем живу
и волнуюсь сильней.
С той далекой поры
сколько лет пролетело!
И по-разному наша
сложилась судьба.
В детство вновь заглянуть
так опять захотелось,
встретить верных друзей
и увидеть тебя.
Круг друзей все тесней,
горячее объятья,
восклицанья, вопросы
и смех без конца..
Снова взгляд твой ловлю,
замираю от счастья.
Так милы мне черты
дорогого лица.
Наш родной человек,
пожелай нам удачи.
Детям жизнь посвятив,

не жалеешь себя.

Ведь работать с детьми

ты не можешь иначе.

И поэтому мы очень любим тебя.

И поэтому мы не забудем тебя.

После одной из встреч Косарева из Златоуста (в детстве ее звали Афоней, после она заменила имя и стала Галиной Ивановной) написала: «Жизнь разбросала нас по разным уголкам страны. И не будь этой встречи, кто знает, встретились ли бы мы когда-нибудь? У многих из нас нет никого роднее тех, с кем мы жили в те далекие годы, и не встретиться с ними равносильно тому, что никогда не встретить брата или сестру».

Встреча воспитанников Шатровского детского дома.
1960 год.

Душой встреч была Мария Дмитриевна Чашкова – бывший директор детского дома. Они с супругом Ефимом Михайловичем принимали и привечали всех, кто приезжал в Шатрово, туда, где прошло их нелегкое детство. Многие побывали с детьми и внуками.

Сорок лет спустя приехал в Шатрово из Ленинграда Василий Васильевич Иванов. И хотя воспитывался он в другом детском доме, эвакуированном ленинградском, Мария Дмитриевна приняла его как родного. А на следующий год вместе с Ивановым приехали еще три ленинградки – Наталья Сергеевна Неизвестная, Анна Титова и Гертруда Михайловна Данилова. Гуляли по селу, долго находились там, где когда-то стоял двухэтажный деревянный дом, приютивший эвакуированных из Ленинграда детей.

✳ Мария Дмитриевна получала письма из разных концов страны – Москвы, Ленинграда, Кургана, Челябинска, Братска, Свердловска, из Узбекистана, Казахстана, Украины, Белоруссии... И она писала своим воспитанникам, находила теплые слова, поддерживала в трудной жизненной ситуации.

Узнав, что у Зои Александровны Роговой проблемы с дочерью Ириной, Мария Дмитриевна обращается к девочке с проникновенными словами. Она пишет: «Дорогая внученька Иринушка! Мы из письма поняли так, что ты совсем не жалеешь свою маму. Кто-кто, а ты очень хорошо знаешь жизнь своей мамы. Ее детство прошло в детском доме, среди чужих людей. Разве она видела ту ласку, которой наделяла тебя со дня твоего рождения? Мы с дядей Ефимом так огорчены и не можем никак смириться с тем, что наша милая, ласковая Иринушка может быть такой бессердечной к своей маме. Ирочка, не обижайся, пойми, что мы желаем тебе только добра. Не подводи себя и маму, учись и веди себя хорошо, чтобы мы могли всегда тобою гордиться».

Чувство сопереживания, желание помочь – это, наверно, сохранилось в отношениях воспитанников детских домов с той поры, когда они бедствовали сами и с ранних лет научились ценить поддержку и участие.

В судьбах многих своих друзей приняла участие Мария Владимировна Фролова (Блинова). Она ведет широкую переписку, с интересом следит за тем, как складывается жизнь у ее однокашников.

Узнала, что Валентина Демьянова с сыном живут в Челябинске в вагончике, обратилась в областной детс-

кий фонд. Анна Яковлевна Бобнева связалась с коллегами в Челябинске, попросила помочь. С какой радостью сообщала Валентина о новоселье в однокомнатной благоустроенной квартире!

Благотворное влияние Мария Владимировна оказала на Анатолия Георгиевича Тимофеева, с которым вместе воспитывалась в Корюковском детском доме. Переписка, обмен посылками, встречи и общение помогли Анатолию почувствовать уверенность в себе, отрешиться от пристрастия к спиртному. «Милая сестренка, - писал он из Братска Марии Владимировне. - Ты сделала со мной то, что не могли сделать за все годы врач. Своими посланиями ты согрела меня, оживила, вдохнула в меня жизнь. Я очень тебе благодарен. Ожидание писем, отпуска и встреч со всеми вами дает мне надежду на счастье».

Очень тонко подметила характер отношений воспитанников детских домов в письме Фроловой Елизавета Матвеева из города Миасс Челябинской области: «Прими ласковый солнечный привет от верной детской подруги. Хотя мы сейчас и не дети, но все равно мило и хорошо, что дружбу верную не теряем».

Когда не стало Марии Дмитриевны Чашковой, ее воспитанники тяжело переживали утрату. Вячеслав Иванович Секерин из Самары написал: «Мария Дмитриевна оставила заметный след в наших судьбах. Она была для нас точкой опоры. Очень хочется съездить в Шатрово и отдать ей последний поклон».

Пророческими оказались слова, произнесенные Марией Дмитриевной в школе в свой юбилейный день: «Я рада, что на земле останется мой след. Много лет по всей нашей необъятной Родине будут меня вспоминать мои дорогие дети. Как я рада, что они у меня есть».

Ее воспитанники, сами воспитавшие детей и внуков, помнят человека, ставшего им в годы лихолетья матерью. И в отношениях друг с другом сохраняют сердечность и теплоту. Они стали родными не по крови, а по общей судьбе, по зову сердца.

Мария Фролова
(Блинова)

ДОМ, ГДЕ СОГРЕВАЮТСЯ СЕРДЦА

Мария Владимировна Фролова-Блинова родилась в деревне Гренадеры Петуховского района. Ей было три года, когда их с братом Леней после призыва отца в действующую армию сдали в Шадринский детприемник. За пятнадцать лет сменила 8 детских домов. Все пришлось испытать: и голод, и обиды, и поддержку друзей, и ласку добрых людей.

После окончания Катайского педучилища работала учителем в школе, воспитателем в детском саду.

Мария Владимировна написала историю своего нелегкого детства. Это уникальный документ, основанный на воспоминаниях, документах, свидетельствах очевидцев, реальная картина жизни детских домов Курганской области.

Представляем читателю отрывки из исповеди Марии Владимировны.

Почему нас разлучили?

Из Шадринского детприемника нас с Леней отправили в Песчано-Колединский детский дом Уксянского района.

Смутно помню, как нас мыли в бане. Взрослые раздевались по очереди и мыли нас группками.

Помню, как летом в сончас мы спали в саду. Сад был большой. Между деревьями были натянуты веревки, на них сушились белые простыни.

Из Песчано-Коледино меня перевели в Широковский дошкольный детский дом Далматовского района. А брата оставили. До сих пор не понимаю: почему нас разлучили? Кто так беспощадно распорядился нашей судьбой? Мы чуть не потеряли друг друга навсегда. И я наскиталась по детским домам, и у брата жизнь не сложилась. Я очень страдала от частых переездов, тосковала по Лене.

В Широково я пробыла год, а потом меня перевели в Белоярский детдом Шадринского района.

Об этих детских домах у меня смутные, отрывочные воспоминания. Знаю, что там нам жилось хорошо. О нас заботились, хорошо кормили, одевали, занимались с нами. Было весело.

В Широково жили в двухэтажном доме. Вверху жили мы, а внизу были кухня и хозяйственные помещения. Вечерами у нас зажигали керосиновую лампу, ставили ее на полочку, чтобы дети не достали. Воспитатели иногда уходили вниз, на кухню. Внизу, на лестнице, света не было.

Дети постарше в отсутствие взрослых упражнялись в храбрости. Взявшись за перила, они переходили по узкой полосе над лестницей, а остальные, затаив дыхание, следили за ними.

Однажды и я, малышка, рискнула проделать этот же трюк. Я благополучно прошла больше половины. И вдруг кто-то крикнул:

- Воспитательница идет!

У меня от страха разжались руки, и я полетела вниз. Воспитательница очень перепугалась, подняла меня, принесла в группу, долго осматривала, успокаивала, обнимала, поглаживала меня. Так закончился мой пер-

вый «подвиг». Конечно, с детьми строго побеседовали и больше не оставляли без присмотра.

Удочка любви

Мрачные воспоминания остались от Тюриковского детского дома Шадринского района.

Была осень. Нас привезли на телеге из Белоярского детского дома.

- Новеньких привезли, - группка оборванных пацанов метнулась к телеге.

Заметив у кого-то из наших хлеб, один предложил:

-Давай поменяемся: ты мне хлеб, а я тебе – печенку!

Такой обмен произошел на ходу: телега катилась, а мы менялись.

Я была поражена, напугана неожиданной встречей: эти голодные глаза, руки, готовые вырвать хлеб, наглость пацанов и бедная, рваная одежда на них. В Белоярском детдоме такого не было.

Вскоре и мы превратились в таких же голодранцев – заморышей.

Я была самая младшая, слабая, худая. Мне было шесть лет. Не знаю, почему меня направили в школьный детдом. Вероятно, при переездах потеряли мое свидетельство о рождении. Меня определили в первый класс.

Школа была далеко. Мы бегали до школы в рваных чунях, драных ботинках или калошах. Печи топили сырыми дровами. Выдохнешь – пар изо рта.

Мы страдали в Тюриково от голода и холода.

Меня, самую маленькую, взяли к себе в комнату девочки – семиклассницы. Они стали моими ангелами-хранителями, опекали меня, заботились, помогали выполнять домашние задания.

Однажды девочки пошли к соседке за ведром и взяли меня с собой. Во время войны было много сердо-

больных женщин. Они жалели детдомовцев, давали пищу, иногда усыновляли, удочеряли детей.

Эта женщина была добрая, ласковая. Стала расспрашивать меня: как зовут, где родители. А потом спросила:

- Пойдешь ко мне жить?

- Пойду, - ответила я.

Девочки ушли, а я осталась. Хозяйка угостила меня помидоркой. Я мигом ее съела, глаза мои просили еще. Она дала еще, а я была ненасытна. Наверное, ее испугала моя жадность, она одумалась. Вечером сказала мне:

- Манечка, тебя, наверно, потеряли в детдоме. Иди, а то там беспокоятся.

Я пришла в свою обитель. Девочки мне категорически заявили:

- Уходи от нас, предательница!

Мне было очень стыдно за свой поступок. Ведь я всерьез приняла предложение этой женщины. Как легко было поймать меня на удочку любви.

Из «ада» - в «рай»

Кто-то написал жалобу в облоно. Приехала комиссия. Беседовали с сотрудниками, детьми, выясняли, как к нам относятся, как кормят, одевают.

Меня, проверяя, спросили:

- Как фамилия?

- Блинова.

- Такая вкусная фамилия, а сама-то постная.

Я поняла, что «постная», значит, худая.

В детском доме сменили директора, и жизнь стала налаживаться. А меня и еще несколько истощенных, ослабленных детей направили в Кипельский санаторный детский дом Юргамышского района.

В Кипели было два детских дома — дошкольный и школьный. Сначала меня определили в дошкольный, а через полгода перевели в школьный. В сентябре 1946 года я пошла в первый класс.

В санаторном детдоме было много слабых и больных детей. Я была на усиленном питании. Всех кормили четыре раза, а слабых — пять. Кормили отлично. Поварихой была тетя Маня, молодая, добрая, симпатичная. Перед обедом приходила медсестра с бутылкой рыбьего жира. Каждому ребенку наливали в ложку рыбий жир, а мы должны были проглотить его. Но мы не любили жир, так противно было его пить. Только медсестра отойдет от стола, мы бежим к фикусу, который рос в кадочке в столовой, выплюнем — и на место. Фигус рос отлично. Потом нам стали вливать рыбий жир в кашу. Так старались оздоровить нас.

О Кипельском детском доме у меня остались светлые, теплые воспоминания. Мы много гуляли в саду, на свежем воздухе, разучивали песни, игры, помогали сотрудникам: мыли посуду, собирали ягоды.

Помню, как встречали Новый 1947 год. В рабочей комнате — нарядная елка. На празднике мы показывали сказку «Мороз, Солнце и Ветер». Я была Солнышком. Наверно, выбрали за улыбчивость. На меня надели вырезанную из блестящей фольги корону. Сказка всем понравилась.

А на зимних каникулах меня перевели в Корюковский детский дом Катайского района.

Трудные годы память хранит

Корюковский детский дом был небольшой, человек на семьдесят. Мы жили в одном корпусе, бывшем поповском доме, где было три спальни (в двух спали девочки, в одной — мальчики). В другом длинном здании, похожем на барак, располагались рабочая комната, кух-

ня, столовая. Рядом были прачечная, баня, изолятор. Уроки готовили в рабочей комнате, за длинным самодельным дощатым столом.

Мы постоянно испытывали чувство голода. Бывало, идем строем по селу, горланим песни, а сами смотрим под ноги. Попадет пустая шляпка от подсолнуха, огрызок от морковки или огурца, хватали и - в рот. Такие были голодные в сороковые годы – все готовы были съесть.

Детдомовцы часто лазили по огородам к сельчанам, где-то добывали жмых, вкусную берестяную жвачку, жевали ее и вроде бы утоляли голод.

Невозможно забыть, как мы по заданию воспитателей голыми руками собирали крапиву, а из нее нам на кухне готовили щи и котлеты. О, какой вкусной казалась эта еда!

Утром и вечером выдавали пайки хлеба по 100 граммов, а в обед – 150 граммов. По команде садились за длинный дощатый стол на свои места и норовили схватить горбушку или кусок потолще. Я до сих пор обожаю горбушки. Благо, в семье их никто не ест. Все мне достаются. Позднее утром и вечером пайки стали по 150 граммов, а в обед – 200 граммов. А с 1950 года паек не стало: ешь, сколько хочешь. Думали, не наедемся.

Матрацы и подушки были набиты соломой, потом появились ватные матрацы и подушки. Конечно, мы рады были этим переменам.

Обида

Вшей в то время было везде в изобилии: и в голове, и в одежде, и в постели. Из Китая приехала специальная машина. Подвергали все постели термической обработке, а головы мыли с вонючим мылом, пересыпали дустом. Стригли «под нулевку» всех до 4 класса. Откуда только брались эти паразиты?

Миссию по стрижке детей выполнял Захаров Григорий Ефимович. Он знал, когда надо нас ловить: поднимал утром прямо с постели и стриг наголо.

Однажды Григорий Ефимович с машинкой явился к нам в спальню перед подъемом. Кого-то поднял и начал стричь. Моя кровать стояла у круглой печки и у стены, так что у спинки за печкой была пустота. Пока он стоял спиной ко мне, я пролезла туда, уместилась на перекладине у стенки, а сверху перекинула простыню, которая служила нам покрывалом при заправке, как будто шапку-невидимку надела. Долго пришлось мне висеть, ноги резало, но терпела. И вот он хватился, стал меня искать.

- Где Блинова?

Заглянул под кровать – нет, под другую – нет. Все же догадался, выволок меня. А я плачу, закрыла челку руками:

- Оставьте мне хоть челку!

Он убрал мои руки, провел машинкой дорожку посередине:

- А теперь иди.

Я от обиды выскочила босиком, в одной сорочке в сени. А была зима. Стою, дрожу, плачу, а ему хоть бы что, даже не вышел.

Пока волосы не подросли, платок не снимала.

Как мы завидовали сельским девчонкам с длинными волосами! Как обидно было сносить насмешки над нами, детдомовскими, «лысыми» девчонками. Это угнетало наше человеческое достоинство.

В детском доме работала нянечкой тетя Лиза. Жила она с родителями рядом с детдомом.

У тети Лизы был грудной ребенок. Меня часто звали водиться с малышом, я качала колыбель. А у них на квартире жила моя любимая воспитательница. И вот однажды она потеряла 50 рублей. Сама положила под треугольную столешницу в угол, да, видать, забыла,

сунула далеко. Хотела отдать хозяевам за квартиру, но не может найти.

Подозрение пало на меня. Позвали меня, давай разбираться: брала ли я. Я отказывалась, что не брала, а саму обида душила: моя любовь да на меня грешит незаслуженно. (Я ведь чужое сроду не брала). Да и хозяева на меня думают. Я еле слезы сдерживаю. А она поднимает столешницу и говорит:

- Вот тут они лежали.

А они там и лежат.

Я разрыдалась, убежала в наш детдомовский сад. Забилась в сирень и дала волю слезам. Навек запомнила я эту обиду.

Больше я к ним не ходила.

Встреча

В 1949 году в детском доме ввели традицию: отмечать дни рождения воспитанников по месяцам. Именинникам вручали гостинцы, поздравляли.

Год заканчивался, у всех были именины, а у меня все нет и нет дня рождения. Я спросила воспитателя о дате рождения. И тут выяснилось, что в моем личном деле нет свидетельства о рождении. При частой смене детских домов его потеряли.

Ближайший праздник был 5 декабря – День Сталинской Конституции. Я и попросила записать ее как день моего рождения. А на самом деле я родилась 15 августа. Вот так легко в детских домах присваивали детям имена, фамилии, отчества, даты рождения.

Шел десятый год моей детдомовской жизни – 1951 год. Значит, дату рождения мы придумали. А отчество придумали еще раньше. Со второго по пятый класс я была Андреевна – мне это отчество нравилось.

Сотрудники Коряковского детского дома. 1951 год.

И вдруг я неожиданно нашла брата, разбогатела родней и возвратила свое отчество – Владимировна.

К нам в детский дом привезли кудрявую девочку Маню Мартынову. Она рассказала, что их Белоярский детский дом расформировали.

Я обрадовалась:

- Так я тоже там была.

Новенькая рассказала, что она еще была в Широковском и Песчано-Колединском детских домах. Тут я вовсе обрадовалась.

Маня спросила, есть ли у меня брат. Я рассказала, что помнила.

Еще Маня сообщила, что в Песчано - Колединском детском доме с 1941 года работает Волкова Екатерина Николаевна, сначала воспитателем, а сейчас директором.

Я вычислила, что она должна меня знать, и предложила поздравить ее с днем 8 Марта. Как будто кто-то свыше способствовал нашей встрече.

Мы нашли на улице красивую открытку (она была кому-то адресована), заклеили написанное картошкой, написали свой текст и в конверте отправили поздравление в Песчано-Коледино.

Вскоре в наш детдом пришло письмо-треугольник адресату Блиновой Марии Владимировне от Блинова Л.В. Воспитатели удивились: ведь у меня как бы не было родни, и я же была Андреевна. Они прочли письмо, нашли меня, вручили, сказав, что у меня нашелся брат.

Я так обрадовалась, что от первого чтения у меня в голове ничего не осталось – только радость, что у меня нашелся брат Ленька, что это реальность, а не выдумка. Лишь прочитав вторично, я уяснила, что у меня есть еще два брата, две тети, шесть двоюродных сестер. В один момент все изменилось.

Я написала в облоно, попросилась к брату в Песчано-Колединский детский дом. Нина Михайловна Кокорина ответила, что меня переведут к брату после окончания учебного года.

В конце августа моя мечта сбылась: наконец-то я снова в Песчано-Коледино и мы встретимся с Леной.

Директор детдома Екатерина Николаевна Волкова встретила меня, как старую знакомую, дружелюбно. Определила в группу воспитательницы Валентины Акимовны.

Мы пошли в корпус к мальчикам. На наш вопрос «А где Ленька?» малышки ответили:

- Сейчас только на крыше коноплю и семечки сушил.

Кто-то уже сообщил ему о моем приезде, и его от волнения, как ветром, с крыши сдуло. Он стеснялся встречи со мной на людях.

Мы нашли его в избе у завхоза Вари. В сенях с глиняным полом стояла кровать. На ней лежал муж Вари Василий, а на краешке сидел парнишка, симпатичный, такой родной, смущенный.

- Здравствуйте, - сказала я и остановилась у дверей, как вкопанная.

Меня остановил его взгляд. Он выражал и радость, и смущение, и робость. Ни он, ни я не могли выразить свои родственные чувства. Мы отвыкли от их проявления, ведь этому не учили в детском доме. Все доброе, приятное делалось тихо, не на показ.

Василий подтолкнул Леньку:

- Ну, что вы? Зайдите в избу, поговорите.

Мы зашли. Смущение, застенчивость не покидали нас. Мы не знали, как себя вести, как общаться: ни объятий, ни поцелуев. Я нарушила тягостную тишину:

- Почему ты не писал?

Поговорили немного и пошли на улицу. Мы шли рядом, с улыбкой поглядывая друг на друга. Мы были на седьмом небе от счастья, хотя об этом не было сказано ни слова.

Утром я просыпалась с чувством радости, как будто я нашла что-то драгоценное. Мне хотелось скорее увидеть брата.

Но счастье длилось недолго. Через месяц Леню отправили в Шадринск, в ремесленное училище №3, где он учился на слесаря по ремонту сельскохозяйственных машин.

Мальчишки в детдоме не обижали меня, признавали, что я – Ленькина сестра, а я пользовалась этим.

Через год Песчано – Колединский детский дом расформировали. Одних отправили в РУ, других – в ФЗУ, а нас, 14 детей, отправили в Шатровский детский дом.

Родная семья

Мы с Ленькой никому не были нужны, никто из родных нас не растил и по-настоящему не жалел. У Леньки жизнь не сложилась. Он встал на скользкий путь, пил с друзьями, хулиганил, наращивая тюремный срок. А мне родной семьей стал Шатровский детский дом.

Родной Шатровский детский дом

Мы приехали в Шатрово в кузове машины.

- Новеньких привезли, - разнесся по дому клич, и вокруг нас мигом образовалось кольцо из ребят, с любопытством разглядывающих нас. Подошла женщина с добрым приятным лицом, а вместе с ней воспитанники постарше нас. Мария Дмитриевна, наша будущая воспитательница, провела нас в клуб, а ребята принесли матрацы, подушки, одеяла. Промокшие, продрогшие, мы быстро согрелись. Тепло и радушие, проявленные при первой встрече, были добрым знаком. Мария Дмитриевна стала мне идеалом, дорогим на всю жизнь человеком, а девочки, принесшие постель, - Нина Суханова, Галя Вахрушева, Бина Чемякина, Нина Мажуть – задушевными подругами.

Мария Дмитриевна учила нас вышивать. Помню, дали нам новые простыни, и мы вышивали на них сложный ажурный рисунок – ришелье. Закончили работу и застелили кровати новыми покрывалами, вышитыми своими

руками. Мальчики лобзиками выпиливали узоры из фанеры для полочек, рамок, украшали их соломкой. Получались прекрасные сувениры, которые представляли на выставках, дарили близким людям. Спустя 25 лет я увидела у Марии Дмитриевны свой подарок – вышитые салфетки, которые использовались в обиходе и напоминали обо мне.

В Шатровском детском доме вражды между мальчиками и девочками не было. Мы вместе с мальчиками упражнялись в рисовании, в праздники украшали стены зала красочными рисунками.

Весной, летом и осенью работали на огороде: высаживали овощную рассаду, поливали, пололи, прореживали, убирали. Обеспечивали себя на зиму овощами.

Выезжали в деляну. Сотрудники и взрослые мальчики валили лес с корня, распиливали на поленья. Мальчики обрубали сучья. Девочки складывали сучья в кучи, которые позднее сжигали. Потом на машинах вывозили дрова во двор детского дома. Мальчики кололи дрова, а мы складывали их в поленицы.

Осенью старшие классы по очереди ходили на зерносклад в Шатрово, работали в ночную смену – сортировали зерно, а мы его подгребали.

Вечерами мы занимались акробатикой. Расстилали на пол одеяло, надевали сатиновые брючки – и начинали тренировки. Кто-то выполняет упражнения: «стойки», «мостики», «коробочки», «ласточки», «шпагаты», всевозможные кувырки, а кто-то страхует.

Я уважала, любила Нину Суханову, старалась во всем ей подражать. Она была всесторонне развитой девушкой. Очень начитанна, играла на гитаре, балалайке, пела хорошо, писала стихи, каталась на коньках. И во мне она буквально «раскапывала» таланты. Заметила мой первый успех, когда я удачно срисовала Кабаниху из учебника. Обнаружила мою способность петь

вторым голосом, и у нас получился хороший дуэт. Совместные упражнения развивали музыкальный слух.

Акробатика – любимое занятие

А потом в детский дом приехала Зина Суханова, и у нас образовалось трио. С Зиной мы учились в одном классе и тоже подружились. Это была девочка спортивного склада. Со стройной фигуркой, милая, симпатичная. Этот тройной союз связал нас на всю жизнь. Хотя живем в разных краях, но связи не теряем, поддерживаем друг друга в тяжелых жизненных ситуациях.

В 1955 году директором детского дома назначили Марию Дмитриевну Репину, нашу любимую воспитательницу. Мария Дмитриевна к каждому ребенку находила подходящий ключик. Своей добротой, тактичностью она успокаивала огорченных, возмущенных ребят, гасила возникавшие ссоры, мирила «петушков».

Зина Суханова, Маша Блинова, Нина Суханова

Мария Дмитриевна частенько приглашала ребят к себе домой. А нам ведь так хотелось погостить у кого-нибудь вне детского дома, а тем более у любимой воспитательницы.

Жила она с матерью и отчимом, часто дома у них была тетя Надя, сестра Марии Дмитриевны. В домике у них было чисто, уютно, многие вещи были сделаны своими руками.

Отличительной чертой характера Марии Дмитриевны была душевная любовь к людям, а особенно к воспитанникам детского дома, лишенным самого необходимого – родительской ласки. Кипучая энергия и душевная щедрость гармонично соединились в этой скромной трудолюбивой женщине. Для каждого из воспитанников она была матерью, сестрой, подругой. Ведь детдомовцы никогда не забывают все то хорошее, что для них делалось.

Наступило время и мне определять свою судьбу. Сдала экзамены в Куртамышский сельхозтехникум. Мария Дмитриевна сказала мне:

Дружный десятый класс. 1956 год.

- Ну, Машенька, получай вещи, какие положено.

А я с волнением призналась ей, что не хочу быть агрономом, а хочу быть педагогом. Она сказала:

- Ну, смотри, Маша, неволить не буду, а то всю жизнь будешь на меня обижаться.

Отослала документы в Катайское педучилище. Сдала экзамены на отлично. Учиться на стипендию в 70 рублей было трудно. Работала в школе пионервожатой, помогала учительнице Марии Кузьминичне проверять тетради, разучивать песни, танцы с учениками. Мария Кузьминична пророчила мне:

- Из тебя, Маша, выйдет замечательный педагог.

Мне многие помогали. Подружки по вокалу привозили из дома продукты, кормили меня, когда я к ним приходила. Мария Дмитриевна из детдома написала: «Маша, вышли свое старенькое платье, мы его спишем и пришлем тебе новое шерстяное». В этом платье я начала работать. Мария Дмитриевна забыла об этом, а я помню всю жизнь.

с. Каширино Кетовского района

**Нина Суханова
(Сметанникова)**

МОЯ СУДЬБА

В нашей семье было шесть сестер: Клава, Люба, Лиза, Валя, я и Зина. Жили мы в городе Шадринске. Три сестры стали инженерами. Люба, если мне не изменяет память, работала на Шадринском автоагрегатном заводе, Клава – в Свердловске, Лиза вышла замуж за военного в Архангельск, а сейчас живут в Москве.

Нас, троих младших, после смерти мамы в 1943 году направили в Шадринский детприемник, откуда распределяли в разные детские дома области.

Военный Шадринск

Когда началась война, мне было 4 года 8 месяцев. Я довольно хорошо помню, как тихий, спокойный Шадринск превратился в «муравейник». В нашем доме жильцов было человек шестнадцать, половина – дети. Большой ухоженный двор, сад. И вдруг стало некуда ступить – везде люди: забрали одну нашу комнату, кухню. Был большой на выходе, как сейчас сказали бы, «холл», в него выходило несколько дверей, - и там люди. В подвале поселились где-то уже после 1943 года.

В городе появилось множество эвакуированных, беженцев, работников вывезенных заводов, институтов, техникумов. Было много военных, одно время даже сто-

ял кавалерийский полк. Мы, дети, носились везде, любопытствовали. И, конечно, были госпитали. Сколько их было, не помню, но точно не один.

Полевой букет

Мы, воспитанники детсада, были у раненых несколько раз, но мне запомнился тот случай, когда нам сказали, что завтра мы пойдем в госпиталь и все должны принести цветы. (Это было до осени 1943-го года, мама еще была жива, она умерла 8 октября 1943 года). Мы должны были спеть, прочитать стихи и исполнить танец «Романтика». Все девочки - участницы в белых сарафанах-пачках – лепестки, а я в желтом – серединка.

У нас дома не было садовых цветов. Мама сажала астры, но они еще не расцвели. И тогда мама рано утром ходила в лес и принесла большой букет лесных и полевых цветов. Лес был близко, хотя мы и жили в центре.

Когда я пришла в детсад и увидела, какие цветы принесли другие дети: петунии, левкои, душистый табак, георгины, мне стало стыдно за свой букет, и я спрятала его в шкафчике, решив, что не понесу его в госпиталь. Однако воспитательница заметила, что я без букета, и строго приказала мне его взять.

Каково же было мое изумление, когда раненые наперебой тянулись к моему букету:

-Девочка, дай мне цветочек!

- Девочка, дай хоть травиночку!

И буквально через несколько минут разобрали мои колокольчики, ромашки, пижму, травку и все другие цветочки, что собрала мама. Я помню выражение лиц раненых, задумчиво-радостное.

Потом, с возрастом, вспоминая этот эпизод, я поняла, что мои скромные цветы напомнили этим измученным людям родные места. Ведь большинство из них

были из сельской местности, деревенские парни и мужчины. Они как-то, я бы сказала, нежно нюхали и рассматривали каждый лепесток и улыбались...

В детприемнике

После смерти мамы нас определили в детприемник. Оттуда нас с Валею и Зиной направили в Далматово. Кроме нас, еще много детей должны были ехать туда же. Но женщина, которой поручили нас сопровождать, получила с вечера документы и продукты, а утром не появилась.

Нас стали спешно рассовывать, куда придется. Первой уехала Валя (ей было 11 лет) в Ново-Петропавловку. Мне было 7 лет. Вечером я сбежала из детприемника, чтобы сказать сестрам, что Валя уехала. Отчетливо помню, как я бегу, оглядываясь, по темному уже городу, прибегаю домой, открываю дверь и с порога выпаливаю: «Валю отправили!» Кто был дома, не помню, но помню, что в ответ – молчание. Я так же молча выкакиваю за дверь и бегу обратно.

На следующий день рано утром к забору подошла Клава (шла с работы), принесла нам турнепс, а после завтрака вызвали к отъезду Зину (5 лет). Она очень плакала. Я, как могла, ее утешала.

Вечером опять бегом домой: «Зину отправили!» и бегом обратно. Я довольно долго еще жила в детприемнике, домой больше не бегала. Уже были трофейные фильмы. Помню «Маугли», «Три мушкетера» и другие. Мы ходили в кино, купались в речке, хотя уже было холодно, но возле электростанции был сброс горячей воды по широкому деревянному желобу. Там мы и купались.

Конечно, мы всегда были голодные. Помню, парни принесли картофельные очистки и жарили их на плите, угостили меня. Я до сих пор помню, до чего же они были горькие.

Мои бурки были в большом ходу: все, кому они были впору, носили их. По вечерам долго не спали. Старшие рассказывали страшные истории, а потом все скопом тряслись от страха.

Мне впервые понравился мальчик лет двенадцати, розовый, голубоглазый, русые кудри, кожа такая нежная, что я не утерпела, решила потрогать его. Он так мне наподдал, что я чуть не свалилась со стула. Его, правда, старшие ребята одернули: «Что маленькую обижаешь?» Он меня погладил по голове и усадил рядом. Осенью нас направили в Шатрово. Я не грустила, наоборот, было интересно.

Шатрово, детский дом

Из Шадринского детприемника нас приехало девять человек (было 11, двое по дороге сбежали): Ира Сапова, я, сестры Булычевы, Витя Ашмарин, Нина Оболдина, Римма Зырянова и еще двое парней лет 15-16, которые вскоре что-то где-то украли, и их отправили в колонию.

Добирались мы двое суток с ночевкой в Мехонке. Дороги были плохие, да еще дождь шел время от времени. Помню, какие-то женщины, работавшие в поле, дали нам охапку гороха вместе со стеблями.

В Шатрово приехали вечером. Когда подъезжали, огни поселка были внизу, как в яме. Подошли к зданию детдома. В окнах кое-где был свет, но из администрации не было никого. Мы ночевали в «доме колхозника». В пути и в «доме колхозника» были разные происшествия, но писать о них – это долго...

Зима 1944-1945 г.г. была холодная, а у нас не было обуви, ходили босиком. В школу мы не ходили, занимались в клубной комнате.

Особенно неприятные воспоминания у меня о походах в столовую вечером, на ужин. Надо спуститься в кромешной тьме по обледенелой лестнице на первый

этаж, проскочить холодный коридорчик и открыть тяжелую дверь. Я до сих пор ощущаю скользкие ступени, холодные стены, за которые держишься, чтобы не упасть. Днем этот спуск легче, все-таки свет проникает через дверь. Ноги становятся ледяными. Почему не было обуви, не знаю. Я, например, приехала неплохо одетой: чулочки на лифчике с резинками (лифчиком называлась короткая нижняя рубашечка, на которой были пуговицы, и на них закреплялись резинки для чулок), бурки, синее шерстяное платье, которое шила еще мама, пальто с крылаточкой и капор. У меня это все сразу забрали, дали хэбэшный свитерок и такие же рейтузы. На ноги – ничего. Если не было что надеть, почему забирали домашнее? Не знаю. Тогда ведь не задумывались. Подчинялись - и все.

Было очень холодно. Мы спали обычно вдвоем, чтобы накрыться двумя одеялами. Я спала со многими девочками, но мне больше всех запомнилась Циля, большая толстая девочка, постарше меня. Куда она потом делась, не помню. Циля была крупная, теплая. Я жалась к ней поближе, согревалась.

Вечерами мы теснились вокруг стола, на котором горела самодельная коптилка: ржавая консервная банка, в крышку вставлена трубочка, свернутая из жестянки, в трубке – скрученная веревочка, смоченная керосином, в жестянке - керосин. Тряпочку подтягивали руками. Мы переговаривались, рассматривали журналы, газеты – все старое. Иногда только получали новые.

Я все отчетливо вижу: комнаты, коридоры, клуб, террасы, лестницы, детей, но не могу это описать так, чтобы все это увидели и другие. Нужен особый талант.

В этот период младшие жили наверху, старшие – на первом этаже и в соседнем (наискосок) корпусе. Ленинградцы – за рекой Мостовкой, в нашем последнем доме. Мы шили, как могли, кисеты (лоскутики нам дава-

ли), клеили конверты на почту, писали солдатам письма – треугольники, кому достанутся.

В столовой стоял длинный стол и лавки по обеим сторонам. Хорошо, когда на кухне дежурила подружка: что-то да перепадет. Повар была тетя Маня, добрая, спокойная женщина. Мы любили сидеть за трубой над котлами. Там чистили картошку для супа. Для второго картошка была либо вяленая, либо сваренная в мундире, а потом поджаренная на подсолнечном масле. Это в праздник. Чаще просто в мундире (ведь война!).

В столовой посуды не было, были глиняные плошки для всего. Значительно позже появились тарелки, из них же пили чай, а позднее – из пиалок. Мне нравилось во время дежурства их укладывать в таз. Они ложились такой круглой колбаской.

Когда объединили детдома, стало сразу намного лучше. Может быть, лучше стало и потому, что война шла к концу, появилась американская помощь, во всяком случае, одежда: калоши и другое.

Ранней весной 1945 года многие дети стали разъезжаться: у кого-то нашлись родители, другие родственники, уехали ленинградцы. И весь детский дом на площади был в распоряжении двух младших групп: украинские дети и остальные. Это лето мне запомнилось больше всего. Работали в огороде рядом с домом, потом на месте огорода был построен чей-то дом. У всех было по грядке моркови. Ставили оценки за ухоженность.

Спальни были наверху, а внизу – игровые комнаты, столовая, кухня, мастерская. Было как-то спокойно: лес, речка, игры во дворе и недалеко, у клуба. Мы любили собирать цветные стеклышки и фантазировать.

Но скоро покой этот кончился: приехала большая группа детей. Кажется, из Параткуля. Приехало человек сорок. Я хорошо вижу эту картину. Мы с Дусей Евдокимовой стояли у колодца – журавля напротив клуба, возле детдома. Я дежурила по кухне, а Дуся подо-

шла помочь мне набрать воды. Она жила в другом корпусе, была постарше меня. Мне шел девятый год, а ей, пожалуй, одиннадцатый.

День был солнечный. Мы смеялись. И вдруг услышали грохот. Две брички выкатились с мостика со стороны больницы и помчались прямо к нам. Ворота во двор были открыты, так как недавно привезли картошку и рассыпали ее на дворе для просушки. Брички влетели во двор, давя картошку. Дети с криками посыпались из бричек, стали ею бросаться друг в друга. Некоторые грызли ее. Мы просто остолбенели. Я так думаю (точно не знаю, мы же не интересовались тогда), что дети были собраны на одном пункте из разных детских домов перед отправкой к нам. Они были примерно нашего возраста, но слишком возбужденные. Мне даже показалось, хулиганистые. Вновь стало тесно, не хватало еды, одежды. Теперь кровати стояли уже и в клубной комнате, никаких игровых. Потом постепенно стало все утрясаться, но это я уже плохо помню. Среди приехавших были Руфа Клопова, Галя и Бина Чемякины...

Теплые воспоминания о Марии Дмитриевне Чашковой. Когда она стала директором детского дома, многое изменилось к лучшему. И спустя годы благодаря ей мы смогли вновь встретиться.

Я помню многих, кто тогда прибыл, но не буду перечислять, вдруг ошибусь. Воспоминания сумбурные. Хочется все описать, наше опаленное войной детство, но это нелегко сделать: маловато мастерства излагать на бумаге все пережитое.

Я посвятила Марии Дмитриевне стихи:

Мне запомнился образ родной,

Добрый взгляд понимающих глаз,

Скромный дом над бегущей рекой,

Приютивший заботливо нас.

Было много доверивших Вам

Встреча воспитанников Шатровского детского дома.

Сокровенные тайны свои,
Так тянувшихся к Вашим рукам,
Ждущих ласки, вниманья, любви.
Вперемежку и отдых, и труд,
Сенокосы, дрова, огород...
Сколько было счастливых минут!
Огорченья, обиды – не в счет.
Мне запомнился праздничный бум,
Блеск костюмов, артистов задор
И восторженных зрителей шум,
И гостей новогодний убор.
Мы разъехались, слезы смахнув,
И вошли в незнакомую жизнь.
Вы ж, о нас потаенно вздохнув,
Новых пестовать чад принялись.

После войны мы, сестры, смогли встретиться и уже не теряли друг друга. Хотя судьба разбросала нас по разным уголкам России.

Валя, Зина, Нина и Люба Сухановы

А мысли мои обращены к детям двадцать первого века. Пусть они будут счастливее нас. Пусть не выпадет им доля испытать ужасы и лишения войны.

г. Москва

РОДНИК БЕСКОРЫІСТІЯ

Ольга Алексеевна Магрычева (Суковатицына) воспитывалась в Шатровском детском доме. Многие годы работала заведующей Зырянским фельдшерско-акушерским пунктом Катайского района.

В детском доме меня научили всему, что необходимо было для жизни, но это при моем желании все познать, все уметь. У меня с детства всегда была развита наблюдательность, вдумчивость. А еще упорство и настойчивость. И сейчас, если я что-либо не умею, обязательно научусь.

С детства я мечтала стать медиком. Цели своей я достигла: стала фельдшером. Помогала мне в осуществлении мечты тетя. В 1958 году я закончила Курганское медицинское училище, работала заведующей Зырянским фельдшерско-акушерским пунктом.

Фельдшер на селе должен быть универсалом. Могу отпустить физиопроцедуры, быть акушеркой, помочь в глазных болезнях, а иногда и хирургическую помощь оказать.

К наградам я никогда не рвалась. Для меня высшая награда – слова моих пациентов, когда они придут и скажут:

- Милая Ольга Алексеевна, спасибо тебе. Если бы не ты – я бы погибла.

Мне так хорошо от таких слов. Как это приятно - по первому зову оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Мне вручили медаль имени Пирогова. Я всю трудовую жизнь – безвозмездный донор. И вовлекала здоровых людей в это дело. Ведь кровь людская не черпается из родников.

Ольга Магрычева
д. Зырянка Катайского района

ВСЕ ВЫШЛИ В ЛЮДИ

Мне было десять лет, когда бабушка Анастасия Акимовна отдала меня в Шатровский детский дом. Родители умерли, и она не смогла меня воспитывать. Была война, всем было трудно: и директору Мезенцеву Александру Петровичу, и воспитателям, и нам, детям. Но вместе, при поддержке взрослых, мы вынесли все тяготы и лишения. Очень любили воспитательницу, бывшую фронтовичку, Марию Михайловну Россомаху. Когда пришла победа, мы обступили, обняли ее, стояли и плакали от радости. Для каждого ребенка находили теплое слово Мария Дмитриевна Чашкова, Анна Владимировна Бабицина, Клавдия Яковлевна Яковлева.

После окончания войны все пошло на лад. В детском доме было подсобное хозяйство. Мы ухаживали за животными, садили картошку, овощи. Одним словом, обеспечивали себя продуктами. Получили первые навыки в шитье, вязании крючком.

Собирали колоски на колхозных полях, косили сено. Один раз возвращались со сбора колосков и попали под ливень. Промокли до нитки, но счастливые, прямо в одежде бросились в речку.

Помнится, катались на санях с нашей горки. Сколько смеха и веселья было! На речке Мостовке старшие ставили в зимнее время карусель.

В детском доме была пионерская дружина, меня избрали председателем совета дружины.

Позднее я получила профессию электромонтера. Работала на Урале, Украине. За труд имею много поощрений. И другие наши воспитанники вышли в люди, честно прожили свою жизнь.

Не знаю, как бы мы, сироты, выжили, если бы не было детского дома.

Ирина Томичева (Сапова)

г. Лисичанск Луганской области, Украина.

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Аза Дмитриевна Травникова (девичья фамилия Ковелина) родилась в Шатровском районе Курганской области. Окончила Мехонскую среднюю школу, Челябинский библиотечный техникум, Шадринский педагогический институт. Работала в библиотеке, была завучем вечерней школы. После выхода на пенсию восемь лет заведовала школьным музеем. Ее муж, Вениамин Михайлович, после окончания в 1941 году летной школы воевал на Волховском фронте, освобождал Севастополь, Одессу, прошел – пролетел военными дорогами по Румынии, Болгарии. Имеет награды Родины. После войны больше сорока лет фронтовик трудился мастером производственного обучения.

В семье две дочери, а сейчас пять внуков и две правнучки. Вениамин Михайлович умер в 1993 году, а Аза Дмитриевна, человек неравнодушный и деятельный, стала организатором создания книги памяти «Они ковали Победу» о фронтовиках Мехонского сельского Совета. Сейчас работает над созданием историко-краеведческого сборника о своих земляках «Это нашей истории строки».

Она не была эвакуирована из западных областей страны, захваченных фашистами, она жила на своей малой родине – в Мехонке, но Аза Дмитриевна положила начало поиску ребят и девчат, которых война заставила покинуть родной кров.

Она до сей поры хорошо помнит, как они прибывали, у кого жили, кто их обучал в Мехонской школе, как к ним относились наши зауральцы.

Благодаря Азе Дмитриевне мы нашли Валерию Романову (ныне Максимову) в далекой Карелии, Дмитрия Салазкина – в Вологодской области. Подумать только,

она почти шестьдесят лет переписывается с Валерией Александровной Максимовой. Поражаешься тому, насколько ясно эти две уже пожилые женщины помнят события более чем полувековой давности.

Аза Дмитриевна Травникова (слева)

Спасибо Вам, дорогая Аза Дмитриевна, за то, что Вы сделали и делаете для своих земляков. Благодаря Вам не рвется времен и людей связующая нить, и в разных регионах России до сей поры тепло вспоминают зауральцев, которые в тяжелые годы приютили, одели, обули, помогли выжить сотням и сотням детей. Детей, для которых наше Зауралье стало второй малой родиной.

Ниже публикуются воспоминания тех, кого мы разыскали с помощью Азы Дмитриевны Травниковой.

Виталий Есетов

Валерия
Максимова
(Романова)

МЕХОНКА – МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА

Валерия Александровна Романова (по мужу – Максимова) родилась в 1927 году в селе Бовенец Карельской АССР у северной оконечности Онежского озера. Отец Валерии, партийный и советский работник, сражался на Карельском фронте. Мать работала библиотекарем. Вместе с семьей была эвакуирована в Зауралье.

Вся жизнь из кратких мигнов состоит.
Неудержимые, они уходят в Лету,
Но если память их еще хранит,
Мы греемся их отдаленным светом.

Осенью страшного 1941 года война все ближе подкатывалась к столице Карелии Петрозаводску, и началась эвакуация мирного населения. Ехали в товарных вагонах с нарами долго, то часто останавливались, то мчались безостановочно. И это понятно почему – пропускали на фронт воинские эшелоны, а с фронта – поезда с ранеными. Свое 14-летие я встретила в этом поезде с эвакуированными.

Путь был неблизкий: Белозерск – Вологда – Киров – Пермь – Свердловск и конечный наш пункт – город Шадринск. Выгрузились, на вокзале нас накормили вкусным белым хлебом (до сей поры помню его запах) с крутым

кипятком и повезли по деревням и селам Мехонского района. Вся моя семья – дедушка, бабушка, мама и нас трое детей - попали в деревню Спицыно. А в школу мы с братом ходили в соседнюю деревню Сладчанку. Новогодний праздник в школе встречали с «елкой». Оказалось, что это была сосна. Это нас, жителей Карелии, где в основном еловые леса, очень удивило. Учились в здании бывшей церкви, помнятся высокие сводчатые потолки.

Рядом с церковью - кладбище, на нем вскоре мы похоронили нашего двухлетнего братика Славика, еще в поезде подхватившего корь, осложнившуюся воспалением легких. Мама возила его в Мехонскую больницу, но спасти Славу не удалось.

В январе наша семья перебралась в Мехонку. Нас поселили в доме Веры Петровны Островских на берегу протоков реки Исети. Сейчас этот дом имеет адрес: ул. Набережная, 5, и у меня есть фотография этого дорогого для нашей семьи дома.

В первый день в новой для меня Мехонской школе ко мне подошла красивая девочка с черными косами – ленинградка Маруся Миропольская. Из Ленинграда же был Женя Крылов и, возможно, Фаня Левина. Эвакуированными были и некоторые учителя – любимый педагог по литературе Фаина Наумовна, Рувим Самсонович Эйдус, историк Елизавета Федоровна Владимировна... Всем дала родной кров, работу и хлеб гостеприимная зауральская земля!

А еще мы любили учителя математики Зайнуллу Карловича Насардинова. Обычно он влетал в класс стремительно, в пальто, и энергично начинал вести урок. Мне кажется, что школа, дети были его стихией.

Но что-то случилось, и Зайнуллу Карловича забрали от нас, пришел новый математик Тарабыкин, и мы его почему-то (из чувства противоречия) невзлюбили, хотя был он раненым и демобилизованным фронтовиком.

Нелегко было учиться, иногда писали между строчками старых книг, жили трудно, помню, ходили с мамой в то же Спицыно обменивать некоторые вещи на продукты. Там мы узнали, что в «нашем» доме были поселены наши земляки из села Реболы Карелии.

Школьники, как и все взрослое население, занимались сельхозработами: заготовливали сено, пололи овощи, убирали картофель. А летом как же нас выручали мехонские леса с грибами и ягодами – их собирали, варили варенье, делали соленья, сушили. Выручал и свой огород.

И никогда нас, «пришлых», не обижало местное население, всегда и во всем, если могли, помогали.

Я закончила в Мехонке девять классов. Мы уехали из Зауралья в августе 1944 года – к этому времени наши родные края были освобождены.

Программу десятого класса «прошла» на подготовительных курсах при Карело-Финском университете. Очень пожалела, что не пришлось быть на выпускном вечере в Мехонской средней школе.

А о Дне Победы в Мехонке мне написала Маруся Миропольская: «Директор школы Евгения Семеновна Смагина на митинге у школьного сада поздравила весь коллектив с великим праздником!»

Да, этот день был праздником всенародным, что в Зауралье, что в Карелии. Горе по погибшим, встречи с вернувшимися фронтовиками, соединение семей, разбросанных войной по разным городам и странам, слезы и радость – все вперемежку.

«... А 22 июля, - пишет Маруся, - у нас был выпускной вечер. Евгения Семеновна поздравила выпускников, нам вручили аттестаты, и она выразила надежду, что мы после окончания высших учебных заведений будем далеко не последними...»

Она не ошиблась. В альбоме, который сделали мои милые одноклассники Дима Салазкин (будущий инже-

нер-теплоэнергетик) и моя любимая подруга – «мехончка» Аза Травникова, есть фотоснимки и записи - какими же хорошими специалистами стали выпускники Мехонской средней школы победного 45-го года.

Прошло полвека (более!),
Балансы сведены:
Не зря в Мехонской школе,
Друзья, учились мы!
Смотрю альбомчик: сколько же
Специалистов тут,
И Родине все отдано –
Прекрасным был ваш труд.
Есть внукам кем гордиться,
С кого примеры брать:
Ваш опыт пригодится
Россию поднимать!

После возвращения в родные края поступила (спасибо учителям Мехонской школы за знания) и окончила истфак Карело-Финского университета и с осени 1950 года до выхода на пенсию в 1983 году проработала на кафедре общественных наук Карельского пединститута. Добавлю, вся моя работа проходила в дружном коллективе умных, образованных, интересных людей – историков, философов, экономистов – преподавателей и лаборантов. Недавно наш институт получил статус университета.

... Сегодня мне 74 года. Живу в семье дочки с мужем и двумя внуками, еще двое внучат подрастают в семье сына – я счастливая мать и бабушка.

И сейчас с высоты прожитых лет, оглядывая свое прошлое, я всегда тепло вспоминаю мои школьные годы в Мехонке, ее душевных людей, любимых учителей и одноклассников. И все эти годы я поддерживаю нашу

дружбу с Азой Дмитриевной Ковелиной (Травниковой), которая стала летописцем своего родного района.

Спасибо вам, дорогие мои зауральцы, за те военные годы, когда вы обогрели, обули, одели, накормили нас, учили нас жизни, преданности и дружбе.

Спасибо вам за вашу Память!

Родной Мехонке

Мехонка, Мехонка... В начале войны

Там кончился путь наш – тяжелый, неблизкий.

Прошло столетия: дань старины

И даль расстояний! А в памяти – близко.

Хоть здесь, в Заонежье, все корни мои,

Я нынче звенящим душевным истоком

И речку Исеть ощутила в себе,

Текущую там – в Зауралье далеком.

Деревни и села ее берегов,

Луга заливные со сладкой клубникой,

Шиповника заросли, а в сенокос

Прохладные кисти смородины дикой.

Пшеничное поле: в осоте оно.

Остались для нивы лишь женские руки,

Да руки подростков. А солнышко жгло!

А корень осота упрямо упругий...

Отдельные память картинки хранит.

Уж многое скрыла прошедшего дымка.

Вот эта – осотина рядом стоит

С неведомым ранее словом «заимка».

Туда мы, усталые, с поля бредем,

За стол деревянный широкий садимся.

Сейчас мы горячим густым киселем

Гороховым досыта насладимся.

В те годы голодные лук полевой

Подкармливал нас, и саранка лесная.

Боярка, черемуха летней порой,

А осень – поспела картошка родная!

Картошка, картошка! Спасала ты нас!
А хлебушко! Было: кусочек ухватишь
От крошечной пайки – проглотишь не враз,
А долго смакуешь живительный мякиш.
Спасибо тебе, Зауралье мое!
Ты нас защитило в суровые годы.
Кормили нас нивы твои и леса,
Поили исетские быстрые воды.
Хочу, чтобы нынешней трудной поры
Скорее ушли неустройство и беды,
Чтоб мир возвратился, чтоб нынешний май
Народу принес хоть начало Победы!

г. Петрозаводск

**Ксения
Орлова
(Булавская)**

ПРИЮТИЛИ, ОБОГРЕЛИ

Во время войны я жила в Курганской области: сначала в деревне Сладчанке, а позже – в Мехонке. Нас, школьников 116-й ленинградской школы, привезли в Зауралье в январе 1942 года. Зимой мы учились в местной школе, а летом трудились на колхозных полях и на огороде интерната, которому был присвоен № 19. Старались работать хорошо, трудились от зари до зари, выполняли сельскохозяйственные производственные нормы. И в школе тоже старались учиться, чтобы не уронить марку ленинградцев.

После окончания войны судьба раскидала нас, но я поддерживаю связь с Валентиной Кукучевской (теперь Ефимова) и Валентиной Подалевич, они окончили институт точной механики и оптики и работали в научно-исследовательском институте. Вера Карпышева (Самойленко) тоже выучилась и трудилась бухгалтером. Регина Бухольц после окончания Ленинградского университета преподавала детям географию, так и я окончила Ленинградский институт имени Герцена и тоже преподавала географию. Надежда Мошнина (Лупинина) работала на ленинградском телевидении режиссером, а Мария Дмитриева стала медицинской сестрой и трудилась патронажной сестрой в детской поликлинике.

Валя Подалевиц, Оля Жукова, Вера Карпышева, Валя Кукучевская, Регина Бухольц, Ксения Орлова. Сладчанка, 1943 год.

Сейчас мы все на пенсии, воспитываем внуков и правнуков и, встречаясь вместе, вспоминаем нашу (я не оговорила – нашу!) Мехонку, те давние годы, учителей, труд которых и знания, полученные от них, позволили нам после возвращения в родной город окончить высшие учебные заведения. Вспоминаем и жителей села, которые часто, не имея ничего лишнего, делились с нами последним.

Спасибо вам, мехонцы, спасибо, курганцы, за кров и хлеб, одежду и знания, за то, что вы приютили и обогрели ленинградских детей военного времени. До конца дней своих мы будем помнить ваши тепло и ласку, накажем хранить эту память своим внукам и правнукам.

г. Санкт-Петербург

**Письма Ксаны Булавской
из Зауралья родственникам,
оставшимся в Ленинграде**

12.05.42 г.

Привет из Сладчанки! Здравствуйте, мои милые и дорогие мамочка и Кирочка. Я жива, здорова и того вам желаю. Мамочка, сегодня я получила от тебя три письма... Я была очень расстроена, когда прочла, что мой любимый батя Вася умер. Плакала... Ты пишешь, что работала на очистке Ленинграда от снега, ты, наверное, очень устала. Ведь это все проклятый Гитлер виноват. Скорей бы разбить этого проклятого врага, который приносит страдания всем нам...

Я живу по-старому: хожу в школу и учусь хорошо. Скоро начнутся письменные работы, и я приложу все усилия, чтобы окончить на круглое «отлично».

Кормят тоже хорошо. Погода сейчас стоит у нас хорошая, только нет вас здесь со мной. Очень скучаю. Мамочка, ты пишешь, что у тебя стало очень плохое сердце, так ты, моя дорогая, береги себя...

На днях я покупала молоко, но так как его трудно достать, то достала только один литр и поделила между четырьмя девочками. Сейчас коплю сахар, чтобы купить яйцо и сбить гоголь-моголь к Валюшкиному дню рождения, который будет 19.05.

Целую крепко и много раз.

Любящая и скучающая Ксана.

24.02.43. Мехонка.

Здравствуйте, мои милые и дорогие мамочка и Кирочка!

...Да! Теперь у всех большая радость – снята блокада с нашего любимого города Ленина, и наша славная Красная Армия продвигается вперед.

Вчера в честь 25-й годовщины РККА у нас был парад, а вечером был праздник. Сначала была встреча с участником Отечественной войны, потом художественная часть, а после всего танцы под патефон и пианино. Я не умею танцевать, и то танцевала...

Вчера и обед был праздничный – было второе. Теперь я ежедневно выпиваю по 0,5 литра и варю себе похлебку, т.е. сыта...

4.02.43г. Мехонка.

... Я же чувствую себя хорошо. Вчера получила комсомольский билет. Как я была рада, что теперь состою в рядах Ленинского комсомола... А завтра мне исполнится 16 лет. Мне даже не верится... Как это я раньше не замечала, что есть великое счастье, когда вы, мои милые, совсем рядом. Но теперь, кажется, недолго осталось ждать... Вы нас, наверное, будете встречать на московском вокзале.

**Ольга
Иванова
(Трофимова)**

ТО, О ЧЕМ МЕЧТАЛА, СБЫЛОСЬ

Я родилась и жила в Ленинграде. В 1941 году окончила 7 классов. Началась Великая Отечественная война. В семье было пятеро детей. Отец был рабочим завода «Большевик», мама работала машинисткой. В начале июля брата Олега и сестру Евгению эвакуировали с тетей (она учительница) в Акуловку, а меня – в Угловку, приблизительно за 300 километров от Ленинграда. Но немец стал раньше там бомбить, и нас решили вернуть в Ленинград. Как это было ужасно: родители приехали за мной, а нашу группу уже увезли в Ленинград. В августе отцу не дали на нас продовольственные карточки, а дали эвакуационный лист.

Нашу семью: маму – Елизавету Петровну Трофимову, пятерых детей и тетю – Марию Петровну Иванову, учительницу (она жила с нами) эвакуировали из Ленинграда на Урал. Ехали в товарных вагонах.

Высадили нас в городе Шадринске. Было очень жарко и хотелось пить. От Шадринска ехали на подводах, привезли нас в село Кондино. Там не было средней школы, и мы переехали в село Мехонское. Здесь мы долго искали себе жилье, все боялись нас принять, так как семья была большая. Пустила нас очень бедная

семья Елымовых. Нас было пятеро: мама, сестры Галя, Таня, Женя и я. Тетя Мария Петровна с моим братом Олегом (ему было тогда 6 лет) уехали в деревню Спицино. Тетя получила там работу в начальной школе, где мог учиться и брат. Жили они у очень хорошей женщины, помню, ее звали Маремьяна. Позднее мы жили у Кувалдиных.

Мама, Елизавета Петровна, работала секретарем-машинисткой в Мехонской МТС. Старшая сестра, Галина, работала в ателье, вышивала кофточки и другие вещи.

Татьяна, Евгения и я учились в Мехонской средней школе. В Мехонском райкоме ВЛКСМ нас приняли в комсомол: меня в 1942 году, а Евгению в 1943 году. Мы старались хорошо учиться и участвовать в общественной работе. Комсомол нас воспитал, закалил, сделал полезными членами общества.

Младшая сестра Женя и мама лежали в больнице от дистрофии, год был для нас голодным. У всех были фурункулы, особенно у Тани, она даже не могла ходить в школу.

В это время мне помогла комсомольская организация: выдали муки, яиц и картофеля. Спасибо – это было так дорого в тот период жизни.

В школе я дружила с Калей Черепановой (теперь она Жиглова, живет в Татарстане) и с Зиной Жаковой (теперь она Бабкина, живет в Мехонке). До сих пор я с ними переписываюсь. Знаю о их жизни, а они о моей. Тяжело было, но школьные военные годы вспоминаются часто. Калю вспоминаю с большой благодарностью, ведь она меня успокаивала и поддерживала, приносила то брюкву, то свеклу. Зина помнит до сих пор, как я за нее заступалась, когда ее дразнили, что она плохо одевалась. Они тоже только приехали в Мехонку и жили скромно.

Работали на сенокосе, приходилось вязать снопы. Ездили по улицам села, собирали золу для удобрения. Думали, что мы этим помогаем фронту. Еще мы валили лес: с одной стороны дерево подрубали топором, а с другой пилили. Небольшую часть нам выделяли на дрова. Это была очень тяжелая работа, но еще тяжелее было привезти дрова домой. За дровами мы с сестрой Татьяной ездили на быках, которые понимали только нецензурную речь. Дойдя до своей деревни (не помню, как она называлась, кажется, Мурзино), они дальше не шли. Мы, плача, тянули их до своего дома в Мехонке.

В январе 1942 года мы получили похоронку на отца. Он в это время работал на заводе «Большевик», голодал, был ранен. Умер дома, обнаружили соседи и похоронили его на Казанском кладбище, но могилу никто не помнит. Мы ходим на братские могилы этого кладбища и возлагаем венки, цветы.

Мне не описать, как нам было тяжело на чужбине. Видя отчаявшуюся маму, мы старались помочь ей, как могли. Кое-какие вещички с себя стали менять на продукты. Ходили и в другие деревни за много километров.

Со мной был такой случай: ехала уже из деревни домой с саночками, выменяла картошки. Было очень холодно, температура ниже 40 градусов, а одета плохо. Сил уже идти не было, села на санки, думаю, отдохну. Мимо ехал крестьянин на подводе, увидел, что сижу, отругал: «Ведь можешь замерзнуть!» Посадил на подводу и довез до дома. До сих пор вспоминаю его с благодарностью, ведь были же добрые люди.

Вспоминается, как мы были рады зеленому луку, разомнешь его - и с простоквашей. За работу на пашне нам выдавали муки и зерна. Зерно мололи на ручных жерновах. Из муки пекли шаньги. Иногда на рынке покупали варенец в стаканах. Это была вкусная еда, но позволить ее себе мы могли только в первое лето, а потом не было денег.

В июне 1943 года я окончила девятый класс, 19 июля исполнилось 16 лет, и мне вручили паспорт. Сестра Таня окончила десятый и поехала учиться в институт в Вологду, но скоро ушла из него, так как не было материальной поддержки. Она переехала в Пачу, где работала на молокозаводе. Брат и младшая сестра с мамой еще оставались в Мехонке.

Я поехала к дяде – маминому брату в Череповец, где училась в десятом классе и устроилась работать в этой же школе старшей пионервожатой. Работы в школе было много. Да еще после уроков с пионерами ходили в госпиталь, помогали раненым, писали письма, давали концерты, дети играли с ними в шашки, домино. Смотрели хорошие фильмы, которые воспитывали их патриотами и добрыми людьми.

В июне 1944 года я окончила десятый класс. Прошел выпускной вечер, надо было думать о дальнейшей жизни. В это время уже была снята блокада с Ленинграда. Я услышала, что в Череповце вербуют работать на Кировский завод в Ленинград. А нам очень хотелось домой. Мы с сестрой Таней завербовались. Когда приехали в Ленинград, дома нашего не было, и нас поместили жить в общежитие от завода. В отделе кадров нас приняли работать копировщицами.

Завербовавшись на завод, мы должны были работать три года. На мое счастье, зимой на базе завода был открыт вечерний машиностроительный техникум. Я стала учиться, чтобы не пропало время. После окончания техникума была направлена на работу в СКБ техникум-конструктором.

У меня была мечта стать учителем и в 1953 году поступила учиться в Ленинградский педагогический институт имени Герцена на заочное отделение. В 1959 году окончила институт и поступила работать в 391 школу учителем биологии. Сбылась моя мечта.

Многие годы занималась ответственной профсоюзной работой. За всю трудовую жизнь знала только слово «надо» и не знала «не могу».

Дочек воспитывала по телефону, учились они хорошо, обе окончили институт и работали по специальности. У старшей – Евгении две дочери, у младшей – Ирины – одна дочь. Сейчас у меня уже три внучки и три правнучки.

Муж, Алексей Алексеевич, 40 лет работал на флоте, почетный полярник, побывал во многих странах, дважды был в Антарктиде. Сейчас он на пенсии.

Когда я вышла на пенсию, меня не покидало желание побывать в Мехонке.

В 1985 году я прилетела в Свердловск, поездом добралась до Шадринска, где меня встречала Надежда Васильевна Зуева. Мы встретились, как родные. До Мехонки доехали на такси, и я жила у Надежды Васильевны.

Как было трогательно и волнительно видеть места, где провела молодость, хоть и в тяжелые годы войны. Побывала в гостях у Вали Банниковой и Зины Жаковой. Из Мехонки провожала меня Зина Жакова, она даже плакала, говорит: «Провожая тебя, как сестру».

После поездки в Мехонку мы еще больше сроднились с семьей Зуевых. Ко мне приезжали их дочери Катя и Светлана с детьми. Всех старалась принять хорошо, тепло и посоветовать, что интересного посмотреть в Санкт-Петербурге.

г. Санкт - Петербург

**Регина
Бухольц
(Булушева)**

В ЭВАКУАЦИИ

Мне было 13 лет, когда началась война, и застала она меня в пионерском лагере в поселке Толмачево под Ленинградом. Запомнилось, что после известия о начале войны мы еще несколько дней жили обычной лагерной жизнью. Но однажды за обедом пионервожатый сказал: «Не оставляйте хлеб на столах, скоро за кусок хлеба будут крепдешиновые платья отдавать». Меня это поразило.

Из пионерского лагеря меня забрала мама. Мы въезжали в притихший город на грузовике. Чувствовались тревога и напряжение в людях, окна крест-накрест были заклеены бумагой. Приехали домой на Тверскую улицу (это около Смольного), там жили еще бабушка, дедушка и тетя Ольга Викторовна Комарова.

Немцы были на подходе. Началась уже эвакуация к Уралу, за Урал, в Сибирь. Мама не знала, что делать. Отец мой в 1938 году был репрессирован: 58 статья, 10 лет без права переписки. Тогда мама еще не знала, что это конец – статья-то была расстрельная. Теперь лежит у меня тоненький листик бумаги о полной реабилитации отца за отсутствием состава преступления, но человека-то нет: расстрелян был в возрасте 36 лет, умница и красавец, инженер. Закончил политехнический институт, там же преподавал, потом работал по созда-

нию Горьковского автозавода, а оттуда с повышением был переведен в Москву в НАТИ (научно-автотранспортный институт) техническим директором – так тогда назывались главные инженеры. И, как потом рассказывала мама, когда кругом уже стали «брать», отец отправил нас – маму, меня и братика двух лет к маминим родителям в Ленинград. Когда за ним пришли, он был один, и, наверно, поэтому нас не тронули.

Ожидая ареста, он написал маме большое письмо, где лейтмотивом были слова «береги детей». Чему мама следовала всю жизнь.

Мама в возрасте 32 лет осталась с двумя детьми десяти и двух лет, жена «врага народа», с немецкой фамилией. И немцы наступают. Конечно, о пенсии детям или материальной помощи речи не было. И вот, помню, приезжает мамин брат Комаров Борис Викторович и говорит: «Натка, наш завод «Большевик» эвакуируют в Челябинскую область, поезжай с моей семьей, все-таки вам там вместе легче будет, а я пока не могу, должен остаться».

Так мы оказались с семьями работников завода «Большевик» на вокзале в теплушках, дедушка поехал с нами, а бабушка и тетя-студентка оставались почему-то несколько дней в Питере. Мы уехали в последних числах августа 1941 года, а они несколько дней просидели в поезде в ожидании эвакуации, но 8 сентября немцы заняли железнодорожный узел Мга, и кольцо блокады захлопнулось. Из этих поездов все отправились по домам. В блокаду бабушка умерла от голода, а тете удалось по Ладогe эвакуироваться в Саратов.

А мы ехали в поезде, боясь бомбежек. Выглядывая из дверей теплушки, мы видели воронки от бомб и мертвые тела. Нашему эшелону удалось проскочить, нас не бомбили. Приехали в Челябинскую область и оказались в какой-то деревне, там нас разместили по домам крестьян и вскоре дали в руки деревянные заступы и

послали копать картошку. Мама копали, а мы собирали.

Тут выяснилось, что в этой деревне только четырехклассная школа, а мне и двоюродному брату надо было в седьмой класс. Мы на подводах переехали в Сладчанку, где в помещении церкви была семилетка.

Жили мы сначала на квартире у колхозницы на краю деревни, а семья дяди в другом доме. Сразу стали работать в колхозе, сначала убирать кок-сагыз, картошку, турнепс – его мы чистили и ели тут же, казалось вкусно.

Первая осень и зима в эвакуации были для моей семьи очень трудные: мама боялась поднять голову и напомнить о нашем существовании, денег ни копейки, только у дедушки-учителя была пенсия 28 рублей. Поэтому мама меняла кое-что из белья на продукты, помню, только за одну простыню давали 60 литров молока. Но и менять-то было особенно нечего, так как все говорили, что уезжаем только до зимы, война скоро кончится.

У меня были подружки Мурзина Галя и Грязных, моему, Зина, она была чуть старше. Помню, ее бабушка или мама всегда угощали меня горячим белым хлебом и шаньгами с картошкой, о чудо! В общем, население относилось неплохо, хотя у самих были трудности – все забирали на фронт. У председателя колхоза было семь детей. Как он старался что-то сделать и помочь! Когда его взяли на фронт, все плакали. Взяли еще учителя математики, который только что женился на хорошенькой учительнице Осетровой. И остались работать женщины и подростки.

Однажды пошли на базарчик, смотрю, лежат белые блины на прилавках. Спрашиваю маму: «Что это такое?» Оказывается, так продавалось замороженное молоко. И еще меня поразило, что в сарае у кого-то из соседей висели чуть не до пола мешки с пельменями. Себе мы

пельмени позволить не могли, иногда нас кто-нибудь угощал.

Весной 1942 года всем эвакуированным дали по 2 сотки земли под картошку, а сажать было нечем. Те женщины, что получали аттестаты от военных мужей или помощь родственников, покупали картофель на посадку. А у нас денег не было. Кто-то сказал, что сажать можно не целую картофелину, а «глазками». Мама купила ведро простой картошки (помню, фиолетово-красной), и мы с ней резали картофелины так, чтобы глазок был в каждой частичке.

Колхозницы посмеивались над нами, мы были в смущении, в нерешительности, но выхода не было. Каково же было удивление и радость, когда на наших двух сотках выросло много картошки, не хуже, чем у колхозниц. И колхозники удивлялись и радовались за нас. С картошкой жизнь уже стала легче. В колхозе на трудодни платили гроши, иногда давали муку или какую-нибудь крупу. Помню, пала лошадь, нам дали голову, мама очень обрадовалась, но не помню, что с ней делали. Проблемой были спички, соль. Рано утром хозяйки ходили друг к другу за угольком, чтобы печку растопить, и делились закваской для теста на хлеб. Как исхитрялись с солью – не помню. На огороδικе выращивали овощи. Но очень тяжелой была работа в колхозе. Моя мама - музыкантша с язвой желудка работала везде, куда посылали. Помню, мама плакала не раз после работы на триере, это как большущая мясорубка, и две женщины зачерпывали зерно и поднимали ведрами наверх, засыпали в триер, а две крутили тяжеленную ручку.

А мы, подростки, были на прополке зерновых. Выстраивались в ряд несколько человек, надевали на руку варежку или просто наматывали тряпку, рвали осот, васильки и т.д. Жара, слепни, я, конечно, всегда отставала от местных, и надо мной не всегда добродушно посмеивались. Но самое ужасное - это вязание снопов.

Вот уж наплакалась я. Спину ломит, руки все исколоты, жарища...

Получить в колхозе подводу с лошастью было очень сложно. Если надо было съездить в Мехонку или за дровами, всегда старались дать быка. Это целая эпопея ужаса, так как бык не желал слушать интеллигентное «но, пошел». Бык был приучен к матерной речи, что совершенно не умели делать моя мама и жена дяди Бори. Дело кончалось слезами, и поездка срывалась.

Летом 1942 года надо было заготовливать дрова на зиму. Мама заболела, и мы с женой дяди Бори пошли в деляну. Первый раз я держала в руках пилу. Как-то все-таки валили деревья, обрубали сучья, пилили бревна и складывали их...

На всю жизнь у меня остался ужас от этой тяжелой сельской работы и большое уважение к людям этого труда.

В школе я училась отлично, получила похвальную грамоту. Но опять неудача – 8, 9 и 10 классы только в Мехонке, а это 10 километров от Сладчанки. Но произошло чудо: именно в Сладчанку приезжает интернат из ленинградских детей-школьников и именно Смольнинского района Ленинграда. Мама устроилась туда воспитателем, меня и брата приняли в интернат и поставили на питание. Лето я работала уже с интернатскими на огородах, которые выделил колхоз, а зимой стала жить в Мехонке около средней школы с воспитательницей и поварихой и иногда на выходной ходила к маме с братом в Сладчанку.

После прорыва и снятия блокады так просто в Ленинград было не вернуться, нужен был вызов, а нам его дать было некому. И вот в апреле 1944 года объявляют набор девочек в Ленинград на курсы воспитателей детских садов. Учиться два месяца на курсах, жить в общежитии. Мама говорит: «Езжай хоть ты, узнай, что с нашими комнатами и обязательно иди в вечернюю шко-

лу, закончи девятый класс, а там видно будет». И вот нас набралось несколько человек, на курсах заниматься было очень интересно, вечером ходила в вечернюю школу. В продовольственной карточке был талон на водку, на рынке этот талон мы с девчонками продавали по 250 рублей, а другая еда была дешевая: треска 58 копеек килограмм. Так и перебивались.

А к осени приехали мама с братом. Нашелся мамин друг детства, который и прислал ей вызов. Спали на полу у знакомых – комнаты наши были заняты. Начинали с нуля. Мама стала опять работать в детских садах музыкальным работником, я летом работала в детском саду, а осенью уволилась и пошла в 10-й класс дневной школы. Брат тоже учился в школе.

В 1945 году я поступила в Ленинградский государственный университет имени Жданова, закончила географический факультет. Направили меня в город Кондопога (Карелия), и мне понравилась педагогическая работа: и сами уроки, и кружки, и походы, и вечера. Всегда с молодежью. Там вышла замуж за ленинградского журналиста Булушева Павла Михайловича, и мы вместе вернулись в Ленинград. Так я оказалась в числе многочисленных питерцев, которые живут в коммунальных квартирах, хоть и с окнами на Невский проспект.

Благодаря тому, что я отношусь к категории «труженик тыла», получаю прибавку 98 рублей к пенсии. В 1993 году я посылала запрос в сельсовет села Сладчанского, можно ли подтвердить, что я там училась и работала. Была приятно удивлена, получив ответ от секретаря Седельниковой. Она взяла на себя труд найти двух свидетелей (может быть моих одноклассников) и прислала мне подтверждение. Спасибо им всем.

г. Санкт - Петербург

НА ПОСТРОЙКУ ДЕТСКОГО ДОМА

Актив Кокуйского сельского совета на своем совещании обсудил вопрос об организации ячейки МОПР и о сборе средств на постройку детдома имени МОПРа.

На этом совещании изъявили желание вступить в члены МОПР 17 человек. Здесь же внесено на постройку детдома 550 рублей.

Благинин Григорий и Вдовин Филипп внесли по 50 рублей, Курицын Иван, Абоскалова А.П., Третьякова Анастасия по 30 рублей и остальные по 20 рублей.

Актив взял на себя обязательство охватить сбором средств на детдом колхозников своего сельсовета и призывает принять участие в этом мероприятии всех колхозников Шатровского района.

«Колхозный фронт» (Шатрово), 28.06.1942 г.

ТИМУРОВСКАЯ КОМАНДА

Тимуровская команда детского дома организовалась после собрания. Капитан команды – Волкова Валя. Составлен план работ. В короткий срок тимуровская команда сделала много хорошего.

Тимуровцы оказывают помощь красноармейским семьям, например: нянчить детей, сгребать сено, вымыть в комнате и другие работы.

Помогают и в работах колхоза. 17 августа команда теребила лен, копала силосную яму. Заготавливают грибы, ягоды. Собрали 1 тонну металлолома. Работой тимуровцев руководит штаб команды.

Команда тимуровцев обращается ко всем ребятам района создать тимуровскую команду для коллективного участия в общепольном труде.

**Секретарь РК ВЛКСМ Помигалова
«Колхозный фронт» (Шатрово), 20.08.1941 г.**

ДЕТСКИЕ ДОМА НА ТЕРРИТОРИИ МАКУШИНСКОГО РАЙОНА

Четыре тысячи эвакуированных из Прибалтики, Белоруссии, Украины и Молдавии, Москвы и Ленинграда принял Макушинский район на свою землю.

В годы войны семь детских домов были расположены на территории Макушинского района: Лопатинский, Больше-Курейнский, Макушинские № 1 и №2, Серебрянский, Коноваловский, Моршихинский.

В детских домах района были размещены 730 детей.

Приказом по району в Серебрянскую, Сусловскую, Мало-Каменскую начальные школы были направлены учителя начальных классов, которые стали учить детей, эвакуированных из Эстонии.

Детские дома были эвакуированы из Москвы, Эстонии.

Трудно было устраивать детей на новом месте. Не хватало хлеба, дров, мыла, обуви, одежды. Но на помощь эвакуированным детям пришли жители района. Они собрали для детских домов 30 тысяч рублей деньгами, 200 фуфаек, 143 пары валенок. Кроме того, 1500 рублей были собраны на покупку кожаной обуви.

Первыми в Серебрянский детский дом приехали дети, эвакуированные из города Пронска Московской области.

«Выехали из города Пронска в конце 1941 года, а прибыли на место в январе 1942 года, - вспоминает воспитанница С. Головченко-Бурдасова. – Было нас 200 человек. В 1942 – 1943 годах несколько ребят трудоустроили. Тут нас соединили с Моршихинским детским домом, а в 1944 году выпуск был большой. Ребят отправили в ремесленные училища города Челябинска, а

девочек – в Мишкинское педучилище, Макушинский зооветтехникум». Последний был открыт 5 июля 1944 года.

Серебрянский детский дом просуществовал до 1958 года.

Вместе с детьми приехали в Макушино воспитатели – Мария Яковлевна Мукосеева и Мария Ивановна Басова. Они проявляли поистине чудеса изобретательности для создания более или менее нормальных условий жизни детям, обездоленным войной.

Басова провезла детей от Москвы по военным дорогам до Макушино. Спасла их всех до единого в трудном пути и от голода, и от холода. Помогли ей в этом и железнодорожники, и солдаты, все те, кого встречали они в пути.

Вот как рассказывает об одной из встреч детей на станции Челябинск воспитанник детского дома А. Приставкин: «Москва, спасая детей от войны, погрузила нас в вагоны и отправила в Сибирь. Ехали медленно, долго. Остановились – в который раз! - Челябинск. Вокзал хлестанул по глазам ярким светом, от которого мы отвыкли. Многотысячная толпа осаждала все подступы к вокзалу, что, казалось, не пройти.

Но вдруг стих многоголосый шум – масса людей, увидев детей, расступилась, открыла проход. Люди взялись за руки, ограждая нас. Мы шли через качающийся живой коридор в теплое помещение вокзала. По чьему указанию - не знаю, но детей тут же накормили горячим, сытным обедом».

Детским домам, расположенным в районе, были отведены участки земли, на которых воспитанники сеяли гречиху, просо, ячмень, выращивали овощи. В лесах было полно грибов, ягод. Это было хорошим дополнением к тому питанию, которое выдавали.

Окончилась война. У многих ребят родители не вернулись с полей сражений. Но сирот не было. Страна позаботилась о детях, воспитывала их, учила.

Воспитанники Серебрянского детского дома

Список хороших людей, вышедших из стен детских домов и нашедших свое призвание, большой. Только 60 человек из Макушинского детского дома продолжили свою учебу в училищах и техникумах. Многие из них получили высшее образование.

Валентина Федоровна Пяткова, воспитанница Серебрянского детского дома, стала преподавателем литературы, долгие годы работала в Макушинском медучилище.

Успешно трудился бригадиром тракторной бригады совхоза «Садовод» Александр Платонович Кузнецов, выросший в Серебрянском детском доме.

В самые трудные военные годы Родина заботилась о своих питомцах. Жители сел, где располагались детские дома, усыновляли и удочеряли детей, растили из них достойных сыновей и дочерей.

Говоря о детских домах, расположенных на территории района, нельзя не сказать несколько слов о заме-

чательном человеке – Брониславе Викентьевиче Брдиловском. Белорус по национальности, он был арестован по недоразумению, объявлен шпионом и врагом народа и за это, без суда и следствия, был отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала. В 1942 году его, больного, сослали в Сибирь. Так он оказался в Макушино, стал работать в детском доме конюхом, завхозом, сторожем. Все хозяйственные заботы лежали на нем. Он на лошадях обрабатывал землю, сажал картофель, саял пшеницу, овес, а осенью вместе с детьми все это убирал. Завел при детдоме коров, чтобы деткам молочко было. Воспитатели и дети боготворили Брдиловского. Да и как иначе: ведь Бронислав Викентьевич был человеком большой души, к нему все относились уважительно. И жалели. Как пожалела его воспитатель Мария Ивановна Басова. Она отогрела его душу, сама нашла в нем опору. К сожалению, Брдиловский рано ушел из жизни. Нет в живых и Басовой. Только фотографии в музее напоминают нам об этих прекрасных людях и о том трудном, но замечательном времени.

Галина Мансурова,
директор Макушинского музея

ИХ ДЕТСТВО «ЗОЛОТОЕ» В СЕРЕБРЯНОМ ПРОШЛО

Этого большого и красивого села с блестяще-ласковым названием – Серебряное уже нет. Остались только погост да заброшенный яблоневый сад, посаженный когда-то давным-давно неокрепшими руками детдомовцев. Да и детдома того тоже нет. Но живы еще люди, населявшие его, – его воспитанники, воспитатели. В их письмах, воспоминаниях оживают те суровые военные годы, когда сюда в 1941 году из самого пекла Великой Отечественной - из Пронска, что под Москвой, был эвакуирован детский дом.

«Казенные» и «домашние»

Их привезли от вокзала на подводах – более сотни, и совсем малышей, и 15-16 - летних подростков. Детей войны. Деревенские высыпали на улицу, чтобы посмотреть на москвичей. И взрослые, и дети, измученные долгой дорогой, испуганные подступавшей к Москве войной, поначалу воспринимались как чужаки - «акали» не по-здешнему, одеты были лучше деревенских, а в школу так вообще ходили в невиданной тогда форме. И вообще, казалось, были на одно лицо из-за одинаковой одежды.

- Я сразу с детдомовскими подружился, не вылазил, можно сказать, от них, - вспоминает Александр Яковлевич Тягунов. – Учились мы в одной школе, а после занятий я бежал в детдом. Там все было интересно и необычно. В настольные игры играли, в волейбол, на качелях качались. С деревенскими детдомовцы жили дружно. Иногда, конечно, ссорились. И вот что запом-

нилось – если, не дай Бог, наши кого-то ихнего тронут, – поднимались детдомовцы за своего горой.

А впрочем, что им было делить – «домашним» и «казенным» детям? У тех и у других на фронте воевали и гибли отцы, и те и другие собирали колоски на колхозном поле, бегали купаться на озеро Соленое.

Разместили детский дом в школе, а ту, соответственно, перенесли в бывшую церковь.

Серебрянский детский дом

В детдоме было на 120 ребятишек пять спален, вестибюль, длинный коридор, кухня, столовая, ну и кабинеты администрации, конечно. Главной же была директор – Мария Яковлевна Мукосеева. Строгая, не в меру вспыльчивая и эмоциональная. Могла накричать, затопать ногами, но через день забывала о причине гнева. Понять ее, конечно, можно было – откуда быть нервам, если такую ораву провезла через всю страну, если каждый мешок муки приходилось выбивать для сирот в

облоно, а под ногами крутились еще трое своих, родных детей.

Мария Яковлевна Мукосеева

Все воспитанники ее жуть как боялись, даже под кровати, бывало, прятались, услышав начальственный

шаг. Однажды, услышав, как Мария Яковлевна накричала на любимую воспитательницу, подстроили Мукосеевой ловушку – на тропинке, по которой та должна была непременно пройти, выкопали ямку и притрусили ее снегом. Ногу директор чуть не вывихнула. Жестокость детская или справедливый максимализм, как знать?

Мукосеева, коренная москвичка, так и осталась в Серебрянском детском доме вплоть до его расформирования в 1958 году. И в столицу уже не вернулась. Москвичками были и воспитатели Барабанова (Баранцева) Валентина Ивановна, живущая теперь (надеюсь, что живущая) в Кургане, Валентина Михайловна Северная, осевшая после 1958 года в Челябинске, Лана Александровна Трапезникова, ныне покойная. Да и ребятня почти вся была московская или «подмосковная». Постепенно, по мере выхода коренных детдомовцев во взрослую жизнь, ребятня разбавлялась местными сиротами, полусиротами, теми, у кого родители сидели за колоски и прочие «страшные» преступления, или по причине военного и послевоенного лихолетья не могли элементарно прокормить сыновей и дочек. Разбавлялся и воспитательский контингент местными педагогами. Так, например, появилась в детдоме в 1948 году молоденькая совсем воспитательница Нина Нохрина, 17 лет от роду.

Как Ниночка Ниной Федоровной и «мамой» стала

За плечами у Ниночки было Шадринское педучилище, дошкольное отделение. Не удивляйтесь, школы-то тогда были семилетки, вот и получали к 17 годам мальчики и девочки уже взрослые специальности. И судьбу, стало быть, взрослую. Ее, выпускницу училища, и заметила в облоно прибывшая туда по каким-то нуждам Мукосеева. Заприметила и сманила воспитателем в свой детдом.

«Конечно, сначала ох как трудно было! – вспоминает Нина Федоровна. – Представьте, мне 17 лет и воспитаннику-переростку Филе Щербакову почти столько же, выше меня на полголовы, хулиганистый. Его на педсовет вызовут, и давай стыдить: «Выше воспитателя вырос, а ведешь себя как!» Потом, правда, нашла с ним общий язык. До сих пор письма из Москвы пишет, а подписывается «ваш воспитанник Филя»».

Ниночка первое время так страшилась грозную Мукосееву, что боялась кушать в столовой, как это было принято среди персонала. Повариха, тетя Мотя, бывало, за руку притащит: «Садись, ешь, я у дверей покараулю, чтобы Она не пришла». И коллеги-воспитатели о ней поначалу, чуть усмехаясь, говорили: «Нина, которая около стеночки ходит».

А ребяташки любили очень. Ждали, когда придет (воспитатели дежурили с 7 утра до 10 вечера). Ждали, как ждут маму. Шура Ежова, что живет в Луге, написала в одном из писем Нине Федоровне: «Вы всегда нам что-нибудь оставляли под подушкой. То, что в столовой останется или из дому принесете. Как мама!» А вот Нина Федоровна этого почти не помнит. Может, потому, что делала это интуитивно, привязавшись к этим обездоленным детям как к братьям и сестренкам, а потом, как и к своим родным.

Зато помнит она своих любимиц сестер Глаголевых – Улю и Нюсю. Уля была артисткой! Каждую субботу и воскресенье в вестибюле детдома устраивались танцы. Самоучки Коля Осипов, Кузя Родин и Филя Щербаков шпарили на баянах польки и вальсы. Ульянка танцевала до самозабвения!

Самый большой стресс Нина Федоровна пережила, когда погиб Ваня Вяткин. Нелепо, глупо, не успев следом за Федей Ковачинским соскочить с качелей. Его похоронили здесь, на Серебрянском кладбище...

Нина Федоровна так и осталась сначала в детдоме, а потом и вообще в педагогике. И в Серебряном осталась. Только фамилию поменяла на Тягунову. Да-да!

Александр Яковлевич Тягунов, не вылазивший когда-то мальчишкой из детдома, в 1944 был призван на войну, а, вернувшись с фронта, обнаружил на постое в родительском доме симпатичную квартирантку Ниночку. А когда зашел вечером на огонек по старой памяти в детдом, встретил и там черноокую Нину. Она так и осталась в родительском доме Александра. Судьба!

Когда у них родились старшие сыновья, Виктор, Саша и Коля, они тоже дневали и ночевали в детском доме, рядом с мамой и друзьями. Воспитанники малышей любили, задаривали пряниками и конфетами.

Кстати, пряники да конфеты в деревне не выдывали, наверное, до 60-х годов. Потому считались они экзотическим лакомством. А детдомовские, вот чудачки! – утаскивали их втихоря из столовой и с удовольствием меняли на домашние кулагу, паренки, простоквашу.

Как детдомовцы сад zaloжили

А вообще, детский дом – это было целое хозяйство. Отлаженное, работающее. Я уже не говорю о самом здании, где все сияло чистотой, несмотря на сильную скученность. У детдомовцев были свои мастерские, в том числе и швейная (представьте только, что значила швейная машинка в военные-то годы!), были свои кони для работы и выезда (потом появился и грузовик), свиньи, куры и прочая живность. Построили и свою баню.

- Очень трудолюбивые были ребяташки, - вспоминает Александр Яковлевич. – У леса сами распахали пустоши, устроили огород и засадили его огурцами. У наших в огурешниках таких не нарастало, как у них на земле. Придешь, бывало, к ним на поле, когда урожай собирают, - а этих огурцов там горы. Угощают: бери, Саша, ешь сколько хочешь!

Они и на колхозных работах не отставали от деревенских, а по вечерам в спальнях шили кисеты, паковали посылки бойцам на фронт.

А в 1950 году детдомовцы разбили сад. Лаврентий Ковалев, местный коммунист-активист и большой любитель садоводства, помог правильно все устроить, достать саженцы яблони, смородину, малину. Каждый своими руками посадил по деревцу. В 1982 году, когда была устроена первая и единственная встреча серебрянских детдомовцев, они первым делом пошли в сад. А когда вступили в него, уже заброшенный в ту пору и запущенный, каждый побежал к своему, именно своему (!) деревцу. И почти все, не стесняясь, плакали. Плакали и еще раз. Здание детдома, когда Серебряное было ликвидировано, перевезли в Слевки и вновь там устроили школу. И вот в том самом 82-м, готовясь к встрече, тогдашний директор совхоза Геннадий Андреевич Кривяков где-то раздобыл множество железных кроватей, их застлали новеньким постельным бельем и расставили в том же порядке. Когда бывшие детдомовцы, отревев свое в саду, приехали в Слевки и зашли в старые стены, а потом и в «спальни», сначала воцарилась мертвая тишина, а потом вновь из глаз брызнули слезы и все кинулись к своим кроватям. Не ошибся ни один. Они просто вернулись в детство, хотя стали такими разными, и их так разбросала в разные стороны жизнь...

Как Славка Сухоруков корову выдоил

Вот лишь некоторые из многих тех, кого вспомнила Нина Федоровна Тягунова.

Николай Осипов, живет в Челябинске, с Тягуновыми поддерживает связь, они гостят друг у друга, и он стал даже им кумом. Валя Пастернак (Махнева), воспитанница, а потом и сотрудница детдома, живет в Братанниках, потому что когда-то «охмурил» ее приехавший работать в детдом шофером Серега Махнев из соседней деревни. Миша и Слава Сухоруковы... Последний ласковый до привязчивости, но страшный шалун и выдумщик. Однажды у пасущейся мирно «местной» коро-

вы прямо из сосков выдул чуть ли не все молоко. Где они, братья Сухоруковы, неизвестно.

Любимицы Аня и Уля Глаголевы. Уля живет в Риге, а Аня жила в Днепропетровске. Когда Аня после сложной операции на сердце в начале 80-х умерла, Нине Федоровне пришло письмо от ее мужа с последней фотографией любимицы и благодарными словами за любовь к покойной...

Ну, про Филю Щербакова вы уже знаете. Галя и Аля Лапкины живут в Петропавловске, Владимир Степанов в Чебаках, Виктор Силин – в Ключвенном, Валя Хомякова (Пяткова) – в Кособродске.

Умер так и связавший свою жизнь с Серебряным, а потом и Слевками, Кузьма Родин, ушел из жизни Иван Рябуха, сапожник, известный на всю станцию. Нет и Лиды Тишковой, которая и организовала ту единственную встречу в 1982 году.

Нина Федоровна помнит Гену и Колю Осиповых, Валю Ожигову, Зою Поваренкину, Ваню Ненастенко, Федю Ковачинского, Веру Голову, Галю Маргунову и многих-многих других. Они ей писали и пишут из Москвы, Жуковского, Челябинска, Барнаула, Риги. Наверное, им никогда уже не встретиться вместе. Совсем зарос сад, сгорело и здание бывшего детского дома, вчерашние девчонки и мальчишки давно пенсионеры и все труднее им пускаться в путь. Да и кто соберет? Возраст не тот, время не то. Остались только фотографии да письма.

- Я смотрю на эти снимки. Мне все как родные, я всех помню, всех люблю, так рвется сердце их всех увидеть, - не скрывая слез, шепчет Нина Федоровна, глядя на пожелтевшие фото.

Наверное, и у тех военных и послевоенных мальчишек и девчонок рвется сердце сюда, где осталось их детство, где их дом родной. Когда в 1958 году этот дом расформировывали, безжалостно разъединя сроднившиеся, сросшиеся судьбы и жизни, рев стоял над Серебряным. Ребятишки рвались из машин, прятались в

опустевших спальнях, а их вылавливали и увозили – кого - куда. Но они не забыли друг друга. Не забыли и тех, кто заменил им родителей.

Вместо эпилога: «Письма из детства»

«Здравствуйте, уважаемая Нина Федоровна! Каждое ваше письмо заставляет меня вернуться в то далекое и близкое детство. Вот побывала я за свою жизнь не в одном детдоме, а в памяти остался только Серебрянский. Может знаете, где же Галя Грекова, Таня Савченко, Шура Вяткина, Аля и Тая Киселевы, Валя Черных, Физа Самохвалова, Саша Мыльников, Саша Дологузов? Я была бы рада о них узнать.

Шура (Александра Пешкова), г. Барнаул

«Не могла читать без слез ваше письмо. Вы относились ко мне больше, чем мать. Мне так тогда нужна была ласка, и я получала ее от вас, поэтому запомнила вас на всю жизнь. Своим трем детям я отдаю всю материнскую любовь, стараюсь, чтобы они не знали горечи сиротства, которую испытала я. У меня все хорошо, муж не пьет, не курит, дети тоже хорошие. В общем, жизнь моя сложилась хорошо.

Целую, Нина (Нина Горбунова, г. Челябинск)

«Дорогая Нина Федоровна, здравствуйте! Пишет Вам Уля и ее семья... Я все помню, как были с сестрой Аней в детдоме, как я болела свинкой, а вы приходили ко мне в изолятор, приносили гостинцы. Я вас представляю такой же молодой».

Уля Симонова (Глаголева Ульяна, г. Рига)

«После 7-го класса нас, мальчишек, направили учиться в Петуховский техникум. Это было в 1946 году. Дет-

дом помогал обувью и одеждой. А летом мы приезжали в Серебряное и помогали нашим по хозяйству, работали в колхозе от детдома – заготавливали дрова, убирали хлеб. В 1949 году получили дипломы, и меня завхоз детдомовский Зырянов Ефим Васильевич привез на работу в Б.-Курейнскую МТС. Устроил на квартиру. И началась моя самостоятельная жизнь.

Михаил Дроздов, г. Екатеринбург

«В войну мы ходили на поле села Слевки – это примерно 3-4 километра от Серебряного. Однажды в жару у меня случился солнечный удар, так две девочки тащили меня 6 часов – ноги отнялись. Потом на сборе колосков покусали комары – началась малярия. Чуть не умерла – не было лекарств. Потом достали хинин, от которого я временно оглохла, а позднее и пожелтела вся. Но отошло. Особенно тяжело было собирать колоски – все были босиком, и ноги постоянно болели от порезов и ран».

«...У меня не квартира, а дом приезжих. Все наши детдомовские в Москву приезжают – кто лечиться, кто детей учить, кто посмотреть столицу, кто просто проездом. Всех принимаем радушно... Как сложилась судьба Риммы и Дины Каргапольцевых? Коли Осипова и его сестер? Кузьмы Родина? У меня муж – тоже детдомовец, очень добрый и порядочный человек, и живем мы с ним душа в душу».

Вера Голова (Лагова), г. Москва

«... Помню, как нас привезли в 1941 году к вам в Серебряное. У вас озеро было большое, соленое. В первый раз нам дали чай – а он соленый. Потом привыкли. Зимой, когда было холодно, в школу не ходили – на ногах-то колодки, а не обувь, так к нам учителя приходили

в детдом, уроки вели. Не могу больше писать – слезы подступают, страшно подумать, в каких условиях мы жили... Нас было две сестры Лида и Нина Тришины». «Директора, Марию Яковлевну, запомнила на всю жизнь. Яркой красоты лицо у нее было. Но мы боялись ее ужасно. Иногда под койки залезали, когда слышали, что она зашла в длинный коридор детдома. Когда она должна была приехать из Макушино – выходили встречать на дорогу. Далеко шли. Ждали, что она привезет что-нибудь. Как дети ждут гостинцев от родителей. Когда она злилась (например, когда коровы местных заходили в наш огород) – топала ногами. Но тогда это было, наверное, нужно. По сравнению с ней воспитатели, даже с высшим образованием, казались бледной тенью. Завхоз из нее был хороший. Но это я так, не ругливо пишу. Нина! Может, тебе что-то надо, не стесняйся, спрашивай. Мы тут мыла хозяйственного на работе купили, еще по старой цене. Может с мылом плохо у вас? Я вышлю, а то порошок дорогой...»

Галина Маргунова, г. Челябинск

«Вспоминаю самые трудные, но зато интересные детские годы. Особенно я хорошо помню Вас, Нина Федоровна, учительницу русского языка Феклу Варфаламеевну. Где Коля Шмаков, что воду возил с песнями? Где живет тетя Нюра, кладовщица? Где Витя Чулков, он был местный, но сидел в школе со мной за одной партией? Я живу в Москве – это моя родина. Но Серебряное – это мой второй дом, если не первый! Мне все там дорого. Как хочется вернуться в детство, в родные края, встретиться с вами, самыми близкими людьми».

Ваш воспитанник Филя (Филипп Щербаков)

г. Москва

Елена Васильева

г. Макушино

МОЕ «ЛЕБЕДИНОЕ» ДЕТСТВО

Виктор Андреевич Силин воспитывался в Серебрянском детском доме Макушинского района. После 6 класса ушел из детского дома. Выучился в Макушинском зоотехникуме и проработал всю жизнь ветеринаром в совхозе «Саратовский». Сейчас он на пенсии, с большим удовольствием вспоминает свое «лебединое» детство...

Родился я 1936 году на станции Макушино. Отец – машинист паровоза, мать – стрелочница. У отца была трудная работа; приходил домой чернее негра, только зубы да белки глаз на лице были видны. По состоянию здоровья отца всей семьей были вынуждены уехать в деревню Стенниково, на его родину. Он там устроился «фирмачем», так тогда называли бригадира животноводческой фермы. А в 1943 году с него сняли «бронь» и он ушел на фронт, в 1944-м погиб в Эстонии.

Нас у матери четверо. Начали пухнуть с голоду. Да не мы одни. Как-то мама принесла потихоньку домой немного протравленного зерна. Мы с той каши так опухли, что глаза не глядели – пальцами их раздвигали. Погрузила нас всех мама на быка – и в Макушино. В телеге кроме нас имущество – кровать с клопами, да сундук с барахлом.

Немного погодя, мама устроилась в Макушинский детский дом няней, а нашу семью поселили в конюховке – там упряжь хранилась. Мы, ребятня, при детдоме, значит, хоть не сироты круглые. Главное, паек назначили – первое и второе раз в день. Как сейчас помню – иду я с бидончиком, в нем – паек, а через все здание детдома лозунг: «Да здравствует 27-я годовщина Октября!» Ну, рот-то разинул, поскользнулся, упал – и весь паек наш на землю! Слез было...

В детдоме было много эвакуированных – ребята стреляные. Накалят вечером в печке железные пруты и ну, в атаку, на школу: «За Родину! За Сталина!» Так жили...

А тут и Победа! Собрались все макушинцы на площади, два духовых оркестра играют, все плачут, смеются. И мама моя, Ирина Семеновна, плачет.

В 1946 году детдом в Макушино расформировали и всех перевели – кого в Б.-Курейнское, кого вообще в другие районы, а мы попали в Серебряное.

Воспоминаний много, в основном, конечно, светлые. Главное, кормили нас более-менее. Помню, сшиблись мы после школы с дружкой моим Колей Быковым. Я его толкнул – он и упал. Встал и говорит: «Ты – то хлеба утром поел, а я лебеды». Да и мы лебеду, бывало, ели. Я сейчас как встречу Николая, спрашиваю: «Ну, помнишь наше «лебединое» детство?»

Нас к труду очень приучали: в детдоме я валенки научился подшивать. Дрова сами заготовливали. На двух пацанов нужно за день напилить, нарубить, расколоть и стаскать в поленницу 3 куба дров. А пацанам по 10-12 лет. Вот и встаешь в половине четвертого утра.

В спальнях кроватей не было – толчаны деревянные с соломенными тюфяками. А посреди – печь-голландка. Вся, как орудие: в плитках дырки просверлены, кирпич пробит и штыри торчат. На ночь всю башмаками, валенками ее обвешаешь для просушки.

У всех имелись клички: Котехов – Котла, Морозов – Мороз. А я Силин - Сила-Кобыла. Был у нас в детдоме пацан один, Разумовский. У него талант – вязал хорошо. Всех носками и варежками обвязывал. Но вредный. Однажды играли мы в лото вечером. Он мне, не знаю, за что, ковшик воды возьми, да за шиворот вылей. Я на него с кулаками. Сразу судьи нашлись, лампу задули. Все кричат: «Стычка! Стычка! Да кто дерется?» – «Сила с Разумом!». Дрались всегда по-честному: лежачего не

бить, до первой крови. Он мне нос расквасил, а я ему зуб выбил. Ничью признали.

В 1949 году к нам прислали человек 15 молдаван, дети репатриированных. По-русски они сначала не говорили вообще. Чистые цыгане! Но трудолюбивые очень. Есть все время хотелось – ну и подкармливались семечками, коноплей (это сейчас едят – конопля, мол, наркотики). Мы, бывало, расстелем пиджачишки, натрясем этой коноплей. Вкусно! Ну вот, эти молдаване-то, набьют семечками целые чулки, а мы у них потихоньку тырим. Воровали, конечно, в детдоме – не по-крупному, так – по мелочам. Помню, выдали нам новенькие ремешки для брюк. Я на ночь его вокруг ноги обвязал, чтобы не стащили. К утру нога распухла – ужас! Чуть, дурачку, не отняли ее. А к друзьям-молдаванам я специально в 1984 году ездил в гости. В город Сороки – цыганскую столицу.

А меня чуть было на кулинара не выучили. Я как раз шесть классов закончил. Построила нас Мария Яковлевна Мукосеева, директор, – меня и пятерых девочек. Для отправки, значит, в училище, на кулинара учиться. Мамка моя ревет. Мукосеева на меня долго глядела, а потом говорит: «Силин не поедет. А то девочек по дороге изобьет. Хватить ему шести классов. И вообще, пусть теперь к матери идет!». С чего бы я их бить стал?! У нас вообще девочки хорошие были. Мы их «бабами» звали. Ленинградские «бабы» меня научили плавать всеми стилями – брассом, баттерфляем. Я в прошлом году еще озеро макушинское переплывал.

Виктор Силин
г. Макушино

ЭТО БЫЛА НЕ ЖИЗНЬ, А РАЙ

Владимир Ефимович Степанов, житель села Чебаки, 1938 года рождения. Провел в Серебрянском детском доме 4 года, с 1947 по 1951. С 12-ти лет работал в родном колхозе. На лошади плугарем, потом прицепщиком, трактористом. И так всю жизнь до пенсии.

Моя мать в 1947 году была осуждена на семь лет. Унесла немного пшеницы для своей подруги, которая умирала с голоду, имея на руках новорожденного. И этой дали 7 лет. Младенчик так и помер. А я остался один, старший брат в армии, из близких никого. Скитался, голодал, в школу не ходил, естественно. Из вещей – ничего. Кто-то отдал старую женскую юбку. Так в юбке и ходил. Потом уж в деревне люди завозмущались, так председатель совета и повез меня в детдом. Справили на казенные деньги костюм, ботинки. А как сдавать он меня стал, так одежонку ту снял. Чего же, у самого ребятишки поди. Нянька потом долго возмущалась и спрашивала: «Ты почему голый-то?» А я: «Дяденька одежду забрал». Вымыли меня, значит, в бане. Положили на белые простыни. Покормили немного – боялись, что если больше дадут, помру. Проспал я двое суток. Проснулся – думал, в раю. А это и была не жизнь, а рай. Четыре раза в день кормят, одевают, в школе учат. Кормили хорошо, сильно хорошо. Директор – женщина строгая, мы ее меж собой мамой звали. По вечерам всегда проверяла, как мы уроки делаем. А воспитатели добрые, заботливые. В 1951 году маму выпустили, тогда амнистия вышла для тех женщин, у кого дети. Она приехала за мной – худая, оборванная. Мне так не хотелось из детского дома тогда уезжать.

Владимир Степанов

г. Макушино

Федор Гаев

ИЗ – ЗА РУЛЯ НЕ ВИДНО

Родился и прожил я всю жизнь в Профинтерне, раньше эта деревня называлась Коммуной. Когда началась война, мне исполнилось 13 лет. Отца моего, Гаева Дмитрия Дмитриевича, призвали на фронт, а через год он раненый вернулся и сказал мне: «Хватит, сынок, учиться. Надо фронт кормить». Ну, надо, так надо. Пошел я со своими пятью классами на курсы трактористов при Курейнской МТС. Отец мне там и преподавал науку. Сразу после курсов – на трактор, в 15 лет, значит. Ох и досталось мне! Сам-то росточку небольшого, щуплый. Однажды приехал в поле уполномоченный из района и глаза вытаращил: «Что это у вас трактор-то сам идет?» - спрашивает у бригадира. А это меня из-за руля не видно.

Вот как вспомню эти годы, сердце сжимается. Работали до темноты. Едешь, на тракторе фонарь керосиновый, впереди верховик на лошади – а ты по его следу пашешь. А сам думаешь, хоть бы этот фонарь лопнул, что ли. И спать все время хотелось – больше, чем есть. Однажды поле кончил, из трактора вывалился, чтобы поспать, пока двигатель остынет. А тут, дери его мать, уполномоченный! Да с пистолетом! «Вредительство! – кричит. – Почему спишь, саботажник?»

Я 45 лет трактористом проработал, - на всех марках пахал: и на ХТЗ, и на НАТИке (колесники), и на ДТ, и на

К-700. И на комбайне приходилось хлеб убирать. Меня же в 1988 году к ордену хотели представлять, да. Говорит директор совхоза: «А что, Федор Дмитриевич, 400 гектаров зяби вспашешь?» «Вспашу», - говорю. «А 500?» «И 500 вспашу». А вспахал, поверишь, 640 гектаров. Только ордена мне так и не дали. А я потом в области справлялся, мне письмо прислали: мол, по Союзу это самый высокий результат. Благодарим за ударный труд. Ну, медалей, конечно, грамот всяких много, значок участника ВДНХ. Только на эту самую выставку-то не ездил – значок в Макушино вручили. Трудовая книжка как есть, вся исписана – благодарности, денежные премии. Только здоровье ими не вернешь.

А обиднее всего то, что заросли поля-то, которые пахал по десять раз. Бурьяном заросли. Как чисто Мамай прошел. В войну мы их пахали, целину разрабатывали по клочкам, а теперь...

Заработал я себе земельный пай – Голодный увал. Сам его облюбывал – пахал не раз его и на буксир ездил (помогать другим, значит). Земля хорошая, отдал ее в «Курейное», самому-то теперь не обработать. Кое-что дают, немного, конечно. Умирает помаленьку наш Профинтерн, и мы со старухой, наверное, в Курган, к детям переберемся. Жалко только всего...

Макушинский район

Я СТРОИЛА ТАНКОГРАД

Родилась я 25 октября 1923 года в селе Целинном Челябинской, ныне Курганской области. Мне было шестнадцать лет, когда Челябинский обком комсомола призвал комсомольцев и молодежь на срочное строительство цехов Челябинского тракторного завода.

Специальности у меня никакой, только семь классов за плечами, но не побоялась, поехала. Попала сразу на стройку цеха сборки тракторов. Нас съехало много, всех расселили в хорошие общежития. Что человеку надо? Здоровье, крышу над головой, хорошую работу и заработную плату. Все это тогда мы имели, поэтому жили дружно, весело: ходили в парки, на танцплощадки, в кино. Думали, что так будет продолжаться бесконечно.

Но 22 июня 41-го года все как обрезало. Многие ребята сразу ушли на фронт, город и люди построжали, посуровели. Удлинились рабочие смены, дисциплина стала, как и положено в военное время. Но все мы думали, война эта ненадолго, тем более, что в сентябре на завод приехал Климентий Ворошилов и, выступая на митинге перед нами, на заданный вопрос, когда закончится война, ответил: «В апреле будущего года будем сеять хлеб на Украине». Но случилось иное...

Завод уже вместо тракторов выпускал танки. Не успели мы еще в некоторых цехах крышу перекрыть, как к нам эвакуировали Ленинградский завод им. Кирова. Люди приехали оттуда слабые, больные. Подкормили их, поставили на ноги. Они заменили нас у станков. Конечно, нам с ними тягаться трудно было, они – кадровые рабочие, специалисты. Но все равно первые 200 танков были наши! Я работала и в механосборочном, и в чугунолитейном цехах. Недоедали, недосыпали. Работали по 12-13 часов без выходных дней, а уж об от-

пуске и речи не было. Я за всю войну ни разу дома не была. Были месяцы, когда на фронте танков не хватало, и мы по пять-шесть дней не выходили из цеха. Тогда и стал наш завод именоваться Танкоградом.

В общем, приехали ленинградцы, а нас отправили на вырубку патронов на Ворошиловградский завод, который тоже эвакуировали в Челябинск. Работа была не из легких. Ночью, бывало, задремлешь, патрон выпадет, да на ногу! Все ноги посожжены были, патроны-то горячие. Знаете, почему-то именно в войну стояли ужасно холодные зимы. В цехе тоже холодина, одежка маломальская, ни верхонок, ни робы. А латунь ледяную нужно с улицы принести, со второго этажа мыльную воду притащить, а потом ящики с готовыми гильзами весом по 40 килограммов от станка – к весам, от весов – на склад. И все вручную. Нормы были высокие: до 240 кг гильз в смену, но старались. Не думали об усталости – у многих же на фронте были отцы, братья.

Но молодость брала своё. День наработаешься, а вечером на танцы, в клуб. И обязательно в туфельках, хоть и зима. Или в кино, в «Пролетарий». Успевала еще по вечерам на курсы медсестер бегать...

Ну и любовь, конечно, была. Как без этого. Ванечка, Ваня Белов. Ему было двадцать с небольшим, сам тоже из Целинного – земляк. Работал токарем механосборочного на ЧТЗ. Узнал мой Ваня, что у него брат на фронте погиб, пошел в военкомат, попросился добровольцем, хотя и бронь у него была. Проводила его, не успела даже ни одного письма получить, как сообщили из Целинного, что погиб Иван под Москвой...

Горе такое было не только у меня. Похоронки шли, как говорится, косяком. Проклятая война, сколько же молодых жизней она погубила, сколько судеб искалечила. И, сцепив зубы, пряча слезы, мы невероятно ра-

ботали для фронта. Днем и ночью, недели, месяцы, годы...

А потом наступил 1945 год. 9 мая в цех забегают Нина Минаева да как закричит: «Девчонки! Война кончилась!» Какое было ликование в этот день! Кто плачет, кто песни поет, кто танцует, все друг друга целуют. Особенно радовались эвакуированные, им хотелось на родину, к своим. Хоть мы-то тоже по своим наскучались, - не виделись всю войну. Ворошиловградцы после освобождения их города сразу уехали, а мы еще грузили оборудование (мы тоже все военнообязанные были). Потом, правда, проситься начали – отпустите, мол, домой. Отпустили.

Я помню все из того времени. Какие замечательные ребята и девчата работали рядом со мной! Как не жалели себя. А наши парни-уральцы, собравшие танки своими руками и уехавшие на них же вместе с выпускниками Челябинского танкового училища в составе Уральского добровольческого корпуса на фронт! Веселые, красивые, сильные люди, многие из которых отдали свои жизни за Победу. И еще я горжусь, что мне, рядовой тыловой девчонке, вручили знак 96 отдельной танковой Шумилинской бригады Челябинского комсомола.

... Не пришлось мне вернуться на мою родину – в Целинное. В 60-е годы переехала в город Макушино. Здесь вышла на пенсию и еще многие годы работала в районном обществе инвалидов. Вместе с мужем, ныне покойным, воспитали трех детей. А сейчас – вот радость-то какая – у меня пять внуков и четверо правнуков.

Валентина Моисеева

**Записала Елена Васильева
г. Макушино**

МЫ БЫСТРО ПОВЗРОСЛЕЛИ

Я рано осиротела и в 1936 году в возрасте четырех лет попала в Звериноголовский дошкольный детский дом, а затем, перед войной, в Тюриковский детский дом Шадринского района. Началась война, и к нам стали поступать осиротевшие дети. Начали строить новые корпуса. Всем нужна была надежная крыша, постель, место за столом, еда, одежда, человеческая ласка...

Мы все как-то сразу повзрослели. Старались выполнить наказ Родины – хорошо учиться. Помогали колхозу в прополке полей от сорняков, собирали колоски, лекарственные травы. Занимались художественной самодеятельностью, выезжали в Шадринск выступать с концертами в госпиталях перед ранеными.

После таких концертов над нашим детским домом взяла шефство одна воинская часть. Нас стали лучше кормить, появилась теплая одежда, больше стало учебников и тетрадей. И теперь уже в наш детский дом стали приезжать с концертами воины – шефы.

Вскоре воинскую часть перевели в другой город. Но нас не забыли, выслали два пригласительных билета на прощальный вечер. Жребий выпал мне и еще одной воспитаннице. Торжественная обстановка, подарки, напутствия командиров – все это осталось в памяти на всю жизнь.

Как осталось и чувство сострадания, зародившееся в годы военного детства. В 1951 году я закончила педагогическое училище и пришла работать с воспитанниками детского дома села Серебряное Макушинского района. Теперь уже я отдавала осиротевшим детям знания, опыт и ласку.

Зоя Шевчугова
ст. Макушино

ДОМ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

В годы войны в Мишкинском районе проживало около 4 тысяч граждан, эвакуированных из Украины, Москвы, Ленинграда, Московской, Ленинградской, Ростовской областей, Краснодарского края и других территорий. Кроме того, прибывали эшелоны с эвакуированными детскими домами и интернатами из Ленинграда и Москвы. Их размещали по селам района.

25 октября 1941 года со станции Мишкино в село Шаламово привезли 150 детей Волоколамского детского дома №2 им. В.В. Маяковского.

Волоколамский детский дом был образован еще в первые годы советской власти, когда открывались дома и интернаты для беспризорных детей. Недалеко от поселка Теряево Волоколамского района Московской области (бывшая Стрелецкая слобода) находится ныне действующий мужской монастырь святого Иосифа. После революции, во время гонений на церковь, монастырь был закрыт, а монахи изгнаны из обители. На их место привезли бездомных детей. На территории бывшего монастыря был организован так называемый детгородок, куда входили три детских дома и школа. В бывших монашеских кельях были спальни воспитанников, в трапезной – мастерские. В школу приходили учиться дети со всей округи. По наследству от монахов детдомовцам досталось большое подсобное хозяйство: огород, сад, пруд с рыбой, куры, свиньи, коровы, лошади. Все это было поделено между тремя детскими домами. В свободное от занятий время дети работали по хозяйству, много читали, занимались в кружках художественной самодеятельности, спортом, помогали окрестным колхозам в сельскохозяйственных работах, устраивали для них концерты. Как правило, детей в детском доме учили до седьмого класса, а по окончании

мальчиков отправляли в ФЗО, а девочек – на текстильные фабрики. Дети, которые хорошо учились, имели возможность закончить 10 классов и поступить в ВУЗы.

Но однажды вся эта мирная, налаженная жизнь закончилась. Началась война.

Вспоминает бывшая воспитанница Волоколамского детского дома Е.И. Сапунова (тогда Кузнецова): «Мы окончили девятый класс и перешли в десятый. Началась война. Вначале думали, что месяца через два разобьем и изгоним врага. Все лето копали противотанковые рвы, ровняли площадки под аэродром, дежурили с санитарными сумками у ворот и окрест. Но война приближалась. И вот по дорогам погнали с запада ревущий скот. Это забыть невозможно. А потом над нами летели на Москву немецкие самолеты-бомбардировщики. Наш белый монастырь с золотыми куполами собора и колокольни, видимо, был для них ориентиром. Они летели в 11 часов вечера, и этот прерывистый гул, то высокий, то низкий, немецких бомбардировщиков остался в памяти навсегда. Воздушные бои были и над нами, когда отгоняли немцев от Москвы.

Не помню кто, но нам сказали, чтобы мы собирались в эвакуацию и что за нами придут автобусы или машины. Мы порезали свиней, порубили кур. Все наши мальчики и работники - мужчины ушли в народное ополчение. Об их судьбе нам ничего не известно. Наверное, все погибли. Мы собрались, но никто за нами не приехал, видимо, было уже не до нас...

Уже горел город Калинин, немецкие танки гудели по дорогам, шли к Волоколамску и Москве. Но в последний момент, не знаю, вспомнил ли кто про нас или мы сами, с помощью местных людей, которые у нас работали, и оставшихся воспитателей решили идти. В ночь на 13 октября пошли пешком по лесным дорогам, минуя Волоколамск, который уже горел, и вышли на станцию Чис-

мена. Это ближе к Москве, перед Дубосековым, где героически сражались и погибли панфиловцы.

...Всю дорогу до Москвы нас обстреливали из пулеметов немецкие самолеты. Мы приехали на Казанский вокзал. Там было море людей. Москва продолжала эвакуироваться, а с востока шли войска защищать столицу. Как нас отправили из Москвы, не помню. Помню, когда доехали до Урала. Уфа вся была в огнях, и мы удивились, что ночью город был освещен, так как привыкли к темноте, чтобы не видел противник ни одного огонька. Мы приехали в Челябинск и выгрузились на «пересылке». А потом нас отправили в Мишкино. Помню, было очень холодно, а мы плохо одеты...»

Из Мишкино их сразу же повезли на грузовиках в Шаламово.

Высадили у церкви. Детский дом разместился в пяти домах: один дом каменный (бывший дом купца Шишкина), остальные – обычные деревянные деревенские дома. Отдельно было здание столовой, была баня, которая стояла недалеко от шишкинского дома, на берегу. Прибывшие дети были разного возраста. Их разделили: дошкольников отправили в дома-интернаты, старших школьников (8-10 классы) – в село Кирово (в то время – районный центр), так как в Шаламово была только семилетняя школа. Обустройство на новом месте было очень трудным. Не хватало буквально всего: кроватей, матрацев, подушек, постельного белья, одежды, обуви, посуды (ели из глиняных мисок и жестяных банок). Очень плохо было с продуктами питания.

Размещались дети так: в каменном (шишкинском) доме было две спальных комнаты, в одной жили мальчики, в другой – девочки. В этом же доме была директорская, еще была так называемая рабочая комната, в ней делали уроки. На 26 детей, которые здесь жили, было только 15 топчанов и 10 одеял. Был стол, но он

тоже был приспособлен под кровать. Никакой другой мебели не было, постельного белья тоже, матрацы и подушки набивались сеном, примерно то же было и в остальных домах. В комнатах было холодно, так как окна были не утеплены, кое-где не хватало стекол, а дров было мало, и топили плохо.

В конце января 1942 года прокуратурой Челябинской области всем прокурорам было направлено распоряжение проверить состояние эвакуированных детских учреждений, находящихся на территории их районов. 11 февраля 1942 года специально созданная комиссия в составе прокурора Кировского района Седаша, заведующего РОНО Екимовой, заведующего Шаламовским фельдшерским пунктом Балахнина и директора детского дома Герасименко произвела «проверку санитарных и бытовых условий детдома, эвакуированного из г. Волоколамска Московской области». Вот заключение комиссии: «Общежитие не обеспечено полностью топчанами, не хватает 34 топчана. Детям приходится спать по 2 и 3 человека. Не хватает 9 матрацев, простыней нет совсем. Помещения находятся в антисанитарном состоянии – стены грязные, окна сырые и тоже грязные. Помои льются около общежитий. Уборных около общежитий нет. Кипяченой воды нет и бачков для воды нет, вода находится в открытых деревянных ведрах. Столовая находится в антисанитарном состоянии. Питание неудовлетворительное – нет совершенно овощей, дети питаются исключительно манной кашей утром и вечером, в обед – суп из манной крупы и на второе также манная каша, хлеба получают по 500 граммов. Жиров также недостаточно – масла на день получают 2 кг, мяса 7 кг на 150 человек».

Руководству детского дома предписано было в срок до 25 февраля устранить все имеющиеся недостатки, вопрос о бедственном положении детского дома был поставлен на заседании исполкома районного совета.

Местные жители проявляли горячее участие к эвакуированным детям, но наши селяне в годы войны сами жили очень бедно и трудно. Постепенно жизнь детдома как-то налаживалась. При поддержке правления колхоза им. Ворошилова было развернуто подсобное хозяйство. В августе 1944 года председатель этого колхоза А.К. Балахнин был даже премирован 2,5 метрами хлопчатобумажного полотна «за чуткое и внимательное отношение к нуждам детского дома, выраженное в помощи в развертывании подсобного хозяйства детского дома». На берегу реки был выделен участок под огород, где выращивали овощи для детдома, посадили яблони, держали коров, свиней. В качестве тягловой силы использовали быка. Ездили в Курган и в Шадринск за продуктами и вещами. Получали американскую гуманитарную помощь: одежду, обувь, одеяла, продукты питания. Но все равно жизнь была трудной, как и у всех тогда. Кормили детей 3 раза в день, но все равно питание было скудным, и дети ходили голодными, пытались добывать «подножный корм»: собирали щавель, дикий чеснок, капустные листья, копали и ели корни рогоза.

Собирали грибы и ягоды и сдавали на кухню. Была даже норма – 1 стакан ягод и 10 грибов на человека.

Посильную помощь оказывали дети колхозу: собирали колоски, горох, работали на току – веяли и сушили зерно, пололи пшеницу от сорняков. Собирали лекарственные растения, сушили их. Эти растения потом использовались для лечения раненых в госпиталях.

Сами дети с помощью взрослых заготавливали дрова для детского дома. Норма была – 4 кубометра на человека. Сами делали ремонт в помещениях: красили и белили. Косили сено. Белье отдавали стирать в прачечную, которая была при детдоме. Девочки занимались вязанием, вязали на заказ, а на вырученные деньги покупали молоко и простоквашу.

— Каждое утро все обязательно делали физзарядку. Участвовали в художественной самодеятельности, занимались спортом. Высаживали деревья и кустарники, возле домов были разбиты цветники, за которыми очень бережно дети ухаживали.

— Первым директором Шаламовского детского дома был Райхлин. Он был в числе эвакуированных с детдомом воспитателей и других работников. В декабре 1941 года он был призван в РККА Кировским райвоенкоматом. После него была женщина по фамилии Солдатова. Что с ней случилось, нам пока не известно, но уже с 26 января 1942 года директором был назначен вернувшийся из армии Герасименко. Так что за первые три месяца существования детдома сменились три директора. В 1944–46 годах директором был Г.В.Богоявленский, в 1947 и до начала 1950 года – И.П. Обухов, оставивший о себе у бывших воспитанников добрую память. После него были И.В. Сапожников и В.Н. Сычев. Воспитателями в первые годы были: М.Ф. Сулова, М.В.Яковлева, В.Ф.Гладышева, Д.С.Шапиро, А.Г.Бузуева, А.М.Артемяева, Н.Г. Моторина, З.А. Енбаева, М.И.Бухарова. В основном в штате были сотрудники, эвакуированные вместе с детским домом или из других мест, назначенные РОНО, но были и местные.

— После окончания школы дети выпускались из детдома и уезжали. Поступали в ремесленные училища, работали на военных заводах, поступали в ВУЗы. Некоторые оставались работать в детском доме на подсобном хозяйстве. Бывали и случаи побега. Иногда у детей находились родители или другие родственники, им высылали пропуски, и они уезжали. Им давали деньги на билет и продукты на дорогу. На смену бывшим детям поступали другие из приемников-распределителей городов Кургана, Шадринска.

...ной самодеятельности,
каждый из сотрудников не только в рабочие моменты – да и

К концу войны число воспитанников несколько уменьшилось. Если в 1941-42 годах в детдоме было 150 детей, то на 30 мая 1945 года осталось 90.

На летний период 1945 года детский дом приказом директора был переформирован в летний пионерский лагерь им. Мичурина. Из воспитанников были сформированы три группы. Воспитателями 1 группы были назначены Н.Г. Моторина и А.И. Артемьева, 2-й – Б.Ф. Гладышева и Д.С. Шапиро, 3-й – М.Ф. Сулова и З.А. Енбаева. С тех пор это стало традицией. Как вспоминают бывшие воспитанники, летние походы были ежегодными. Уходили в лес, жили в шалашах у озера Щучье. К озеру шли несколько отрядов, каждый своим маршрутом. Нужно было быстрее прибыть к месту назначения. У озера отдых был прекрасный: ловили рыбу, варили уху, устраивали различные игры.

После войны жизнь стала приходить в норму. У детского дома появилось больше средств. Да и беспризорных детей стало меньше. В 60-е годы детский дом в Шаламово был закрыт, оставшихся детей перевели в Коровинский детдом. Но до сих пор бывшие воспитанники тепло вспоминают свой дом. Дом, где прошло их детство.

Татьяна Волкова
п. Мишкино

ЖИЛИ ОДНОЙ СЕМЬЕЙ

Мой отец погиб на войне. На руках матери осталось четверо детей. Чтобы мы не умерли с голода, она отдала нас в Шаламовский детский дом.

Помню, сначала мы жили при керосиновых лампах. Обстановка в помещениях была бедная. Не хватало даже табуреток. Матрацы набивались сеном, а подушки – пухом от головок рогоза, а позднее – ватой. Даже настенных часов не было.

Питание было скудным. Нам казалось, что мы никогда не наедемся досыта. Если опоздаешь к обеду или ужину, то останешься голодным. Летом собирали щавель, дикий чеснок, ягоды, вырывали и ели корни камыша, чистили «свинные калачики». Помню, уже позднее начали нам давать томатный соус, мы не привыкли к нему и плохо ели.

Когда на должность директора пришел Иван Петрович Обухов, то он делал все, чтобы нам жилось сытно. Тогда при детдоме держали свиней, кроликов. Построили теплицу для выращивания овощей. Нередко на стол попадала рыба, икру от нее давали тем, кто чистил ее.

Запомнилось, как мы утром вставали по сигналу горна, как выстраивались на пионерской площадке, поднимали флаг, получали задание на день.

Была у нас и спортивная площадка, с лестницей, шестом, канатом, где мы занимались на уроках физкультуры и в свободное время. Кстати, каждый день перед школьными занятиями делали зарядку. Участвовали в спортивных соревнованиях не только детдома, но и района.

Занимались в художественной самодеятельности, ездили на смотры не только в районный центр – село

Кирово, но и в Курган. Очень хорошо у нас пела Лиза Склизкова. Просто заслушаешься ее. Став взрослой, она пела в Свердловском оперном театре.

Летом ходили в походы, жили в шалашах у озера Щучье. Интересно, что к озеру шли несколько отрядов и каждый – своим маршрутом, по заметкам. Соревновались, кто быстрее прибудет в пункт назначения. У озера был прекрасный отдых на природе. Здесь ловили рыбу, варили уху, играли.

Но не подумайте, что детдомовцы вели только праздную жизнь. Нет, кроме развлечений и отдыха, была работа. Детдомовцы собирали для колхоза колоски, работали на току – провеивали и сушили зерно, грузили его. Занимались прополкой колхозного и детдомовского картофеля. Собирали грибы и ягоды. Здесь для нас устанавливали даже норму. К примеру, насобирать и сдать по стакану клубники. Собирали из частных домовладений золу и куриный помет на удобрения.

А как много сделано было руками мальчишек и девчонок по облагораживанию пустырей возле здания детдома, по озеленению территорий. Мы разбивали скверики, высаживая деревца и кустарники. Какие чудные березки и черемуха были посажены нами! А до чего хорошо были ухожены цветники. К сожалению, теперь всего этого нет. После закрытия детдома наступило запустение.

У речки находились детдомовские огороды, в которых выращивали различные овощи для себя.

На каждый день назначался дежурный сектор из мальчиков и девочек. Они вставали в шесть утра и помогали поварам получать продукты, готовить пищу, накрывать столы. Не помню, чтобы старшие помыкали младшими.

Девочки занимались вязанием. Бывало, что некоторые женщины села просили их связать какие-то круже-

ва, за что расплачивались деньгами, молоком или простоквашей.

Дети с помощью взрослых заготавливали дрова для детдома. Сами вели ремонт в помещениях - красили и белили. Участвовали дети и в сенокосе.

Хорошо учившихся детей поощряли. Помню, Зоя Заровнятова ездила даже в «Артек».

Дети есть дети. Они непоседливы, любители побаловать. Помню, когда мы оставались без ночной няни, то ходили в соседнюю спальню – красили или мазали чем-нибудь лица спящих ребят. Тайком от взрослых играли в чехарду. Если нас заставляли за баловством, то наказывали – заставляли бегать вокруг дома, пилить дрова, мыть полы.

Сейчас я сожалею об одном: нам мало внушали, что детдом – это наш родной дом, что его надо не только всегда помнить, но и возвращаться к нему иногда. Понимание этого пришло позднее, когда мы стали взрослыми, и судьба раскидала нас по всей стране. И в последние годы мы стали искать друг друга, считать себя родственниками. Да, это так, ведь мы жили одной большой семьей.

**Валентина Баландина,
воспитанница Шаламовского детского дома**

**Валентина
Павленина**

У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО

Войну я видела детскими глазами. Но память, как стальной резец, оставила следы на всю жизнь. И вот, спустя более полувека, решилась сделать несколько зарисовок, основанных на детских впечатлениях того великого и грозного времени, времени высокого подвига и огромных страданий народа.

Первые впечатления от войны – вереницы подвод, двигавшихся от станции к селу по нашему красавцу мосту, построенному незадолго до войны. Это был длинный, широкий мост, который покоился на нескольких высоких деревянных сваях, сделанных так мастерски красиво, что бревна издали напоминали ажурную вязь. Это было любимое место прогулок, свиданий молодежи и игр детей. С высоты моста открывался чудесный вид на село, окрестности, дали. Мост охранялся и раньше, но сейчас там стояли часовые с винтовками. К мосту прилегала высокая насыпь, сделанная из золотистого песка с галькой. Сбоку насыпи кто-то выложил белым кирпичом надпись «Все на защиту Отечества!» Буквы призыва так крупны, что видны очень далеко.

Бесконечные вереницы подвод, изредка проезжают грузовые машины. Солнце слепит глаза. Рядом течет широкий Миасс, пенясь и подмывая крутые берега, – это единственное, что напоминает мирную жизнь...

Жаркое лето сорок первого. Начинается уборка хлебов. Техники мало, мужчины уходят на фронт. Мать с группой женщин косят вручную. Каждое утро, управившись по хозяйству, мать с литовкой за плечами идет в поле. Я иду с ней. Детский сад пришлось оставить, так как в связи с эвакуацией число воспитанников увеличилось, и их негде было размещать. 5-6 километров туда я преодолеваю легко, но обратно иду с трудом. Впечатлений масса. Однажды увидели целое стадо диких коз, которые так красиво бежали по жнивью, что, казалось, летели по воздуху.

Я сижу возле большой копны гороха. Косцы – женщины, старики и мальчишки-подростки – собрались у костра, откуда тянет дымком и вкусным запахом. После обеда – небольшой отдых. Мать начинает читать газету. Помню, что там говорилось о зверствах фашистов, о том, что у женщин отрезали груди, выкалывали глаза... Это, наверное, были первые корреспонденции военного времени. Реакция слушающих – ошеломление, возгласы ужаса, страх. Когда взрослые снова пошли копнить, я заявила, что боюсь оставаться одна. Мне казалось, что из-за копны выйдут немцы и схватят меня. Решили посадить меня на одинокий «Сталинец» (комбайн), который косил хлеб. Меня забрасывают на площадку бункера комбайна. Я оказалась там не одна: на промасленном ватнике сидел испуганный маленький зайчонок, поднятый, очевидно, трактористом, чтобы сохранить ему жизнь.

Затарактел трактор, затрясся комбайн (тогда самоходных комбайнов не было), двинувшись по неровному полю. Я прижала к себе зверюшку и сама, наверно, напоминала зверька, испуганного необычностью обстановки.

Безжалостно палило солнце, гремело, грохотало железо, от которого было нестерпимо жарко, очень хотелось пить. В ушах звенели слова о женщинах с отрезанными грудями и выколотыми глазами, я вспомнила свой

детский сад, где меня оберегали, кормили, водили гулять, а теперь... И горькие слезы полились из моих глаз. А трактор гудит и гудит, а комбайн гремит и гремит. Да, не было бомб, обстрелов, но и в глубоком тылу резко менялась жизнь, и мы, дети, это чувствовали. Детство лишалось уюта, привычного тепла и внимания. Война вклинивалась не только во взрослую жизнь, но и в мою, детскую, нарушая привычные жизненные стереотипы.

Возле школы – группа эвакуированных; их выгрузили с подвод, но еще не разместили по квартирам. Они утомились от длительного пути, но терпеливо ждут, сидя на небольших узлах пожиток – того, что удалось захватить с собой.

Мое внимание привлекает девчонка примерно моего возраста. Зябко кутаясь в клетчатый плед, она смотрит огромными иконописными глазами на окружающих, в них столько недетской тоски и обреченности. Многие пришлось ей увидеть и пережить, прежде чем она и ее близкие нашли пристанище у нас, в зауральском селе. Галя Кижнер (так ее звали) прибыла из Харькова, несколько лет училась в нашей школе, а потом, после возвращения на родину, долгие годы переписывалась со своей одноклассницей, жительницей нашего села.

У наших жильцов почти ничего не было из вещей, мы делились, чем могли. Но зато у них был патефон с пластинками, который они подобрали на одной из разбомбленных станций. Этот патефон – самое радостное, яркое воспоминание тех трудных лет. Вечерами при свете коптилки люди, зябко кутаясь в старые платки, фуфайки, садились поближе к печке, на время забывая обо всем, вслушиваясь в утесовские «Пароход», «Дядя Ваня», слушая чарующие звуки романса «Ночь тиха», отрывки из оперетт. Музыка объединяла нас, врачевала душевные раны.

А жизнь была сурова. Враг наступал, с фронтов приходили неутешительные сообщения.

У нас в подвале была картошка, которой кормились мы с мамой и пять человек эвакуированных. Наши жильцы умели делать из нее такие блюда, что порой забывалось отсутствие хлеба. Картошечка – наша спасительница, ей надо поставить памятник – столько жизней она сохранила! Правда, на посадку весной у нас картошки почти не оставалось... Хлеб давали по карточкам – серым бумажкам, от которых отрезали узкие полоски с указанием веса. Маленькие кусочки черной сырой массы с большим количеством овсяной шелухи, которая больно застревала в горле, – этот хлеб съедался быстро и незаметно. И еще спасали горох, овес и просо, которые сеяли все организации, а также овощи, грибы и ягоды.

Дров у нас не было совсем. Выпал снег, пришли холода. Все вместе шли в бор, опоясывающий село, захватив мешки, топоры. Собирали валежник, рубили пеньки, которые давали мало тепла. Воспоминание о военном времени – это ощущение холода и постоянного недоедания. Русская печка, полаты – любимое место нахождения ребятишек. Здесь готовили уроки, читали, играли.

Весной ребячьи ватаги устремлялись в лес за саранками, медунками, пучками, лезли в болотца, вырывая камыш и отыскивая «мучку». А крупянка на соснах? Она хорошо утоляла голод, знаю по собственному опыту. Иногда поиски растительной пищи заканчивались трагически. Запомнился случай с Галей Шаламовой, сестрой известного кировчанам баяниста Шурика Шаламова, талантливого юноши, который скрашивал досуг молодежи военного и послевоенного времени своей игрой. Семья у них была многочисленная, конечно, недоедали. Весной, когда появилась трава, девочка вырвала и съела «морковку» (белену), спасти ее не удалось. Воочию вижу маленький гробик, в котором лежит прелестная девочка; пряди черных вьющихся волос окаймляют восковое личико, на голове детская шляпка; синие

губы скорбно сжаты. Все ее лицо выражало такую скорбь, такую обиду и боль, а лежащий на груди подснежник говорил о так несправедливо отнятой жизни, что никто из присутствующих не мог сдержать слез.

Смертей в то время было много. Вымирали целые семьи от септической ангины, собрав весной перезимовавшие колоски пшеницы и употребив зерно в пищу. Умирали и от недоедания.

Дети войны... Они мечтали не о сахаре, а... о соли. В магазине изредка появлялась сырая, грязная масса, именуемая солью. Соль экономили, выменивали у спекулянтов, отдавая последнее. Помню, на базаре за прилавком бойкая женщина торгует солью. Соль комковая – большой прозрачный голубоватого цвета камень, напоминающий кусок льда, переливающийся кристалликами на солнце. Я стою и неотрывно смотрю на такой красивый, такой желанный «камень». Взять бы кусочек этой «льдинки» и сосать, сосать...

В селе организовали госпиталь, поступили первые раненые. Здания школы теперь превращены в госпитальные палаты, а учащиеся занимаются в три смены в разных помещениях села.

...Выздоровливающие раненые прогуливаются по опушке леса, сидят на скамейках (в бору создана летняя эстрада), ласково разговаривают с нами, ребятами, вспоминая, должно быть, своих детей. Позднее привезли детей из Ленинграда. Они лежат на топчанах во дворе школы в белых панамках и принимают солнечные ванны, а мы, устроившись на заборе, наблюдаем за происходящим.

В 1943 году я пошла в первый класс. Моя учительница – самая лучшая женщина на свете – Галина Ивановна Макеева, заброшенная волной эвакуации в наши края. Помню первый урок: Галина Ивановна, почему-то в распахнутом кожаном полупальто коричневого цвета, берет в руку астру из стакана, стоящего на столе, поднимает, протягивает классу и произносит: «Это один

цветок». Берет несколько цветков в другую и говорит: «А это – много». Так начиналась школьная жизнь, которую мы прожили с Галиной Ивановной целых три года.

Если бы современные школьники увидели нас, детей военного времени, наверное, засмеялись бы, решив, что на нас надеты маскарадные костюмы.

Я была единственным ребенком в семье; у меня были красивые платья, туфли. Но это было когда-то, в мирное время. Из всей этой одежды я быстро выросла, и в школу идти было попросту не в чем. Мама отрезала рукава от летнего пальто, которое еще как-то налезало на меня, и оно заменяло платье и кофточку в зимнее время. Сложнее был с обувью: туфли были малы. Нашлись кирзовые сапоги 39 размера. Я носила их три года, люто ненавидя и мечтая, что у них отвалятся подошвы. Но они были на редкость прочны. Я в них почти не могла ходить: они скользили, были так велики, что я постоянно запинаясь за парты, за порог класса, за ступеньки крыльца, а то и мальчишки подножку поставят. Я бесконечно падала и сильно ушибалась. Была еще одна достопримечательность моей экипировки: футбольные бутсы, бог весть как попавшие в наш дом. Иногда я появлялась в них в классе, сгорая от стыда за свое внешнее уродство и вызывая зависть у мальчишек. Но это было еще неплохое обмундирование. У моего соседа по парте не было и этого. Из мешковины было сшито какое-то подобие кафтана, края которого превратились в клочья, а обуви не было вовсе никакой, и он стыдливо прятал босые озябшие ноги, обляпанные грязью.

Кроме букваря, у меня не было в первом классе учебников, да не все учебники были и в последующих классах. Выручало трудолюбие, страстное желание познать.

Помню, к ноябрьским праздникам сорок третьего года в школе решили поощрить отличившихся в учебе. В деревянной постройке во дворе школы соорудили дощатые столы, кухню-временку. Награждали отличившихся

просяными лепешками и просяной кашей. Мне лепешки не дали: в первой четверти была одна четверка, хотя я закончила первый класс на одни пятерки. Сохранилась частичка того далекого военного времени – мой табель успеваемости за первый класс, заполненный рукою милой, любимой Галины Ивановны, живущей и сейчас в городе Шадринске. Пусть еще долгие годы горит свет в ее окнах!

Валя Павленина (справа) со школьной подругой

Видели ли вы тетрадь ученика военных лет? Нет, скажут молодые люди. А это необыкновенные тетради, сшитые из газетной бумаги, листов, вырванных из старых книг, брошюр. На них мы писали чернилами, изготовленными из сажи, взятой из дымохода. Если сажу заварить крутым кипятком, получаются красивые чернила коричневого цвета. Но надо бережно относиться к написанному. Мой сосед по парте нечаянно толкнул мою руку, я провела ею по исписанной странице, и, о ужас, вместо ряда букв появилось грязное пятно. Закапавшие слезы довершили разрушенное.

Рядом с нами поселились эвакуированные из Ленинграда двойняшки Эмма и Герман Мирзоевы. Их мать, детский врач, Дания Владимировна, была постоянно в разъездах, и ребята жили почти всегда одни. Я любила ходить к ним в гости. Хотя они были старше меня всего двумя годами, но какая разница между нами! В них было столько недетской серьезности, взрослости, какой-то основательности и практичности. Они сами готовили еду, стирали, их школьная одежда и галстуки всегда были тщательно отглажены. Они отлично учились, много читали. Особенно привлекал мое внимание Герман. Он всегда что-нибудь мастерил, выдумывал. Сделал воздушного змея таких летательных свойств, что он, поднявшись в небо, становился едва заметным и долгое время парил, поддерживаемый воздушными потоками. Смастерил самолетик, который, жужжа, мог пролететь некоторое расстояние над двором. Правда, Герка задирал нос, важничал, но это не портило его в моих глазах. Однажды я пришла к соседям. Эмма возилась на кухне, Герман читал, лежа на кровати. На мое появление он не обратил никакого внимания. Это меня задело. Остановившись на пороге комнаты, я начала дразнилку: «Герка, Герман, зазнайка. Германец!» – неожиданно для себя выпалила я. В то же мгновение Герман вскочил с кровати с перекошенным от злобы, побледневшим лицом, подбежал ко мне и влепил хлесткую пощечину. Обливаясь слезами от боли, обиды, я выбежала из комнаты. Получить пощечину от мальчишки! Обругал бы, но ударить по лицу... Начитался всяких книжек и лепит пощечины, как оскорбленный рыцарь. Я негодовала и заливалась слезами. Только позднее я осознала, что в этом маленьком человеке задела патристическое, национальное чувство. Он пережил намного больше меня, и его чувство собственного достоинства требовало защиты.

Обида была так велика, что я решила никогда с Геркой не разговаривать. Он первый пошел на примире-

ние. Раз, когда я играла в классики за оградой, что-то мягкое попало мне в спину. Оглянулась. У ворот своего дома стоял Герман и улыбался. Мир был восстановлен.

В сорок пятом году Мирзоевы вернулись в Ленинград. Но след их не исчез. Года через три после их отъезда, читая «Пионерскую правду», я обратила внимание на рубрику «В школах Ленинграда», а ниже была помещена фотография девочки в форменном платье, сидящей за партой. Подпись гласила: «Первый экзамен сдан, на очереди – следующий». С фотографии на меня смотрело лицо Эммы! Эмма повзрослела, но черты лица не изменились. Для сверки принесла фотографию, подаренную девочкой на прощание. Сомнений не было. Принесла газету в школу. Одноклассники Эммы тоже узнали ее. Радости нашей не было границ: ведь это была «наша Эмма», ее видела вся страна, и сфотографировали ее потому, что она была отличница. Но она жила среди нас и нашла приют у нас в тяжелое для страны время.

Прошли десятилетия. Я работала преподавателем педучилища и вместе с коллегой поехала в Ленинград, где никогда не была. Ездили мы без экскурсионной путевки. Ленинградцы – радушные люди – предоставили нам отличную квартиру в центре города. Вооружившись путеводителем, мы целыми днями знакомились с архитектурными, историческими, музейными достопримечательностями одного из красивейших городов мира. Мы бродили целыми днями, но времени все равно не хватало, чтобы увидеть, восхититься, запечатлеть в памяти.

Зашли как-то подкрепиться в небольшое кафе. Мое внимание привлек молодой человек, вошедший туда и направившийся к буфету. Его лицо показалось мне знакомым. Купив пачку сигарет, он пошел к выходу, и я могла рассмотреть его хорошенько. Воистину мир тесен! Это был он, Герман! Я увидела даже шрамик над его правой бровью. От волнения я привстала, хотела ок-

ликнуть его, но не посмела, да и не успела: так быстро, стремительно он вышел. Да и нужна ли ему была эта встреча: ведь после отъезда Мирзоевы не написали никому ни строчки...

— Война — это частые похороны, пожары, нищие. Они идут и идут. Отказать стыдно, дать порой нечего. Мама на работе, я целыми днями дома одна. Пришла баба Груня — женщина, которая ходит с трудом, переваливаясь с боку на бок; убогонький Коля, еще две-три старушки. К вечеру у меня роздано все молоко и простокваша. Мама, придя с работы, ничего не обнаруживает, но ворчит несердито.

— Осень... Сеет мелкий холодный дождик. Мы, ребята, узнаем, что привезли пленных немцев на сельхозработы. Живые немцы в нашем селе! Бежим смотреть. Немцы сидят в кузове грузовой машины, нахохлившись, укрывшись от дождя зелеными плащ-палатками. Один из них встал и что-то говорил нам, ребятам, улыбаясь, показывая рукой невысоко от дна кузова машины. Должно быть, говорил, что у него тоже есть небольшие дети. Мы молчали. Не было угроз, грубых слов в адрес «завоевателей», оставивших многих ребят без отцов. Дети войны были сдержанными людьми.

— Самые тяжелые воспоминания детства связаны с отправкой солдат-новобранцев на фронт. Происходило это возле военкомата, расположенного через два здания от нашего дома. По воле судьбы мне некого было отправлять на фронт, но мы, ребята, неизменно шли туда не из-за любопытства и зрелищности, а из-за причастности к происходящему. Я, наверное, была по натуре чутким ребенком, поэтому увиденное в течение ряда лет воспринимается так остро, что эти рвущие душу и сердце сцены прощания не забылись до сих пор.

— Этот вопль отчаяния, горя, нечеловеческих страданий доходил до такого накала чувств, что терялось ощущение реальности происходящего. Это было что-то

фантазмагорическое (фантастическое, несуществующее).

...Я не помню первый день войны, зато первый день мира помню в деталях. Проснулась от какого-то шума в комнате: мама быстро ходила, одеваясь, громко говорило включенное радио. Голос Левитана гулко разносился в утренней тишине. В окно просачивался слабый рассвет. «Побегу будить людей, - торопливо говорила мама, набрасывая платок. - Еще не все знают». Я не сразу поняла со сна, что происходит. Быстро одевшись, я увязалась за матерью. Мы бежали в сыром промозгом воздухе по улице. Мать подбегала к окнам домов, стучала в них и, вытирая слезы, кричала: «Война кончилась!» Мы бежали дальше, хлопали калитки, выбегали люди, раздавались радостные вскрики, плач. Обезжав несколько домов, мы вернулись: надо было управиться со скотиной и идти на работу. Люди бежали на площадь, где всегда проходили митинги и демонстрации. Но шел дождик, и люди заходили в Дом культуры, рассаживались в зале, толпились в проходе между рядами кресел. Стоял радостный гул голосов. Участник войны, вернувшийся после ранения, крепыш Томилов С.П. во флотской тельняшке, в накинутом на плечи бушлате вместе с парнем (фамилии не помню) запели песню «Застольная», встав перед заполненным залом. В песне есть такие слова «...Все, что нам дорого, припоминается, песня звучит веселей». Предлагалось поднять задравный кубок за Родину, армию, флот. Пелись фронтовые песни, зал подпевал. Дождь кончился, и все вышли на площадь. Люди шли колоннами с предприятий. Песни, смех. Потом был митинг. Рукоплескание, возгласы, слезы... Так начинался первый день мира.

с. Кирово Мишкинского района

ВЫЖИЛ

Виктор Лаврентьевич Деев не помнит начала войны, не помнит своего отца, погибшего на фронте, матери, которая пропала без вести. Но он твердо знал, как и миллионы таких же, как он, детей, которых война сделала сиротами, - их родители отдали жизни ради того, чтобы жили они. Он знал, что должен выжить во что бы то ни стало. И он выжил.

Без роду, без племени

Дату своего рождения и даже год я точно назвать не могу. Свидетельства о рождении у меня не было до тех пор, пока не пришла пора идти в армию. Вот тогда и обнаружилось в архивах, что отец мой – Лаврентий Деев – до войны работал на почте. О матери никаких достоверных сведений не сохранилось. Знаю только по рассказам односельчан, что была она медиком, работала в больнице. И отца, и мать в первый же год войны забрали на фронт. Меня взяла к себе бабушка (мать отца), старшую сестру взяла на воспитание тетка. Была у нас еще сестра, о существовании которой мы долго ничего не знали. У бабушки своей я пробыл недолго – вскоре после начала войны на отца пришла похоронка. Видимо, не вынесла она такого удара, умерла. Так я и попал в детский дом, а было мне тогда 2 года, или около того. Сначала в деревню Сычево (станция Логовушка), потом, когда немного подрос, перевели в детский дом села Коровья. Там я жил до самой армии, тогда-то и метрику мне выписали, где обозначили, что родился я в 1938 году.

Волчата

Я себя помню примерно с 1946 года, до этого ничего конкретного, смутные образы, отрывочные воспоминания. А этот год помнится особенно, наверное, потому, что голод был страшный. Шли затяжные дожди. Посевы вымокли, хлеба не было совсем. Как только жив остался, не знаю, многие померли тогда. Помню, одной капустой питались: и пареной, и жареной, и квашеной. Животы вздуваются, все мы рахитами были. Потом рыбьим жиром нас отпаивали, чтобы хоть немного в тело вошли.

Представьте себе худых, голодных детей, одни глаза на все лицо, глаза, в которых одно желание – поесть. Казалось, мы и не человеческие дети вовсе, а волчата, которые готовы драться, кусаться за кусок хлеба. Так и было. Детский дом ведь та же колония, там нужно каждый день отвоевывать право на жизнь. Чтобы хоть один день обошелся без драки, такого не было. Не захочешь драться, все равно стравят. И обязательно, чтобы один победил, без этого никак. И девчонки дрались не хуже пацанов, боевые были. Но злобы у нас друг к другу не было: с утра подрались, а к вечеру уже в обнимочку ходили. А уж если кто из деревенских пацанов детдомовского обидит – держись, как улей пчел за своего собрата налетим, и тогда уж обидчику несдобровать.

«Темная»

Доставалось и воспитателям на орехи. Это ведь в кино только бывает, что в военное время воспитатели к сиротам все до одного хорошо относились. На самом деле – всякое бывало. Детдомовцы – народ горячий, видят, что какой-нибудь ухарь руки распускает, соберутся, кто постарше, и договорятся «темную» ему устроить. Подкараулят где-нибудь в тихом уголке, налетят

сзади, мешок на голову, чтобы не узнал, и давай мутузить, так отделают, что у него надолго охота отпадет силу свою на ребятне пробовать.

Долгая зима

Не знаю почему, но кажется, что зимы после войны были особенно лютые, может, потому, что надеть было нечего и всегда голодные были. Дрова мы сами заготавливали: где на лошаденке, где на себе из леса бревна таскали. Помню, навезут дрова во двор, свалят у корпусов, и у нас, начиная с 7-8 – летнего возраста, у каждого задание – в день напилить 10-20 полешек. Дадут тебе пилу, а она длинная, скачет, все пальцы в кровь сдерешь, пока хоть одно бревно распилешь. До слез дело доходило, а пилить-то надо, никто ведь не придет, не пожалеет. Зато годам к 10-12 все умели пилить. Корпуса у нас были большие – не протопишь. Спать мы старались по двое, по четверо – один замерзнешь. Спали на соломенном матрасе, а другим сверху укрывались. Долгими зимними ночами, прижимаясь друг к другу, мы мечтали, что найдутся наши родители, что они живы. Бывало, находились, а за мной так никто и не пришел.

Вшей, конечно, полно было, заедали они нас, а вот клопов не было, потому что холодно в корпусах, а они холод не уважают. Еще помню, в баню зимой ходить – чистое мученье. Пол ледяной, водичка тепленькая, ополоснешься ею, и еще больше замерзнешь. Зубы стучат. Охота из такой бани скорее удрать, да не тут-то было. Схватит тебя техничка и ну голову мылить. Глаза ест, голова на плечах ходуном ходит, визг на всю баню, потом за следующего принимается.

Одного мы ждали – весны, а там и лето придет. Летом детдомовцы живут! Крапивы, кислятки нарвем, в столовую несем – супчик нам какой-никакой сварганят, все-таки горяченького похлебаем. А то пойдем коноп-

лю шелушить. Нашелушил полную горсть – и в рот, жуешь, кажется, ничего вкуснее нет. Так все лето на подножном корму и жили.

Школа

Пришла пора идти в школу, а одежонки-то нет никакой. Были в деревне сердобольные женщины, отдавали нам свои нижние рубахи. Как их теперь-то зовут, комбинации, что ли? Так вот в такой комбинации я и пошел в школу. Напялил ее, а она до самых пят. Взяли мы с пацанами проволоку, закрутили ее между ног, вроде как шаровары получились. Оделись, а обуви-то нету. Так нас в этих майках босиком на телегу с соломой погрузят, как полешки, сверху одеялом накроют и везут. У школьного крыльца останоят лошаденку, мы бегом из телеги... Босыми пятками по полу стучим, в класс забежим, печку облепим и сидим, греемся. Почитай, всю зиму так, босые, и проучились. Особой тяги к знаниям мы тогда не имели, думали, незачем. Научились писать да считать маленько, и хватит. Все равно нам одна дорога была – в ФЗУ или ремесленное. Потом, правда, в колхозах лучше жизнь пошла, наши, детдомовские, стали оставаться работать.

Первые ботинки

Никогда не забуду свои первые ботинки. Как сейчас вижу их перед глазами. Было это весной, снег уже начал подтаивать, а утрами замерзал. Вот тогда-то в этих самых ботиночках я и разбил себе нос. И так мне было радостно, что это мои собственные ботинки, в них я был готов разбивать свой нос хоть каждый день. Это было и немудрено. Подошва у них была толстая, деревянная, не гнулась совсем, скользкая, как коньки.

Сшиты ботиночки были из свиной кожи самой грубой выделки, с дырочками для шнурков. В них я вдел

какие-то веревочки или тряпочки. Сначала дырочки были круглые, но очень быстро превратились в вытянутые, так как кожа не выдержала формы. Теперь я удивляюсь, как я умудрялся в них ходить, бегать, а тогда казалось, что лучше этих ботиночек и быть не может.

Передвижка

Выпустился я из детского дома где-то году в 1953-м. Тогда мне и 16-ти лет не было. Помощи, конечно, никакой. Поначалу в деревне по старушкам скитался. Жалели они нас, детдомовских. Мы им дровишек заготовим, огород вскопаем, а они кормят нас, а где и одежонку какую подкинут. Был у нас в Мишкинском военкомате в то время майор Николенко. Он детдомовских на примете держал. Вызовет в район, то на курсы учиться устроит, то на лыжах бегать, в общем, от бродяжничества всякого плохого нас отвлекал. Так и я на тракториста выучился. Стал в Коровье работать в колхозе.

В то время к нам в деревню из Мишкино передвижка приезжала, кино крутили раз в месяц, а то и реже. Для нас это был настоящий праздник. Очень я хотел кино посмотреть, да не всегда удавалось. На детский сеанс никак не попадешь, целый день ведь в поле на тракторе. Вечером принарядишься, оденешься получше, а тебя не пускают. Нет, говорят, тебе 16 лет, не положено. Обидно до слез, а что поделаешь, порядок тогда строго соблюдали.

На целину

Прослышали мы с дружкой, что на целине трактористы нужны, что заработать там можно и жизнь посытнее, и решили из колхоза сбежать. А паспортов в то время не выдавали, чтобы, значит, и соблазна не было никуда из своей деревни уезжать. Мы все-таки рискнули. Прикатили на целину, председатель тамошнего колхоза принял нас с распростертыми объятиями: трактористов и вправду не хватало. А в сельсовете документы требуют, с этим делом строго было, бдительность прежде всего. У нас из документов только приписное свидетельство, дело-то как раз перед армией было. Тут, как говорится, нас за ушко да на солнышко. Так и не удалось мне целинником стать, вернулся домой.

Семья

Отслужил я в армии, приехал обратно в Коровье. Встретил девушку, которая так по сердцу пришлась, что сразу решил – женюсь. Она к родне приехала из Ростова погостить, да так и осталась со мной. Пожили мы с ней в Коровье, а потом в Мыркай переехали и сейчас там живем. Сестер своих я тоже нашел, можно сказать, обрел семью.

Часто вспоминаю детский дом. Хочется встретиться с теми, с кем спал на соломе, бегал босиком по холодной земле, - с той семьей, в которой выжил.

Виктор Деев

**Записала Елена Горных
Мишкинский район**

ВСПОМИНАЕМ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ

*Из воспоминаний воспитанников Коровинского
детского дома*

Владимир Юрьев, село Коровье Мишкинского района

Мой отец Василий Юрьев работал заместителем директора судостроительного завода имени Ворошилова во Владивостоке. В 1937 году его расстреляли как врага народа, а мать Надежду Константиновну арестовали и отправили отбывать срок в Архангельск. Меня и еще 11 детей, оставшихся без родителей, из Владивостока привезли в Каменский дошкольный детский дом Шумихинского района, а в 1938 году перевели в Коровинский детский дом имени Н.К. Крупской. В то время в детдоме держали коров, овец, свиней, выращивали картошку, морковь, редьку, помидоры, огурцы. Готовили припасы на зиму. Кормили хорошо. Это уже потом, когда началась война, жили впроголодь.

В 1943 году почти всех детей из Владивостока увезли домой бабушки, братья и сестры. Остались мы с Люсей Кузнецовой. У Люси мать должна была освободиться в Караганде, а моя в Акмолинске. Воспитательница повезла нас к родителям, меня сдала в Акмолинске в милицию. Я из милиции сбежал, хотел вернуться в Коровинский детдом.

Поймали - определили в детприемник, а потом переводили из одного детского дома в другой. Только в 1945 году меня, наконец, доставили в Коровье. Был воспитанником, а потом рабочим, трактористом в родном детском доме. После службы в армии вернулся в Коро-

вье, здесь женился, работал в колхозе. Уезжали семьей в Челябинск, но доживать свой век вернулся в Коровье – село, ставшее мне родным домом.

Геннадий Соколов, город Жданов

Незадолго до войны меня перевели из Каслинского детского дома в Коровинский детский дом. Здесь я рос и учился, мечтал о будущем. Теперь, став взрослым, я часто вспоминаю жизнь в детском доме. Вижу мысленно родное село, где я несколько лет жил и учился с моими юными друзьями. Не забываю благодатную Таловку, где я купался в жаркие дни.

Была у нас хорошая боевая девчонка Рая Суханова. Хорошо училась и мечтала стать летчицей, как Гризодубова и Осипенко. Умерла бедная Раюша. Было жарко, а вода в Таловке очень холодная. Купаться еще не разрешали. А она прибежала к речке, скинула платье и бросилась в воду. От резкой перемены температуры у нее произошло кровоизлияние в мозг, отнялись рука и нога. И она умерла. Многие Раю любили, очень хорошая была девчонка. Потом в Коровье приезжала ее мать, но было поздно. Не надо было бросать Раю.

Что бы там ни было, а детство оставило у меня, наряду с горькими, и светлые воспоминания. Часто думаю о воспитателях и учителях, что дали мне путевку в жизнь...

Валентин Колотилев, город Полетаево Челябинской области

Я воспитывался в Коровинском детском доме с 1937 по 1945 годы. Была война, и мы помогали взрослым. Ходили в колхоз на прополку, собирали в поле колоски,

ягоды и грибы. Весной ходили в лес, рвали березовые почки, сушили и сдавали в детский дом. Каждому надо было сдать по 300 граммов. Из них делали лекарства и отправляли на фронт и по госпиталям.

Директор Коровинского детского дома П.Н.Томилов, Валентин Колотиллов и его жена.

Девчата вязали носки, варежки и отправляли на фронт. А ребята помогали тереть шерсть, некоторые и вязали, например, братья Петя и Валя Кузьмины.

Я очень благодарен директору детского дома Петру Николаевичу Томилову, всем воспитателям, которые выпустили нас во взрослую жизнь.

На фото: гости праздника были районная ВЛКСМ: Валентин Колотиллов – второй секретарь района ВЛКСМ Питаний Егоров, председатель комитета Илана Иланова, заведующая отделом районной ВЛКСМ Инна Меркулова; директор детского дома Александр Колотиллов, первый секретарь районной ВЛКСМ Иван Дорослов. Октябрь 1966 года.

Капитолина Каранакова, город Челябинск

Была война, и жилось нам в детском доме трудно. Нехватка чувствовалась во всем – в еде, одежде, обуви. Ходили по огородам, собирали оставшуюся картошку. Одежду носили бережно, сами чинили. Ездили в лес, заготавливали дрова. Однажды березой пришибло воспитательницу Евдокию Ивановну Лесик. Ее увезли в больницу в Мишкино. Это была моя любимая воспитательница, которую я никогда не забуду. Она учила нас прясть и вязать. Мы делали так: ребята кололи для нас дрова, а мы вязали им варежки и носки.

То, чему я научилась в детском доме, очень пригодилось в самостоятельной жизни. Я работала на швейной фабрике, сама себе вязала кофты, шапочки, шила платья.

Зарисовки Капитолины Каранаковой, ученица Подольской ЦДТБ Челябинска

Я воспитывалась в Корсовском детском доме с 1937 по 1945 годы. Была война, и мы помогали взрослым. Хлеб и картофель получали, собирали в поле колоски.

ПАМЯТНОЕ СОБЫТИЕ

Коровинский детский дом Мишкинского района действовал до 1969 года. В нем прошли школу воспитания сотни детей, оставшихся без родительской ласки.

Это заседание бюро Мишкинского райкома ВЛКСМ было особенным. Волновались все – и работники райкома комсомола, и учителя Коровинской средней школы, и директор Коровинского детского дома Александр Иванович Копытов. Волновались потому, что в числе принятых в ряды ВЛКСМ было восемнадцать воспитанников детского дома.

На снимке: после заседания бюро райкома ВЛКСМ. Во втором ряду – второй секретарь райкома ВЛКСМ Виталий Есетов, преподаватель школы Ирина Иванова, заведующая отделом райкома ВЛКСМ Инна Меркурьева, директор детского дома Александр Копытов, первый секретарь райкома ВЛКСМ Иван Дроздов. Октябрь 1968 года.

ОТВЕЧАЮТ ДЕЛОМ

Воспитанники Мишкинского детского дома полны страстным желанием помочь нашей героической Красной Армии разгромить фашистское гнездо. Сейчас они активно и дружно работают на прополке посевов в колхозе имени Правды. Разбившись на бригады, они дают хорошие показатели в работе. От сорняков очистили посевов уже больше 27 гектаров. Особенно хорошо работает бригада воспитанницы Бухваловой. Нормы она систематически перевыполняет. Это - суровый ответ на вылазку врага.

Т.Тархова.

«Красный уралец», 09.07.1941 г.

ПОДВИГ ПИОНЕРОВ

На участке водоохраной зоны, в двух километрах от Маслей, возник пожар. Огонь угрожал колхозному фруктовому саду и полевому стану.

Пожар первыми заметили пионеры и комсомольцы детского дома. Под руководством пионервожатой Елизаветы Ереминой они стали быстро тушить огонь. Скоро пожар был ликвидирован. Сад, полевой стан и большой массив леса были спасены.

Лесник Башмаков.

«Красный уралец», 12.05.1950 г.

Р.п. Мишкино

ТЫ НЕ СИРОТА, МАЛЫШ!

О благородном почине женщин «Красного богатыря»

В больнице лежит маленькая девочка Зоя. Глаза ее полны недетского ужаса. Руки и ноги обморожены. Трепещет, шепчет что-то и все оглядывается назад, словно за ней гонятся.

С этой девочкой случилось страшное. Ворвалась немецкая свора в Спас-Помазкино, стала жечь дома, стрелять. Мать Зои подняла ребят в чем они были и побежала прочь из деревни. Она прижала к сердцу грудного ребенка, а трехлетнего тащила за руку. Шестилетний мальчик и дочка бежали рядом. Немцы прицелились. Убили мать. Она упала в снег, выронив ребенка. Зоя схватила грудного на руки. Шестилетний и трехлетний уцепились за ее юбочку. А ей самой-то десятый год!

Так и побежали втроем...

Изверги прицелились еще раз. Пристрелили шестилетнего. Упал, обливаясь кровью. Во весь дух мчалась девочка с младенцем. За ней, громко плача, спотыкаясь, падая в снег и снова поднимаясь, семенил трехлетний малыш. Фашистская пуля скосила и трехлетнего. Раскинул ручонки, забился на снегу. Девочка все бежала, бежала вперед, не помня себя от страха. Грудной ребенок замерз и перестал дышать. Прижимая к себе трупик младенца, девочка мчалась вперед. Ветер сорвал платок с ее головы, снегом замело светлую головку.

Товарищи, это непереносимо страшно... Но сколько осталось вот таких ребят, как Зоя, без отца, без матери, без родного крова. Круглые сироты. Будь ты триж-

ды твердый, умеющий владеть собой человек, - зарыдаешь навзрыд, глядя на такую вот девочку, которая зовет в бреду: «Мама! Мама!» и все передвигает забинтованными ножками, - все бежит, бежит...

Невольно представляешь себе своего ребенка – сына, дочку на месте этой Зои, и сердце холодеет.

Вот так похолодело сердце московской галошницы Елены Семеновны Овчинниковой. Выпрямившись во весь рост, побледнела, протянула вперед руки:

- Товарищи! Прошу слова... Товарищи, прошу слова, как мать.

Это было в цехе №3 на московском заводе «Красный богатырь». Шел в обеденный перерыв митинг. Говорили о фашистских зверствах. Говорили о сиротах. Думали сообща, как помочь людям, пострадавшим от немцев.

- Женщины, матери, все это так, все это хорошо, - говорила Овчинникова. – сундуки пересмотрим, найдутся и рубашечки, и платья. Принесем. Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу. Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!

Работницы плакали.

- Товарищи, - поднялась еще одна мать, - и я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать зарубили. А если отец на фронте. Ну, что ж, выхожу, сберегу – вернется из армии, скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла.

Работницы Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Садритдинова, Идельчук стали горячо хлопотать, чтобы им государство доверило усыновить и удочерить сирот. Потолковали с ними, обследовали их бытовые условия, здоровье и разрешили.

Женщины поехали за ребятишками. День этот никогда не забудется. Дети постарше сгрудились вокруг жен-

щин, смотрели на них исподлобья – большими, печальными глазами, в которых застыло горе. Эти все понимали. У многих из них немцы убили матерей на глазах. Малыши, двухлетние, трехлетние крошки бросились к женщинам, стали ласкаться, как к родным матерям. Иные, совсем несмышлениши, протягивали ручонки и лепетали: «Мама! Мама!»

Работницы глотали слезы. Все произошло быстро и как-то само собой. Голубоглазая трехлетка Вера доверчиво потянулась к Софье Афанасьевне Шаровой.

- На ручки, - сказала она.

Шарова подняла девчушку, прижала к груди.

- Доченька, - сказала она, волнуясь, - пойдем домой.

Доченька моя!

Вера обхватила ручонками шею Софьи Афанасьевны. И, не отрывая мокрого от слез лица от горячих щек ребенка, пожилая женщина объявила всем:

- Моя...

Трутнева взяла семилетнюю Светлану, Цибульская – восьмилетнюю Дусю, Идельчук – трехлетнюю Галку, Овчинникова – Надю, у которой немцы убили отца и мать...

Замешкались около Садритдиновой. Татарка Садритдинова сидела возле кровати мальчика, который очень ослаб и поэтому не мог ходить. Садритдинова гладила его волосенки, а сама тем временем присматривалась к детям, кого взять. У нее двое своих дочерей.

Пора было решать. Садритдинова поднялась.

- Ма-ама! – затрепетал вдруг болезненный мальчик, которого она приласкала, - мама, не уходи. Куда ты? – Он схватил ее руку, прижал к лицу. Прекрасные синие глаза ребенка были полны слез.

- Садритдинова, - шептали ей работницы, - он хилый, больной. Подумай, не тяжело ли тебе будет?

- Жалко мне. Беру больного! – решительно тряхнула головой Садритдинова. – Вылечу, выхожу, человек будет.

Незабываемые минуты пережили работницы «Красного богатыря», увозя ребятишек. Другие малыши цеплялись за их руки, обнимали их колени.

- С тобой... - лепетали они.

Кто-то из ребят постарше подошел и тихо, стыдливо сказал:

- Возьми меня. У меня мамку и папку германцы в землю закопали. Я – один...

- Мы укутали своих ребят, - со слезами вспоминают матери, - и скорей ушли. Но до сих пор у нас в ушах этот детский плач: «Возьми меня...».

«Красный богатырь» приготовил сердечную встречу детям, которые нашли семью. В просторной квартире работницы Матрены Ивановны Ивановой был приготовлен ужин. Детям подарили игрушки, мандарины, ласкали их. И ни о чем не спрашивали. Потом матери повели ребят к себе. Дети Овчинниковой встретили крошечную колхозницу Надюшку, как родную сестру. Старшие девочки уже нагрели воду, чтобы ее выкупать. Младшие выложили все свои игрушки...

Недавно мы были на квартире у Шаровой. Верочка – чистенькая, свежая, в теплой красной кофточке, во всем домашнем, уютном – отдыхала после обеда на диване. Возле нее сидели совершенно счастливые Софья Афанасьевна и Павел Ильич. Верочка тоненьким голоском пела.

- В первый раз! В первый раз запела, - радостно объявила Софья Афанасьевна.

Первые дни ребенок был тих и неподвижен. Ей подарили куклу – она на нее не смотрела. Ей подарили цветного гнома, она сказала: «немец» и затряслась. Стали говорить о валеночках, которые надо ей купить. Она прошептала:

- Валенки в песке закопаны, а то немцы возьмут!

Светлану мы застали с бабушкой, Татьяна Васильевна Трутнева была на работе. Светлана и бабушка сидели у печки. Светлане – восьмой год. Задумчивое личико, все еще грустные и растерянные глаза. Сидит, как зайчонок. Она из Солнечногорска. Много видела ужасов. Иногда возьмет в руки куклу, одернет платице на ней и снова задумается. Зажужжал самолет. Светлана затрепетала, съежилась:

- Германы! Бабушка, германы!

- Нет, милая, нет, внученька, это наши летают, - воркующим голосом успокаивает бабушка, - да что же ты дрожишь-то так, лапушка? Не озябла ли ты? Дай-ка я тебя укрою.

У Светланы снова теплеют глаза, улыбаются губы. Хорошо это, чудесно это – ребенок нашел семью, ласку.

Смотрю на Светлану и думаю обо всех ребятах, потерявших в эти месяцы войны с бешеной фашистско-немецкой сворой отцов и матерей.

Нет, не сироты вы, родные! Советский народ отомстит за гибель ваших отцов и матерей. Советский народ не оставит тебя, малыш, у которого проклятые немцы украли мать, родной дом, радость, все. Одни из вас будут жить в детских домах, других возьмут колхозы на патронирование, третьих удочерят, усыновят, приглубят советские матери. Но где бы вы ни жили, вы будете под теплым крылом Родины.

Не дадим тебя в обиду, малыш! Уйдет страх из твоих глаз, высохнут слезы, будешь здороветь, крепнуть, вырастет из тебя светлый советский человек.

Честь и слава работницам «Красного богатыря»! Большое сердце у советской женщины.

Елена Кононенко
«Красный уралец», 15 февраля 1942 г.

ЗАБОТА О ДЕТЯХ, ПОТЕРЯВШИХ РОДИТЕЛЕЙ

После доклада на торжественном заседании, посвященном Международному празднику – дню 8 Марта, я зачитала статью, помещенную в газете «Красный уралец» от 15 февраля 1942 года, «Ты не сирота, малыш!»

Лютой ненавистью наполнились сердца колхозников к извергам фашистам – мучителям детей и женщин временно оккупированных советских районов.

Председатель колхоза т. Ермончик А.М. сказал: «Я беру на воспитание ребенка, мать и отец которого погибли в боях за Родину. Это должны сделать многие из нас. Пусть знают фашистские гады, что детей-сирот мы вырастим, как родных, воспитаем их мужественными советскими людьми, какими были их родители».

М. Лисицина,
секретарь партийной организации.
«Красный уралец», 18.03.1942 г.

ВОСПИТАЕМ ГРАЖДАНИНА

Читая в газетах о том, что трудящиеся Советского Союза берут на воспитание детей, потерявших кров и родителей, я не мог остаться в стороне.

Мы с женой взяли на воспитание мальчика 2-х лет Славу Антонюк. Первые дни он чувствовал себя не совсем здоровым, но сразу же привязался к нам. Окруженный заботой и лаской, Слава уже ознакомился с обстановкой, привык и чувствует себя, как в родной семье. Мы воспитываем Славу мужественным советским гражданином.

Д.Д. Алферов,
слесарь Мишкинской МТМ.
«Красный уралец», 11.03.1942 г.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

Моя мама много лет пасла колхозных овец в селе Коровье Мишкинского района. Я часто ее заменял. В этот июньский день я был в поле. Когда пригнал овец и пришел домой, то увидел: отец и мать были взволнованы. Я понял: началась война.

Отца взяли в армию осенью сорок первого. В семье осталось семь человек, из мужчин – я старший.

В школу я, конечно, не пошел, стал работать молоко-сборщиком.

Когда проводили отца, в тракторной бригаде остались одни женщины. Колхоз направил меня на курсы трактористов в село Коровье. Весной 1943 года после ремонта я погнал свой трактор ХТЗ в свой колхоз имени Сталина. С какой же радостью и гордостью я ехал домой!

Начались полевые работы. Сажу на тракторе, руль – наравне с головой, а педаль остановки трактора я ногой достать не могу. Часто заезжал в лес. Приеду на стан к бригадиру со слезами, а он говорит:

- Опять, твою мать, в лес заехал.

- Да, - отвечаю.

А бригадир был хороший, Степан Николаевич Дудин. Когда пришла уборочная пора, он доверил мне таскать комбайн. Закончили уборку, стали пахать зябь. А по району было задание на вспашке на быках, лошадях, тракторах.

И вот радость: я выполнил норму вспашки и стал призером в своем колхозе. В конце октября меня пригласили на комсомольско-молодежное собрание в районный центр Мишкино, где дали премию – поросенка на восемь килограммов. Это была моя первая победа.

Михаил Васильев.

г. Щучье

Галина
Большакова

ПУТЬ ИЗ ФАШИСТСКОГО АДА

В нашем доме на стене висела большая тарелка. Мне попадало, когда я старалась достать ее, чтобы увидеть говорившего дядю. И вот однажды дядя сказал: «Без объявления войны фашисты напали на нашу Родину». Мне стало страшно, я отскочила и заплакала. Папа и мама обнимали нас с сестрой. Дяди, тети – все куда-то спешили, с сумками. Родители наши плакали, посылали проклятия тем, кто развязал войну. Потом они стали куда-то надолго уходить, а я оставалась со старшей сестрой. Они приходили, когда мы спали, и снова уходили. Они, можно сказать, прописались на заводе, домой приходили умыться, переодеться и оставить нам хлебушек, который им выдавали на заводе.

Немцы подходили к городу, бомбили. Родители, уходя на работу, стали нас закрывать. Мы ждали, глядя в окно, когда они вернутся, в слезах засыпали.

Однажды, когда не летал самолет, мама пожалела старшую дочь Тому и разрешила ей погулять во дворе.

Я ждала, ждала сестру и пошла ее искать. У тети Кати ее не было, и я пошла, куда глаза глядят. Очень хотелось кушать. Шла, шла и в одном дворе увидела много детей. Они сидели за большим столом и ели кашу.

«Сейчас все съедят», - подумала я и бросилась к ним. Схватила у сидящего с краю мальчика кашу – и

руками в рот. Он заплакал, а я ему руки показываю: нет у меня каши. И мы оба расплакались. Тут подошла тетя в белом халате, косынке с красным крестом и принесла нам каши. Я поела и тут же, за столом, уснула. Меня куда-то унесли.

Пришли домой родители. Старшая дочь все еще играла на улице.

- Где Галя? – спросила мама.

- Дома, - ответила она и продолжала играть.

- Где она, где? – кричала мама.

Побежали они с Томой вдоль улицы, спрашивая всех, не видели ли девочку в синем платьице. Никто не видел. Одна женщина показала в сторону редакции. Там, говорит, девочка стояла у ворот и наблюдала, как дети кушают. Мама вспомнила, что там собирают голодных и беспризорных для отправки в тыл, и – бегом туда. Вернули ей меня.

Подступали осень, холода. Есть стало нечего. Родители ночами куда-то исчезали. Оказывается, под обстрелом копали в поле картошку. Приедут домой – и в печку. А нам так хотелось есть, мы плакали, хватали мерзлую, сырую картошку и в рот заталкивали, давясь, чтобы не отобрали. Нам не давали, устрашали ремнем, что висел у печи.

Скоро есть стало совсем нечего. У меня опухли ноги. Я больше лежала. Взрослые домой почти не приходили. Вышла из дома, увидела, как тети в таких же плюшевых жакетках, как у мамы, куда-то бегут. Бежали в сторону дома, туда, где кричал паровоз, где горели дома, деревья. Мне страшно, я бегу вместе со всеми, зову маму. Ноги не слушаются. Какая-то тетя подхватывает меня, то берет на руки, то вновь отпускает. Я падаю, кричу: «Ножки болят», теряю сознание.

Тетя берет меня на руки, бьет по щекам, а сама бежит. Я очнулась и закричала. На вокзале тетя оставила меня в вагоне, а сама исчезла. Здесь было много де-

тей. Нас покормили, уложили спать на каких-то вещах. Меня укачало.

Сквозь сон услышала крики:

- Скорей же, скорей, там дети...

Увидела огонь, дым. Тети и дяди хватали нас из огня, куда-то кидали. Мы падали, ушибались, задыхались от дыма. А самолеты отлетали и снова возвращались, бомбили, пока не убедились, что поезд никуда не уйдет.

Нас, малышей, уносили в сторону от железной дороги, укладывали в траву. Обезумевшие от страха и гари, боли и ужаса, мы уже не плакали, а только стонали.

Откуда-то привели быков, коров, рубили березки, делали какие-то повозки, называли бричками. Посадили нас в повозки, и вереница тронулась к лесу. Вдруг нас оглушил звук самолета, быки остановились и – ни с места. Самолет опустился так низко, что мы увидели глаза немецкого летчика. Он начал стрелять по веренице. Мы с испугом закричали:

- Мама, папа...

А немец скрылся и тут же вернулся. Яркая вспышка, черная туча, на месте средних повозок с детьми – огромная яма. И мы в куче земли, задыхаемся. Откуда-то появились дяди и стали разгребать нас из земли. Запах гари и дыма, мы плачем, кашляем, не можем дышать. Многие дети задохнулись.

Летчик вернулся и направил свой самолет на вереницу, стал над ней летать, высунувшись, что-то кричать, потом снова начал стрелять. И вдруг самолет задымился и упал неподалеку. От взрыва быки словно проснулись, ринулись к лесу, теряя детей. Остановились, когда повозка зацепилась колесом за дерево. А те, что стояли перед воронками, мычали и облизывали выпавших после взрыва детей. После слов тети «Цоб-цобе» быки и коровы медленно, обходя воронки, застревая в рыхлой земле, шли к лесу – месту спасения.

Долго стояли в лесу. Тети в косынках с крестами куда-то ходили, принося еду, кормили, успокаивали нас. Подбирали погибших и хоронили у леса.

В глазах до сих пор быки, косынки с красными крестами, воронки, горы земли, гарь, огонь, плач голодных, измученных детей.

А потом был долгий, изнурительный путь. Мы спали, видать, от слабости, просыпались и глядели вверх. А быки все шли, шли, щипая траву на ходу, казалось, не будет конца пути. Везли нас лесами, болотами. Иногда ночами выезжали на дорогу, натыкались на немцев и прятались в лесу. Ели траву, цветочки, кору. Тети с красными крестами на лбу и на груди, глядя на нас, обожженных, униженных, умиравших от голода и ран, испуганных, просивших есть детей, плакали вместе с нами. Они не бросили, не предали нас, довезли, пусть не всех, но довезли до места.

Долго ехали поездом. Из вагонов выносили дяди в военной форме. Мне так не хотелось уходить с рук дяди военного. Он все гладил, целовал меня, угощал сахаром, а при сдаче детей наказ оставил:

- Берегите эту девочку, вернусь живым – заберу ее.

Я все ждала его, но не сбылась мечта, видимо, пал на полях сражений.

Потом везли на санях, укутав с головой в большие шубы - шушуны. Нам тепло и не страшно. Тепло нас усыпляет. Сквозь сон услышала голос дяди:

- Ну, наконец-то приехали.

Нас стали заносить в какой-то дом, укладывая на пол. Мы плакали, кричали, звали маму. Сон все-таки одолел, хотя и во сне плакали, маму искали. Утром проснулись и увидели, как детей куда-то уносят.

Началась наша жизнь в детских домах Курганской области – Становом, Ключиках.

В памяти остались голодные дни, обиды и, конечно, доброта людская. Старшие дразнили нас, истощенных, безродных, обзывали подкидышами, неживой природой.

В столовой давали кашу, рыбный суп. Мы ели суп, обжигаясь, чтобы старшие дети не забрали.

Дима Кобакорев

Брали меня в семью, под видом удочерить. Но это был только повод. У них было три сына, и им нужна была нянька, помощница. Заставляли что-то долго-долго крутить, чтобы масло вышло, посуду мыть, убирать, за детьми смотреть. Кормили не за столом, играть не давали. На столе стояла кукла, так ее давали подержать только при чужих людях.

Однажды дети играли красивыми яйцами (видимо, была пасха), а мне не давали. Я выхватила яйцо и съела. Меня отхлестали, а дома наказали.

Когда дома никого не было, я убежала в детский дом. Детей не было, видимо, уходили в лес на прогулку. Я легла на свою кровать. Хозяева пришли за мной. Тетя – драчунья с куклой стояла внизу, звала меня. Я увидела ее и как закричу:

- Не пойду, там меня бьют, кушать не дают!

Не соблазнила куклой, осталась я у ласковых нянь и воспитателей. Спасибо им, родным, заменившим нам матерей, за душевную отзывчивость.

В детском доме Ключики я окончательно оттаяла. Очень любила воспитательницу Алевтину Алексеевну Ильиных. Ее все очень любили. Всю душу она отдала, все, что можно. Пишу, а душа замирает от избытка чувств. Алевтина Алексеевна тряслась над нами, как курица над цыплятами. Дарила нам ласку и любовь. А какие походы она совершала с нами, помогая понять и полюбить край, в котором мы жили.

Я мечтала стать учителем, воспитателем или врачом, чтобы облегчить жизнь детей. Но не получилось. Последствия войны, сильные головные боли сопровождают меня всю жизнь. Но есть добрые люди, которые помогали и помогают мне жить. Благодаря их поддержке я держусь на плаву, участвую в пионерской работе, являюсь членом общества «Ленин и Отечество», стараюсь быть полезной людям и обществу.

г. Курган

В КУРТАМЫШЕ ЕСТЬ ЧАСТИЧКА ПИСКАРЕВСКОГО КЛАДБИЩА

1941 год. Я закончила 4 класса Хмелевской школы. Вместе с одноклассниками понесла документы в среднюю школу. Когда возвращались, увидела в своей ограде много людей. Они слушали радио, так как именно у нас была большая черная тарелка. Услышала слова: «Враг будет разбит. Победа будет за нами». Начался плач.

Немцы продвигались стремительно. Враг напал вероломно. Помню, когда фашисты находились недалеко от Москвы, Клавдия Григорьевна Таскаева (Руголь) отпустила нас домой. Потом наши войска отогнали фашистов от столицы. Мы стали учиться.

А потом опять тревожные сводки. Сталинград, другие города. Остались воспоминания, связанные с блокадой Ленинграда. Во-первых, мой отец ушел на фронт добровольцем и погиб, защищая этот город. Борис Павлович Рычков писал о нем: «Он победил, но Победу не встретил». Во-вторых, к нам в Куртамыш привезли эвакуированных из Москвы, Тулы, Ленинграда. Был детский дом. Многие семьи местных жителей обогрели их (удивительно, как чутко и бережно относились друг к другу).

В нашем классе учились из эвакуированных Витя Котлинский, братья Никитины, Миля Цапко, Алла Гробз, Толя Мальпензон, Соня Воронцова. Многие учились в педучилище. Жили дружно, делясь всем.

Многие дети приехали из блокадного Ленинграда больными. Умерли Алла Гробз, Володя Воронцов. Похоронены они на старом куртамышском кладбище. Здесь же покоятся многие фронтовики, знаменитые люди, такие, как Яков Сергеевич Талызин.

Дина Кобякова

В ПАМЯТИ ХРАНЮ

Самые яркие воспоминания у меня, как ни странно, связаны с войной. Помню, как взрослые дети работали на полях и фермах. Мужчин в деревне Кондаковка, где наша семья жила, не было, не считая стариков.

Всю работу выполняли женщины и подростки. Лошадей не хватало, впрягали коров, быков. Дети пололи поля, собирали колоски, ухаживали за телятами. Хлеб отправляли на фронт, а сами ели, что придется. Мука была на вес золота. Мололи зерно вручную на жерновах. Не помню даже, чтобы хлеб из одной муки стряпали. Обычно замешивали траву с горсткой муки. Спасали в войну картошка и подсобное хозяйство.

Успевали мы еще вязать варежки, носки, шить кисеты, делать рисунки, писать письма. До сих пор помню, как отправляли посылки на фронт.

А разве забудутся встречи с эвакуированными из Москвы и Ленинграда, Тулы и других городов. Среди них был артист кино Гунн. Его не взяли на фронт, так как он по национальности немец. Снимался он в фильме «Мы из Кронштадта». Умер от водянки и истощения. А вот где похоронен в Куртамыше – неизвестно. Светлая ему память. Был он очень культурным и интеллигентным человеком.

Еще запомнила, как закончилась война. Я училась в Закомалдино, в шестом классе. Нас отпустили с уроков на митинг. Люди радовались и плакали. По рассказам знаю, что в одной семье погибли четверо сыновей. Представьте, каково было их родителям, близким людям. Склоняю голову перед защитниками нашей Родины. Желаю здоровья живым.

Фаина Уфимцева.
г. Куртамыш

СТОЯЛИ ГОРОЙ ДРУГ ЗА ДРУГА

Детские годы мои прошли в селе Пепелино Куртамышского района. Там в годы войны был детский дом, затем его превратили в трахомотозную больницу для детей-сирот. Там их не очень-то лечили – время было тяжелое, говорю это с полной ответственностью, потому что среди друзей есть и такие ребята. Один из них, Михаил Родионов, живет в Кургане, где-то Володя Зеленин, разъехались-разлетелись дети, ставшие сиротами из-за фашистов.

С Алексеем Мацуковым мы встретились на строительстве Набережных Челнов, узнали друг друга, вспомнили, плакали. Горечь воспоминаний до последних дней будет камнем лежать в наших сердцах. Алеша был сыном репрессированных родителей, отца обвинили в одном из заговоров и расстреляли, мать умерла в лагере, с сестрой разлучили, отправив в разные детские дома.

Но сестра его сумела окончить Куртамышский сельхозтехникум, была направлена в город Троицк Челябинской области, работала агрономом. Искала и нашла брата. Нашла, но радости это принесло мало, к тому времени он прошел несколько тюрем и колоний. Сумел все-таки порвать со своим прошлым, получил профессию электросварщика, строил КАМАЗ.

Начали разыскивать концы в судьбе родителей и узнали, что они реабилитированы, но как все было поздно – украдено детство, искалечена жизнь...

Не раз бывал в его семье, вместе ездили к сестре в Троицк. И вспоминали.

Как сейчас в памяти первая встреча на берегу пруда рядом с Пепелинским детским домом.

- Здорово. Куда идешь?

- В школу.

- Пожрать что-нибудь есть?

- Откуда, дома хоть шаром покати.

- А у меня жмых, на санях везли, а мы сперли. На, ешь. Давай дружить, меня Лехой зовут, по фамилии Мацуков. Может твой отец возьмет меня в сыновья? Я сын врага народа, и относятся к нам соответственно.

На мою просьбу отец ответил: «Вас-то хоть бы прокормить».

Вечером к нам пришел Леша, Алексей Романович.

- Возьмите. Любую работу буду делать и вас слушаться.

- Извини, дорогой, не могу, - ответил отец.

Алеша, по-моему, не обиделся, он все видел и все понимал, и наши отношения несколько не изменились.

Потом нас жизнь развела в разные стороны, пока не случайная встреча на стройке.

До конца жизни Алексея Романовича Мацукова мы были верны своей детской дружбе и уже седые, взрослые мужчины стояли друг за друга горой.

Федор Головин
Республика Татарстан

ЖИЗНЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Схоронив жену, выдав младшую дочь замуж, Валерий Семенович Прошкин остался в доме один. Потихоньку ведет хозяйство, встречается детей и внуков. Жизнь его стала размеренной и более спокойной. Одолевают только думы о прожитом, об утерянных родственных связях, о своих корнях.

Судьба играла с Валерием Семеновичем, как кошка с мышкой. Он рано остался без родителей, поэтому его детские воспоминания очень зыбки и основываются больше на рассказах старших сестры и брата. Это и понятно, ведь его вместе с Зиной и Ромой увезли от родителей двухлетним. Отца и мать признали врагами народа и отправили по этапу, детей – в детдом. Там, убаюкивая плачущего малыша, Зина рассказывала об их доме, большом и красивом, о синем-синем море, об отцовском рыбацком баркасе, о бочках с соленой, вяленой, копченой рыбой. Благодаря ее рассказам в детской памяти запечатлелись образы родителей: работающего отца и домовитой матери. Вот это все, что осталось от родных людей, да еще фамилия – Прошкин.

Когда немцы подступили к Ленинграду, детские дома спешно эвакуировали, погрузив в товарный эшелон. Воспитатели успокаивали перепуганных ребятишек, тем, кто постарше, объясняли, что едут за Урал. Конечно, малыши не понимали всех трудностей пути, это уже потом Зина и Рома, другие дети рассказывали, как эшелон попадал под бомбежку, как в пути хоронили умерших детдомовцев.

Когда за Урал перевалили, детдом начали постепенно расформировывать: оставили старших, больных. Самых маленьких повезли дальше. Из Кургана человек

сорок отправили в Нюхаловский детдом Варгашинского района (теперь деревня Заозерная). Сумки, продовольствие везли на подводах, туда же подсаживали обессилевших ребятишек. И на этом пути оставили за собой несколько могильных холмиков.

В детдоме деревни Урал прошел последний отсев, где оставили старших, а малыши с бирками на шее двинулись дальше – в Нюхалово, где и осели.

В далеком тылу ощущались трудности военного времени. Детям долго не давали теплую одежду, кормили скромно. Сердобольные деревенские женщины то кусок хлеба дадут, то кринку молока. Заваривали чай из смородинового листа и лесных ягод – их собирали всем детдомом. Сладости видели только по праздникам.

Детдом держался по сути за счет колхозов – те выделяли хлеб, мясо, молоко. С деревенскими ребятишками жили дружно, тем ведь тоже лиха хватало. Вот они и жалели детдомовцев.

Валерий Семенович после семилетки окончил школу механизаторов, там в последний раз встретил старшего брата Романа, а потом потерял его след. Не знает, где Зина. У самой жизнь по-разному поворачивала. Работал трактористом в леспромхозе, их деляна была рядом с деревней Новый путь. Там и жену себе приглядел. Родители Шуры не хотели отдавать дочь за бесштанного Валерку Прошкина, у которого ни кола, ни двора. Убегом увез в кошелке Шуру, и зажили семьей. Начинали с нуля. Им дали дом, купили телку. А потом обросли хозяйством.

Шестеро детей живут своими семьями, все при деле. Сейчас Валерию Семеновичу все чаще приходит в голову мысль: вот если бы найти Зину и Романа. Где они, как сложилась их жизнь? У детей Валерия Семеновича тоже есть желание поискать брата и сестру отца. Может быть, через долгие годы они смогут встретиться.

Лидия Володина

ОТНОСИЛИСЬ С ПОНИМАНИЕМ

Родился я в городе Торжке Калининской (ныне Тверской) области в 1932 году. Мой отец, Поляков Моисей Михайлович, по профессии рабочий кожевенного производства, в то время был на советской работе. В 1933 году его направили работать председателем сельского Совета в село Поведь Новоторжского района. Там и протекало довоенное детство, мое и моей старшей сестры Маши. Наша мама работала медицинской сестрой в сельской больнице. Сельский совет объединял несколько деревень и в одной из них – Осташкове по инициативе и при содействии моего отца была построена школа. Он по этому вопросу даже писал письмо Михаилу Ивановичу Калинин, председателю Президиума Верховного Совета СССР. А к началу войны у отца развился туберкулез легких (профессиональное заболевание кожевников), и он стал инвалидом, не мог работать.

Начало войны я помню очень хорошо. Мне было 9 лет, и я уже перешел во второй класс. Тогда своим детским умишком мы не могли осознать, какие бедствия и лишения принесет нам война. Нам казалось страшным, что мужчины такие хмурые, а женщины все время плачут. Но вскоре, ближе к осени 1941 года, до нас стали доноситься отдаленные звуки бомбежек. Приезжавшие из Торжка люди говорили, что город часто бомбят фашистские самолеты, и что немцы близко подходят к Москве и Калинин. Как раз в это время (август 1941 года) начал готовиться к эвакуации завод противопожарного оборудования. Моего отца пригласили в райком партии и предложили эвакуироваться вместе с заводом и даже взять с собой домашние вещи, но отец категорически отказался. Завод был эвакуирован и с сентября 1941

года обосновался на станции Варгаши. А в октябре 1941 года вышло какое-то постановление, обязывающее коммунистов, советский и партийный актив (из тех, кто по болезни не мог держать оружие) эвакуироваться в обязательном порядке из районов, где существовала угроза оккупации фашистами. А отказ уже расценивался как измена. Вот тогда-то пришлось подчиниться.

Нам дали машину до ближайшей железнодорожной станции. С собой можно было взять только ручную кладь. Обстановка была очень тревожная, ходили слухи, что немцы постоянно высаживают десанты в тылу. В лесах слышалась стрельба. В этот же период было большое перемещение войск, ведь близко была Москва. С нами на этой полуторке ехали еще две семьи: первого секретаря райкома партии Сафронова и товарища отца Хавкина, причем сам Яков Хавкин и сопровождал нас до конца, а затем ушел на фронт.

Была страшная грязь, машина на каждом шагу застревала, и ее помогали вытаскивать солдаты. Несколько раз попадали под бомбежки. Были и раненые, и убитые. Погиб маленький ребенок Сафроновых. Так мы добрались до города Ярославля, где были поданы эшелоны для людей. И путь наш длился два с половиной месяца.

Потом уже, став взрослым, я оценил уровень руководства этим процессом эвакуации. Огромное скопление людей, техники, военных эшелонов направлялось и управлялось железной рукой. На всех больших станциях были организованы пункты санобработки, душевые, одежда прожаривалась. На пунктах питания детей кормили бесплатно. Ну и на местах прибытия: работа, жилье, школы – все было организовано.

У нас было направление куда-то дальше, но, узнав, что завод противопожарного оборудования в Варгашах, а его директор был знакомым отца, – он решил дальше никуда не ехать. Так мы в декабре 1941 года оказались

в Варгашах. Сначала мы немного жили в деревне Варгаши, я успел поучиться во втором классе. Помню, что учительницу звали Вера Давыдовна. На квартире мы жили в семье Епанчинцевых, которые делились с нами и без того скудным питанием. И большинство людей относились к эвакуированным с милостью и пониманием.

Зимой 1942 года мою маму пригласили в райздравотдел и предложили работу медицинского работника в Дубровском детском доме, который был эвакуирован со станции Удельная Московской области. Так мы оказались в селе Дубровное, где прожили до 1947 года.

Детский дом располагался в старом двухэтажном доме (сейчас его уже нет). Дом этот находился между двух улиц села. Что было там раньше, я не знаю. На первом этаже были кухня, столовая, подсобные помещения, на втором – спальни для мальчиков и девочек. Дети были школьного возраста. Учителя и воспитатели были и эвакуированные вместе с детдомом, и местные. Сначала мое знакомство с ребятами было не очень дружественным. Они настороженно относились к новеньким, особенно к детям «воспитак», как они говорили. Потом стало все в порядке.

Директором детдома был Петр Алексеевич Кирюшин. Я не знаю, какое у него было образование, но мне он сразу не понравился, казался сердитым и грубым. Дети обслуживающего персонала тесно общались с воспитанниками детдома, часто бывали у них, да и учились вместе, поэтому весь быт детского дома был у нас на глазах.

Вопрос о жилье для эвакуированных семей решался тогда просто: сельсовет подбирал подходящие семьи и подселял семьи эвакуированных. Разумеется, это не вызывало восторга у квартирных хозяев, но большинство все же относилось с пониманием. Прожив какой-то срок у одних, переходили к другим. Я до сих пор с

благодарностью вспоминаю тех, у кого пришлось жить во время войны: Матрену Тимофеевну, Дарью Григорьевну и других.

Мама моя, Софья Моисеевна, сразу с головой ушла в работу. Она строго следила за чистотой. Дети ежедневно мылись в бане, меняли не только белье, но и верхнюю одежду. Постоянно шли проверки на завшивленность, другие санитарные мероприятия. И надо сказать, что серьезных заболеваний среди детей не было. Ребята в детдоме были разные. Были и хулиганистые, свысока относящиеся к местным детям, презрительно называя их «жлобами». Они могли и младших обидеть, отнять у них какую-нибудь еду. Но таких было мало. В основе своей ребята были хорошие.

Условия жизни в детдоме были намного выше, чем у местного населения. Воспитанники по норме получали необходимые продукты питания: хлеб, сахар, масло, крупы. По праздникам какие-нибудь сладости. Нормы, конечно, были маленькие. Еды хронически не хватало, о еде шли постоянные разговоры.

Среди детдомовских ребятшек распространилась такая придумка: находили стеклянные бутылочки, в них наливали воду, крошили хлеб и потом эту массу понемножку доставали проволочным крючком, таким образом, продлевая процесс еды. Местные дети, тем более дети эвакуированных, или «беженцев», как их называли местные жители, и этого не видели. Тех крох, которые родители получали по карточкам на «иждивенцев», катастрофически не хватало. «Чистый», то есть без примесей, хлеб считался невообразимой роскошью.

Для нас самой тяжелой была зима 1942 года. Запасов никаких, вещей, на которые можно выменять продукты, - тоже. Это в последующие годы стало немного легче.

Весной все дети, как местные, так и детдомовские, выходили на «промысел». На полях находили остатки

мороженой картошки. Затем в ход шли разные травы. «Калачики», «пучки», «мучки» (корни камыша), яйца птиц и даже ежи, если удавалось поймать, ведь голод не тетка. А однажды дети (и я вместе с ними) наелись семян белены, и нас едва откачали, а один мальчик долго лежал в больнице. В то же время своим чередом шли занятия в школе, хотя не было ни мела, ни бумаги, ни энергии. Писали на старых газетах чернилами из сажи.

Все школьники привлекались к труду, помогали колхозу. Мальчики собирали колоски после уборки, а кто постарше – крутили зерновые веялки, пасли лошадей. Любимой работой было возить волокуши сена верхом на лошадях. Помню, что за хорошую работу нас «премировали» кусками жмыха, который мы грызли с великим удовольствием. Все без исключения ждали вестей с фронта, мечтали о своих родителях, о том времени, когда уедут домой. Были случаи побегов из детдома. За провинности детей наказывали иногда лишением сладостей или вообще оставляли без обеда. Из-за этого моя мама вступила в конфликт с директором, и у них были неприязненные отношения. А в основном воспитатели были добрые, преданные своему делу люди. Как и везде в то время была пионерская организация, организовывался сбор вещей для посылок на фронт, девочки вышивали носовые платки, вязали носки. Была художественная самодеятельность. Разыгрывали антифашистские сценки, причем фашистов никто играть не хотел. Читали стихи. Некоторые из них я помню по сей день. Самым любимым развлечением было кино. В деревню приезжала кинопередвижка. На лошади привозили аппарат, пленки и динамомашину. Ее прикрепляли к скамейке, и нужно было крутить довольно тугую рукоятку. Тех, кто хотел делать эту работу, пускали бесплатно. Желающих было – хоть отбавляй. Фильмы были «не-

Хорошо поддается к печати и воспроизводит текст.

мые», но они оставили в наших сердцах неизгладимый след.

Из воспитателей мне больше запомнились Феоктиста Владимировна и Антонина Марковна (фамилий не помню). Из учителей – Зинаида Платоновна, учительница русского языка, Федор Яковлевич, учитель физики, и его жена Анастасия Георгиевна. Еще был Федор Трофимович, учитель немецкого языка. Знание немецкого языка он получил в плену, в Германии.

Заведующей районным отделом народного образования в годы войны была Анна Григорьевна Шапиро, жена первого секретаря райкома ВКП (б) Петра Афанасьевича Рыжего. Она часто бывала в детдоме и очень по-доброму относилась к детям. Интересно, что детские дома в то время курировал НКВД, и в столовой висел большой портрет Берия.

В конце войны в детдоме появилась такая болезнь, как трахома. Чтобы ею заразиться, достаточно было побыть рядом с больным. Стал жертвой трахомы и я. В бывшем Косулинском районе нашей области был организован специальный трахомотозный детдом в селе Пепелино. Там я лечился целый год и там же встретил 9 мая 1945 года – День Победы.

Юрий Поляков
Варгашинский район

ДНИ РАДОСТНЫЕ И ГОРЕСТНЫЕ

В жизни все бывает, помню дни радостные и дни горестные. Весну и лето ждали как самое дорогое событие, потому что в это время можно было набить желудок чем-то съестным. Чуть оттаивали огороды сельчан, детдомовцы шли собирать мороженую картошку. Потом шли за ферму, там зажигали кучи навоза и на железках жарили картофель. Где-то в мае шли в грачатник: один залезает на березу, другой внизу шапкой ловит неоперившихся грачат. Не гнушались и ежами, у них сало, как у свиньи, только желтое. Ну а там поспевали ягоды, грибы, пшеница. Опасаясь объездчика, нарывали колосков в снятую рубаху, оббивали о дерево, веяли, жарили, возле огородов нашелушивали конопляное семя, поджаривали, смешивали с пшеницей и получалась хорошая еда.

Часто ходили в колхозный сад за озером. Но однажды эти похождения перечеркнул медведь. Дело было так: яблони росли ближе к озеру, и там все время в шалаше находился сторож. Ближе к лесу была малина. Туда мы и зашли поесть малины, кто-то из ребят перелез в другие ряды, а там лакомился ягодами медведь. Представляете! От испуга мы закричали и ринулись бежать по направлению к сторожу. Сторож не понял нашего маневра, давай из берданы стрелять в воздух. Какое там, его чуть не сшибла с ног эта босоногая орава. Не знаю, понял ли что этот старичок или нет, а нас уже и след простыл.

Был такой Леня Усачев, он приспособился молоком лакомиться. Приделал к железной банке дужку и, когда доярки на коромыслах несут ведра с молоком, он тихонько подходит к последней и зачерпывает молоко.

Потом, как ни в чем не бывало, отворачивается. И не было случая, чтобы его засекли.

Зимой было еще голоднее, особенно малышам. Мы, кто постарше, где-то достанем картошки, – к примеру, обменяем на ручку или карандаш у сельчан. После отбоя, когда уйдет воспитатель, напечем в голландке картошки, чистишь ее, а кожурки вверх бросаешь, малышня их хватает – и в рот. До слез их было жалко, а что делать – сам жрать хочешь. В детдоме было два быка. Когда им понесут из кухни всякие очистки, малышня накидывается на эти баки, хватает очистки – и за пазуху. Представьте завтрак: 100 граммов черного хлеба и стакан чая с сахаром. Володя Недокушев эту пайку сразу отправлял в рот, выпивал чай и громко говорил: «Спасибо!». А Володя Бутузов из той пайки тюрю делал и долго смаковал.

Но я бы не сказал, что все было так плохо. Правительством, как могло, заботилось о нас. Осенью 1943 года я сначала был в Варгашинском детдоме, одежды у нас, кроме рубашек и штанов, не было. Спали на полу десять человек на одном матрасе, укрывались одним одеялом. Столовая была в одном конце деревни, а школа – в другом. Прибежишь на завтрак, поешь холодного винегрета и по застывшим лужам босиком, как на коньках, до общаги. Чуток обогреешься и таким же манером в школу. Но до первого снега нам выдали костюмчики, пальто, валенки, шапки. И это в самом тяжелом для страны году.

В декабре 1943 года тех, кто постарше, отправили в Дубровский детдом. Многие воспитатели были без образования, но старательные, душевные, такие, как Нина Павловна, Фаина Афанасьевна, фельдшер Софья Моисеевна и многие другие. Работала детдомовская самодеятельность, среди воспитанников были хорошие по тем временам артисты: Слава Черемисин пел, голос у него был превосходный, акробаты Саша Иванов и Тома

Королева показывали свою ловкость. Как-то у них сложилась судьба - было бы интересно узнать.

Главная у всех радость была 9 мая 1945 года – День Победы. Ликовал весь народ, ликовали и мы, дети войны, дети-сироты. Ждали с фронта отцов, братьев и сестер, но немногим выпало такое счастье. Вот и я 17 мая получил похоронку – мой брат Николай погиб 8 марта 1945 года на 19-ом году жизни, пройдя три фронтовых года.

После войны стало жить легче: и в детдоме, и в ремесленном училище кормили уже нормально. Жили мы дружно, считали друг друга братьями и сестрами и никому не давали в обиду.

Александр Голубцов
Варгашинский район

БЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОК

Все трудящиеся нашей родины охвачены одним желанием: помочь детям, потерявшим своих отцов и матерей во время войны. Колхозники нашего района оказывают помощь осиротевшим детям.

Член колхоза им. Юдина Богатырев Алексей Федотович имеет четыре сына, которые находятся на фронте, защищая нашу любимую родину. Сам тов. Богатырев активно участвует в проведении мероприятий по обеспечению детей-сирот: тов. Богатырев дал корову для интерната Варгашинского сельсовета и сказал: «Пусть моя корова питает детей-сирот, отцы которых не щадя своей жизни, защищают нашу родину от злого кровавого фашизма».

И.Б. Строганов.
«Колхозная правда», 1.04.1943 г.

ФОТОГРАФИЯ ИЗ ВОЙНЫ

На стене крохотной комнаты, оклеенной обоями с детским рисунком, висит фотография, точнее, портрет со старой фотографии. Такие портреты делали в послевоенное время заезжие фотографы.

Фотографию отца, сына, хранимую в семье как реликвию, доставали, осторожно разворачивали из чистой тряпицы и, с боязнью потерять ее насовсем, протягивали фотографу. Тот же, недолго мудрствуя после увеличения ее, раскрашивал одежду на свой вкус, рисовал галстук. Женские лица в обязательном порядке выходили с ярко накрашенными губами. В таком портрете потом родственники и пытались разузнать близкого им человека.

Он же, сегодняшней семидесятилетний, говорит, что узнал свою мать на фотографии сразу. А получил он этот старенький и единственный снимок своей матери через 25 лет после того, когда еще пятилетним ребенком последний раз видел свою маму Люсю.

Сколько ему тогда было лет – не знает, но помнит, что народу из поезда на станции вышло много. Он на своих ногах, а двоих младших – сестру и брата – нес на руках. Помнит узел с пожитками, за который он крепко держался, чтобы не отстать.

Подошел грузовик. Ехали молча – у каждого было свое горе.

Эвакуированных разбирали по квартирам сердобольные хозяйки. Совсем немного они пожили в деревне с матерью. Мама Люся болела, и им пришлось перебраться в детский дом, который находился за три километра от их деревни. Был это Варгашинский детский дом, и жили в нем такие же увезенные от войны дети.

Как-то раз добрая баба Галя, она же и повар, и воспитательница, забрала всех троих и увела в больницу к матери. Два дня прожили в прачечной. Спали на полу, на матрасе, но зато рядом с мамой.

- Ничего, родные мои, скоро я выздоровлю, и тогда все будет хорошо, - успокаивала она их.

Вот тогда-то и видел он в последний раз свою маму Люсю. Умерла она в той же Варгашинской больнице. Им, ее детям, сказали об этом, когда уже похоронили.

Вскоре их «семью» почему-то разделили. Сестренку Свету увезли в какой-то другой детский дом. Куда и почему это сделали - никто не объяснял.

Главным для них тогда было выжить, не умереть от болезней и голода. Помнит, как ходили за хлебом для своего «дома» в пекарню, которая находилась на железнодорожной станции. Наволочку от подушки держали за углы, вдвоем одну. Очередь, которая всегда там была, молча отодвигалась от окна выдачи.

С приходом весны продуктовый паек увеличивался значительно. Первое, что шло в пищу, был полевой лук. Поскотина, где он рос, была большой, но после детдомовских там делать было нечего. Выбирали все. Помнит, с каким азартом искали в лесу пучки, потом щавель, даже какие-то цветочки, почему-то называли их «кукушкины слезки». От них во рту приятно сластило. А уж когда начинались ягоды – было полное довольствие.

Жили. Учились в школе. Ждали конца войны. Ждали тех, кто обязательно за ними приедет и заберет домой, в тот настоящий, свой родной дом.

Кого ждал он – не знал. Наверное, как и все мальчишки, ждал отца и обязательно героя.

Из всей большой сиротской семьи привалило счастье одному – Тольке. Его отец был в военной форме, с погонями. На погонах звезды. По детскому соображению казалось, что он и есть самый, самый главный. Сначала была радость от конфет, которые тот привез

всем ребятишкам, а потом «потайные» слезы оттого, что это был чужой отец.

В железнодорожное училище, куда его водили, он не поступил. Оказалось слабым зрение. Повезли в Шмаковское училище. Проучился год. Вышел с удостоверением тракториста-машиниста широкого профиля. О брате Леньке к тому времени ничего не знал. Его, как и сестру, почему-то увезли в другой детдом.

Выпускников училища отправили в Сафакулевский район. Выгрузились в селе Надеждинке у конторы.

Башкирская семья Тухватуллиных, которая и забрала его тогда к себе, стала ему родной. Первый раз он жил не в детском доме, а в своей семье.

Башкирские дети Геняйт и Назира стали братом и сестрой мальчишке с украинской фамилией Кравчук. Местный милиционер помог найти брата. А когда Евгений Кравчук женился и решил уехать в город, провожала его семья, как родного сына.

Потом пошла самостоятельная жизнь, своя семья. Только вот не может он ничего рассказать своим детям и внукам об их родословной. Свидетельство о рождении выписали ему в Варгашах. Стал он Ивановичем, сестра Светлана почему-то Сергеевной. Да и в точности возраста своего он сильно сомневается.

И уже много лет спустя, здесь, в Кургане, нашли его родственники медсестры, работавшей в те далекие военные годы в Варгашинской больнице. На ее руках умерла мама Люся.

Все эти годы чужая женщина хранила единственный снимок с родным ему лицом матери.

Отдай она эту фотографию тогда шестилетнему ребенку – скорее всего, затерялась бы. Вот так и получилось, что история его рода, его корни - все это в одном-единственном снимке на стене его квартиры.

Зоя Верхотурова

ЛОПАТИНСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Все меньше среди нас свидетелей тех горячих дней, когда страна наша насмерть билась с фашизмом. А в это время в далеком от фронтовых сражений Зауралье приютили, обогрели и накормили детей из разбомбленных фашистами городов и сел. Родители воевали, партизанили, сутками не выходили из заводских цехов, гибли за Родину, а их сыновья и дочери здесь, за Уралом, учились в школе и тоже по мере сил приближали победу.

Теперь дети войны имеют внуков и правнуков, их военное детство стало давней историей, а дожившим до наших дней их учителям и воспитателям далеко за восемьдесят. Тем ценнее собранные краеведами по крупицам воспоминания живых свидетелей тех дней.

Об одном из детских домов в годы войны – Лопатинском – рассказывает краевед из этого села **Лидия Спиридоновна Патенкова**:

- В одну из ночей 1941 года учителям пришлось срочно освободить здание школы №1 в нашем селе и подготовить его к приему эвакуированных из Москвы детей. Так был открыт интернат, и директором его стала Любовь Георгиевна Багдасарова. В 1942-м, после разгрома немцев под Москвой, дети возвратились обратно в Москву. В 1943 году в интернате жили дети из Ленинграда. Директором его была тогда Мария Яковлевна Иванова. А после отъезда ленинградских детей в 1944-м в здании школы был открыт дом для местных детей-сирот.

В те годы в детдоме на ясельной группе работала Раиса Константиновна Кайгородцева, с дошкольниками – Лидия Павловна Кияшко и Галина Георгиевна Че-

быкина. Галина Георгиевна Петунина трудилась воспитателем, Александр Александрович Кияшко – завучем, Полина Ивановна Чебыкина занималась с детьми рукоделием. Директором был Александр Пябус (отчества, к сожалению, не помню), из эвакуированных. Завучем и подменным учителем и воспитателем в 1-4 классах была Мария Павловна Романова.

Трудно было в годы войны. Дети учились, занимались подвозом и распиловкой дров для школы, сбором продуктов питания и денег в помощь сиротам. На сельскохозяйственных работах учителя и дети из ленинградского интерната отработали 2119 человеко-дней. Большую помощь оказывали они и в политико-массовой работе – проводили беседы, читки газет, выпускали боевые листки и т.д. Дети из интерната на лошаденке вместе с учителями ездили в деляну за 50 километров от Лопаток. А еще за интернатом был закреплен бык. В зависимости от сезона использовали телегу или сани. Ребята сами себя обслуживали: привозили воду, хлеб, другие продукты, следили за порядком.

Учителя и школьники оказывали большую помощь фронту. Они работали на колхозных полях, летом полости зерновые, осенью до снега копали картофель, выращивали на пришкольном участке табак для отправки на фронт. Учащиеся получили благодарность от Правительства и Верховного Главнокомандующего за сбор средств на строительство военного корабля «Челябинский комсомолец». Собирали ребята и теплые вещи. Вязали носки и варежки, шили кисеты. Пионеры отряда им. Буденного послали на фронт две посылки. Получили ответ, в котором солдаты сердечно благодарили ребят за подарки. Завязалась переписка. На фронт шли письма о школьных делах, а солдаты писали своим маленьким друзьям о фронтовых буднях.

Татьяна Воробьева
р.п.Лебяжье

«БУДЬТЕ ИМ МАТЕРЬЮ...»

Это был ее последний урок в большой учительской жизни.

Ребятишки, еще ничего не подозревающие, затихли, приготовились слушать. Александра Михайловна раскрыла журнал, внимательно взглянула на ребят и вдруг с ужасом почувствовала, что не может произнести ни слова. Куда-то пропал голос. Открывает рот, а слов не слышит. Перенесенная болезнь горла, боль и горечь, с утра поселившиеся где-то в глубине груди, сделали свое дело. Она беспомощно опустилась на стул и ... заплакала. Это было так неожиданно, что класс замер. Потом все разом вскочили, толкаясь, бросились к учительнице, окружили ее. В тот короткий миг, когда Александра Михайловна была уже готова начать урок и бросила внимательный взгляд на воспитанников, она вдруг увидела эту комнату совсем в другом облиции.

... Солнечные зайчики и веселый гомон птиц исчезли, и она явственно услышала, как за окнами скрипит декабрьский мороз. Весь пол в классе устлан матрацами, подстилками. На них, согревая друг друга, вполвалку лежат дети. Не удивительно, что одежда их мятая, грязная, застиранная: ведь путь от Ярославля до этой сибирской станции они преодолевали три месяца. Александра Михайловна, легкая, подвижная, осторожно, всякий раз выбирая, куда бы поставить ногу, неслышно движется в темноте, чутко прислушиваясь к тревожному сну ребятишек. Вот уже полгода она не расстается с ними. Их надежда, их защита, их – мать. В июле сорок первого она твердо решила – пойдет на фронт медсестрой, но судьба сделала крутой поворот. Вызвали в облоно и сказали:

- Школу эвакуируем, повезете детей.

- А как же фронт? Я же на фронт иду ... Я же молодая, здоровая. Детей везти найдутся учителя возрастом постарше и здоровьем слабее ...

- Повезете вы. Отвечаете за каждого ребенка, - голос говорившего дрогнул, в нем появились теплота, нежность и тревога. - Вы понимаете, кого вам доверяют – ДЕТЕЙ. Родители их остаются здесь, в Ленинграде, - и закончил просительно: - Будьте им матерью...

Широкий проспект от Смольного до вокзала перекрыли для транспорта. По нему нескончаемой лентой шли дети. Шли весело, помахивали скромными узелками, последней родительской памятью и заботой: смена белья, немного печенья, домашних постряпушек – вот и все, что разрешили взять в дорогу.

С обеих сторон по тротуарам шли матери, сестры, бабушки. Они оставались в городе Ленина, чтобы преградить путь врагам, остановить их. Шла война, и взрослые понимали, что могут и не увидиться больше со своими детьми. А дети шли весело. Они еще не осознавали до конца той беды, которая обрушилась на них. Казалось, идет обычное лето, а они отправляются куда-то отдохнуть.

Никогда не забудет она сцены расставания. Дети, все еще веселые, грузились в вагоны. Лезли, толкали друг друга, ссорились. Но вот свистнул паровоз, и стон, вырвавшийся одновременно из сотен уст, повис над перроном. Казалось, кричала смертельно раненная душа, истекая кровью. И дети отозвались криками и плачем. Александра Михайловна кидалась то к одному, то к другому. Кого-то хватала на руки, кого-то гладила по голове, кому-то шептала ласковое, материнское: «Успокойся, доченька...».

В этот момент она и дала себе клятву: «Стану им матерью».

Надо же такому случиться, что свой последний урок Александра Михайловна пришла проводить в тот класс,

куда в декабре сорок первого привезла маленьких ленинградцев.

Память часто возвращает ее в прошлое. Беседует с детьми, и оброненное слово, даже жест или поступок воскрешают забытое. Однажды пришла в класс с беседой «Вкус хлеба». Усаживаясь, заметила под партой кусок хлеба, в углу – еще один. Явно перед ее приходом здесь шла «битва», и в ход был пущен хлеб. В ее душе начал закипать гнев, а перед глазами, как живой, появился Коля Романов.

... В Прилогино, где разместили на жительство эвакуированных ребятишек, их приняли, как родных. В деревне в основном оставались женщины. А у какой матери не дрогнет сердце при виде ребенка, нуждающегося в ласке, заботливом уходе. Сами жили впроголодь, а с детишками делились.

Потом стало поступать пополнение. Приводили, приносили, привозили детишек, снятых с поездов, подобранных на вокзалах. Однажды знакомый возница распахнул дверь:

- Михайловна, принимай пополнение!

Александра Михайловна окинула взглядом двор:

- А где же дети?

- Да вон ..., - возница горестно махнул в сторону телеги. Откинув тряпье, Александра Михайловна так и замерла: до десятка малышей, совершенно голых, смотрели на нее отрешенными, равнодушными глазами. Воспитательницы, глотая слезы, бережно брали их на руки. Дети не могли ходить. Они не улыбались, неохотно разговаривали. Когда намытые и накормленные, наконец, уснули, взрослые собрались у Александры Михайловны.

- Что будем делать? Думаю, надо немедленно собрать все из одежды, без чего можем обойтись. Перешивайте всю ночь, но к утру ребятишек надо одеть...

Утром в столовой каждому из них дали по кусочку хлеба. Свою порцию Коля Романов крепко зажал в кулачке и пронзительно закричал: «Папа, папа!»

Нянечки кинулись к мальчонке, а он выскальзывал из их рук, порывался залезть под стол, а сам уже не кричал, а шептал: «Папа, папа». Выяснилось, что от его пайка под стол упала крошка, и мальчик бросился ее поднимать, называя хлеб словом «папа».

В августе сорок пятого эшелон из Зауралья прибыл в Ленинград. Александра Михайловна Михайлова сдержала слово, ту клятву, что дала перед своей совестью. Все эти годы она была для воспитанников матерью, заботливой и любящей, воспитателем строгим и справедливым, учителем умным и требовательным. Привезла всех, ставших на четыре года старше. Не ее вина, что почти половина детей осиротела. Спасая детей, свой город, не все взрослые дождались счастливой встречи. Отцы и матери сразу узнавали своих детей, хоть и повзрослевших, а вот дети...

Инна Шмага, как только услышала: «Инночка, за тобой пришел папа», с радостным воплем бросилась навстречу и вдруг словно споткнулась:

- Это не мой папа, мой молодой и красивый! Обманули, обманули...

Отец растерянно топтался. По лицу текли слезы:

- Доченька, как же так... Инночка. Я же твой папа. А мамы нет, она умерла...

И только на второй день, когда отец пришел снова, Инна признала его.

Александра Михайловна обрела вторую родину у нас, в Зауралье. Годы отняли у нее возможность работать, но они не смогли отнять любви к детям, которым отдала она всю свою жизнь.

Алевтина Воробьева
Александра Михайловна пришла в Лебяжье
Лебяжьеvский район

РАДОСТЬ ОБЩАЯ И ГОРЕ ОБЩЕЕ

Почти каждую семью затронула своей черной рукой Великая Отечественная война. А скольких она осиротила, не разбирая, взрослые то или дети! В нашем краю боев не было, но эхо их доносилось. В конце 1942 – начале 1943 года в село Прилогино был эвакуирован ленинградский интернат. Ребятишки, которых в основном находили в заброшенных домах, банях, на вокзалах, были диковатыми и в то же время несколько успокоенными тем, что в их жизни наступила определенность: появилась еда, крыша над головой.

Позже интернат стал приютом и для местной ребятни, потерявшей родителей на войне. А кого и просто туда отдавали из-за того, что не могли прокормить. Однажды сразу пятерых детей из одной семьи привели. Их мать осудили за то, что она для них украла карман пшеницы. Так образовался детский дом.

Почти с первых дней его создания пришла туда работать воспитателем Прасковья Михайловна Кривоногова, поэтому все детские судьбы прошли через ее сердце. Картинки из тех далеких сороковых память воспроизводит живо. Тяжело было всем. Учебное заведение и столовая располагались неподалеку друг от друга, и тем не менее в зимнее время ребятня питалась в несколько заходов: обуви не хватало на всех, а бегать по снегу босиком не позволяло и так подорванное здоровье, вот и ждали, когда освободится обувка.

За школьными партами вместе сидели и детдомовские, и деревенские ребятишки. Конечно, дрались иногда, но не из-за разного социального происхождения, а из шалости. Как вспоминает Прасковья Михайловна,

особенно большой в детдоме была группа младших школьников. Малыши очень быстро привязались и были благодарны взрослым, заменившим им родителей. Воспитатели отвечали добротой и пониманием, оставляя свои семьи без внимания, допоздна засиживались с воспитанниками.

Прасковья Михайловна Кривоногова

Наступили тяжелейшие послевоенные годы. Скучность была во всем. Чтобы хоть как-то поудобнее устроить детские постельки, набивали подушки и матрасы пухом рогозовых шишек. Жили впроголодь, не давали умереть с голоду овощи со своего маленького участка и постоянная помощь хозяйства. Прасковья Михайловна рассказывает, что именно голод стал причиной ужасного случая, воспоминание о котором все еще сжимает ей сердце. Однажды летом директор детдома Ведякина и завхоз вместе со старшими воспитанниками уехали в Плоское на сельхозработы. С остальными ребятами остались Прасковья Михайловна и ее напарница. Подошло время обедать. Мальчишек усадили за стол, а девочки в это время отпросились искупаться – жарко. Ребятам одних не оставишь, еду за столом друг у друга поотбирают, а девочки самостоятельные, вот и отпустили их одних.

Прибежали они на озеро и тут повстречали «доброе» дядю.

- Детдомовские? Голодаете, небось, а вокруг столько съестного! – сказал он, указывая на растение с красивыми пестрыми цветами. – Вы только их в руках хорошенько разомните.

Когда девочки вернулись, глаза у всех были, как у кошек: зрачки вытянуты в тонкую вертикальную полоску.

- Белены объелись! – сразу поняла повар. – Не давайте им есть, а то хуже будет!

У девочек начался припадок, хлеб вырывают из рук у воспитателей. Чтобы нейтрализовать яд, их срочно нужно было напоить молоком с маслом. Где взять? Местные жители без лишних слов дали все необходимое. Отпоили. Но с теми, кто успел отобрать хлеб и съесть его, пришлось помучиться.

В 1947 году детдом перебрался в село Плоское, так как здесь была возможность дать повзрослевшим ре-

бятam среднее образование. С продуктами стало полегче: пришла гуманитарная помощь из Америки. Преподаватель Иван Иванович Иващенко открыл при детдоме швейный цех, где учил девчат шить самые необходимые вещи для себя и своих товарищей.

С 1948 года директором детдома стал Павел Алексеевич Фафин. Жизнь в стране, а значит, и в детдоме, понемногу начала входить в нормальное русло. У многих ленинградских ребят нашлись родители, родственники, которые их забрали. Только у трех девочек из Ленинграда не оказалось близких. Поначалу они остались в нашем районе, а потом их судьба разбросала. В начале 50-х годов Плосковский детский дом и вовсе расформировали.

Эта история сохранилась не только в памяти Прасковьи Михайловны Кривоноговой, живущей сейчас в Плоском, но и в музее Плосковской средней школы. Еще в 70-х годах начала создавать его учитель математики Александра Ивановна Сураева, а затем передала свое дело историку и сегодняшнему директору музея Ольге Геннадьевне Шамраевой.

Помнят те времена и тогдашние воспитанники. Кривоногова с нежностью показала весточку, полученную из села Меншиково.

- Это от Саши Кунгурцева, не забывает, - говорит она и прячет письмо в заветное местечко.

**Алена Иванова
Лебяжьеvский район**

ЕЛКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Из всех новогодних праздников почему-то особенно запомнились мне новогодние елки военных лет. Училась я тогда в 6 и 7 классах и жила в Хуторах. В селе было много эвакуированных, в том числе и учителей, оставивших добрый след в моей душе.

Преподаватель университета из Петрозаводска Галина Павловна Огиенко преподавала у нас биологию и химию, а москвичка Варвара Алексеевна Яровских – русский язык и литературу. Вместе с ними долгими вечерами при свете лампы мы клеили из бумаги елочные украшения: цепи, фонарики, корзиночки. А еще они научили нас мастерить карнавальные маски, о которых мы до этого не имели понятия. С бумагой тогда было плохо, и использовали буквально все клочки, предварительно покрасив их то акварельными красками, то еще чем-нибудь.

Кроме того, мы, девочки, вместе с учителями готовили новогодние подарки для фронтовиков: рязали носки, варежки, перчатки. Как сейчас вижу: колыхнется огонек в лампе, мелькают в детских руках спицы, а мы поем или разговариваем о чем-нибудь. И сколько радости было, когда потом приходили от бойцов в школу треугольники с благодарностью.

Сосенки в ту пору в наших краях не росли, роль елки обычно выполняла березка поразвесистее, которую устанавливали в самом большом классе. Раз, помню, откуда-то появились сосновые ветки, и, когда их привязали к березовым, все пришли в восторг, а в классе таинственно и терпко запахло сосновой хвоей. Особенно радовались малыши. И елка, пусть в самодельных бумажных игрушках, казалась настоящей красавицей.

К празднику обязательно разучивали новые песни, стихи и танцы. На роль Деда Мороза подбирался самый рослый школьник, его одевали в тулуп и привязывали бороду из пакли или ваты. Подарки приносил из дома каждый сам: каральки, булочки из серой муки (жили в войну, как все, голодно). Дед Мороз потом раздавал нам из корзинки эти нехитрые лакомства. И какими же они были вкусными!

С приездом городских учителей стали готовить мы и карнавальные костюмы. Для этого из бабушкиных сундуков доставались старые юбки и полушалки. Что-то подворачивалось, подшивалось, ушивалось, свеклой и сажей подкрашивались лица, и превращались мы то в Бабу Ягу, то в лешего, то в русскую красавицу. А у некоторых и этого не было – так трудно жилось...

Помню, как босиком прибежал на елку третьеклассник Коля Подлубнов. Семья у них была многодетная, обувь носили по очереди, а ему так хотелось на праздник! Прибежал, отогрелся у жарко натопленной печки, выскочил на круг и давай отбивать босыми пятками дробь, а сам частушки сыплет:

Я ли, я ли не коток,

Я ли не котеночек,

Я ли, я ли не завлек

Молоденьких девчоночек!

Худенький, глазастый, штанишки – заплатка на заплате, но ему все нипочем. Хороший механизатор потом вырос из Коли Подлубнова, много он земли перепахал за свою жизнь, много хлеба вырастил.

Вот так праздновали Новый год в годы войны. И были эти праздники маленькими островками радости, вселяющими надежду: все равно мы победим и вопреки всем трудностям будем жить.

Валентина Тарасова

р.п. Лебяжье

Записала Людмила Жорнова

МЫ ЗАПЛАТИЛИ НЕ МЕНЬШЕЙ ЦЕНОЙ

Думаю, ничего страшного, если бы к сказанному «поздравляем ветеранов войны, ветеранов труда» добавить «и детей военного времени». Мы заплатили не меньшей ценой. Хочу конкретно о себе сказать. Отца убили на войне в сорок третьем. Мать работала свиначкой. Кормить свиней было нечем, они дохли. Мясо их варили в котле и снова скармливали свиньям. Я помню, как мама сортировала: получше кусочек – ребятишкам, а остальное – свиньям. Домой принесет: «Ешьте, ребятишки!». А я, как старшая, говорю: «Мама, они же сдохли». Она начинает есть и в ответ: «Ребятишки, какая разница: сдохли, закололи. Все равно мясо». Я думала: раз мама ест, можно и нам. А что ей оставалось, чтобы мы не умерли с голоду?

Признали зимой у свиньи чуму, увезли тушу за 10 километров, облили креолином. Мама еще с одной женщиной ночью на санках привезли эту свинью домой, поделили и вымачивали. Съели, и чума не взяла. Мы, дети, все лето работали на заготовке сена. И когда я кончила 7 классов, меня поставили под зарод сено наверх подавать.

А как я, молча, завидовала тем, у кого вернулись отцы! Была у меня подружка – дочь председателя. У нее были конфеты, а я мечтала хлеба поесть досыта.

Дай Бог здоровья оставшимся в живых ветеранам! Они получают неплохие пенсии, подарки, деньги к юбилеям Победы. И правильно – они это заслужили. А нашему поколению и с пенсией не повезло: зарплаты высокой не было, когда пошли на нее. Видно, действительно год 1937-й – проклятый.

Любовь Загребина
с. Лопатки Лебяжьевского района

Александр Сметанин

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ

Военные годы остались далеко позади, но сама война крепко держит нас огромной силой человеческой памяти. Наш народ перенес самое тяжкое испытание за всю историю человеческого существования на Земле – и выжил. А что выпало на долю детей того страшного времени – теперешнему поколению молодых и представить трудно. Дети войны рано выросли, наследуя трудолюбие, выносливость своих родителей, их великую самоотверженность и порядочность.

В Каргапольском районе многие знают Зою Дмитриевну Раевскую, «Учителя и Руководителя с большой буквы» (по выражению ее коллег). Но не все знают ее удивительную судьбу.

Родина Зои Дмитриевны - город Орехово-Зуево Московской области. Росла она в большой дружной семье (семеро детей). В семье царил чистый воздух доброты, родительской ласки. Но в 1936 году они лишились родителей. Зоя оказалась в Максимовском детском доме города Москвы. По словам Зои Дмитриевны, здесь родителей заменили чудесные воспитатели. Именно они заложили в детстве прочный фундамент благородства, культуры поведения, любви к Родине, патриотизма, милосердия, доброты, сострадания и других высоких человеческих качеств.

Спокойную, размеренную мирную жизнь в детском доме нарушила война – это страшное чудовище на Земле. И сейчас, по прошествии свыше 60 лет, Зоя Дмитриевна не может без содрогания вспоминать весь тот ужас.

Картина тех событий до сих пор отчетливо стоит перед ее глазами.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года воспитанники детского дома крепко спали с надеждой на новый радостный день. А этот день действительно представлялся радостным, так как 22 июня они должны были с воспитателями поехать в Москву в парк культуры и отдыха имени Горького, где можно прекрасно отдохнуть, полюбоваться Москвой во время прогулки на теплоходе по Москве-реке. Масса удовольствий!

С вечера воспитатели проверили, как дети подготовили праздничные костюмы, платья, поговорили о правилах поведения, этикете, пожелали спокойной ночи.

Утром 22 июня, бодрые и веселые, пришли они на станцию и вскоре были у ворот парка культуры. Женщина у входа сказала: «Все увеселения и представления отменены, немцы начали войну!» Стало тревожно, страшно, жутко! Без задержки все вернулись в детский дом.

С начала войны до 23 октября воспитанники жили в детском доме. Каждый день становилось все тревожнее и тревожнее. Немцы рвались к Москве. Все чаще объявлялась тревога, раздавался страшный звук сирены. Во всех помещениях детского дома дети заклеивали окна крест-накрест полосками бумаги, чтобы сохранить стекла. Во время бомбежки бежали с младшими детьми в парк укрыться от осколков снарядов. За каждым старшеклассником были закреплены по два воспитанника младшего возраста. За них старшеклассники несли ответственность. После отбоя тревоги возвра-

щались в детский дом, а через некоторое время - снова тревога.

Трудно было выдержать ночь, иногда бомбежки продолжались до утра. Стали своими руками копать траншеи, ставить крепления, устраивать сидения. Иногда тревога продолжалась более двух суток, и младшие дети не выдерживали, валялись с ног. Если объявлялась тревога, каждый знал свои обязанности: кто нес воду в бачках, кто продукты в корзинках, запасные свечи.

Жутко было ночью. Небо все в огне, зловещий гул фашистских бомбардировщиков, прожектора снуют по небу, осколки от снарядов тяжело падают на землю.

Часто поступали сообщения, что фашистские самолеты сбрасывают листовки, в которых призывали наш народ сдаваться. Старшеклассникам давали задание собирать эти листовки и сжигать.

И так каждый день, пока не поступило указание готовиться к эвакуации. Был заранее решен вопрос, кто из работников детского дома готов разделить участь разлуки с Москвой и поделить ее со своими воспитанниками.

23 октября 120 детей с воспитателями отправились на автобусах на вокзал. Но в этот день и ночью фашистские бомбардировщики обрушили шквал огня на подступах к Москве. Поэтому пришлось укрыться в метро на станции Комсомольская. Было жутко. Дети не спали всю ночь. Перед их глазами беспрерывно мелькали носилки с ранеными. Стоны, крики, кровь...

24 октября, рано утром, привели детей на одну из платформ вокзала, где уже стоял длинный состав из вагонов-теплушек. Погрузили в два вагона. В одном - продукты и семьи воспитателей, в другом - дети и воспитатели, которые уезжали без семьи. Горе было тяжким. Каждый думал, прощаясь с Москвой: «А вернемся ли домой, в свою родную Москву?»

Через некоторое время пришлось пережить тяжелое испытание вновь. Недалеко от Рязани фашистские летчики на бреющем полете обстреляли состав. Поезд остановился. Из всех вагонов длинного состава бежали взрослые и дети. Страшная паника, плач. Все бежали к оврагу, поросшему низким кустарником, стремясь там укрыться. Можно представить эту ужасающую картину расстрела безоружных людей, плачущих детей! В этом длинном составе ехали эвакуированные из многих городов страны, в основном воспитанники детских домов.

Конечно, в пути испытывали голод, но держались стойко. Ехали долго, часто стояли в тупиках.

Только 8 ноября прибыли в Курган. Эвакуированных ждали, встретили радушно. В этот же день на автобусах выехали в село Житниковское Каргапольского района. Жители села встречали их гостеприимно и тепло.

В старых купеческих складах из красного кирпича, переоборудованных для жилья, разместились дети, а в небольших отдельных комнатах устроились воспитатели и их семьи.

Для Зои начался новый этап жизни, вдали от родных мест. Учебный год начали со второй четверти. Это был необычайно трудный год. Но желание детей учиться, искренняя поддержка и помощь воспитателей детского дома, учителей Житниковской школы сделали свое доброе дело: дети закончили учебный год только на 4 и 5.

Трудности закаляют, помогают воспитать в человеке уважительное отношение друг к другу, бескорыстно помочь ему в беде. Детдомовские дети не только прекрасно учились, но и успешно трудились. Летом работали в колхозе с утра до вечера. Выполняли различные работы. Было трудно, но они знали, что в военное время всем трудно.

Наступил новый 1942-43 учебный год. Перед выпускниками-старшеклассниками встал очень важный жизненный вопрос: «Куда пойти - учиться или работать?».

И здесь вновь рядом были добрые советчики - воспитатели и учителя.

Многие воспитанники по совету любимого воспитателя Воронковой Зинаиды Ильиничны решили поступить учиться в Чашинский техникум молочной промышленности, там детдомовцам было легче продержаться «на плаву» в это трудное военное время.

Зоя, как и многие другие ребята из детдома, успешно сдала экзамены и стала студенткой Чашинского техникума по специальности техник-технолог молочной промышленности.

Годы жизни и учебы в техникуме также были нелегкими: ложились спать и вставали с чувством голода.

Все лето работали на колхозных полях, пололи овощи, зерновые. На полях вязали снопы, складывали в скирды, а затем молотили. В это время могли утолить жажду голода: пекли на костре картошку, свеклу. Возвращались усталыми. Слова благодарности местным жителям и особенно студентам, которые учились вместе с ними, сохраняют они до сих пор. Они приносили из дома молоко, хлеб и делились, чем могли.

Зоя Дмитриевна очень тепло вспоминает Житниковский детский дом и своих воспитателей: «Мы почти каждую неделю ходили пешком в детдом (расстояние от Чаши до Житниково 8 километров), а кто к воспитателям. Я - к Зинаиде Ильиничне Воронковой. Она мой лучший друг и наставник. Относилась ко мне по-матерински. В субботу она уже поджидала меня, готовила что-нибудь вкусное, чтобы подкрепить меня. А на обратную дорогу были подготовлены сухарики».

Особенно трудно было преодолевать эти 8 километров зимой. Дорогу переметало снегом, шли по сугробам, часто обмораживались.

Так их поддерживали воспитатели и друзья по техникуму. А ведь все местные жители сами испытывали

неимоверные материальные трудности. Так продолжалось все военные годы.

Как не восхищаться и не преклоняться перед нашими людьми, которые в трудное время могли делить и радость, и горь со всеми, кто оказался в трудном положении.

И вот трудности студенческой жизни позади. Закончен техникум. Зоя Дмитриевна вышла замуж за вернувшегося с войны офицера, который работал сотрудником МГБ в Чаше, до войны он окончил Курганское педучилище. Вскоре его направили в Макушино на эту же должность. «Там я хотела устроиться на работу, - рассказывает Зоя Дмитриевна, - по своей специальности - техник-технолог молочной промышленности. Но мне предложили должность, связанную с командировками, а я уже готовилась стать матерью. Меня эта должность не устраивала. Вскоре мне сообщили, что в Макушинскую начальную школу требуется учитель начальных классов. И 2 сентября 1946 года я была назначена учителем в Макушинскую начальную школу. Я - учитель! Хотела стать артисткой, училась на технолога, а суждено быть учителем. Через три месяца «нагрязнула» инспекторская проверка облоно. Можно представить мое состояние учительницы со стажем три месяца! Побывали инспектора у меня на трех уроках. После разбора уроков женщина-инспектор спросила: «Сколько лет Вы работаете в школе?». Я ответила: «Три месяца». Она удивилась. Очень понравились ей мои уроки. Она сказала, что из меня выйдет настоящий учитель, что у меня этот дар от природы. Радости не было конца. Я - на всю жизнь учитель!»

Вся дальнейшая жизнь подтвердила это пророческое утверждение. Зоя Дмитриевна успешно закончила Катайское педучилище, а затем Шадринский государственный педагогический институт с квалификацией учителя русского языка и литературы.

Не без гордости Зоя Дмитриевна вспоминает:

«Когда я была воспитанницей Максимовского детского дома, я очень увлекалась художественным чтением и художественной гимнастикой. Кружки вели очень опытные преподаватели, которые приезжали из Москвы. И это мне, когда я стала учителем русского языка и литературы, очень пригодилось».

Во всей полноте раскрылся педагогический талант Зои Дмитриевны, когда она стала директором Сосновской восьмилетней школы. Здесь она проработала с 1967 года по 2003 год. объездила Кавказ, Крым, Прибалтику, Украину, Белоруссию, Ленинград. Каждый год посещала Москву, свою далекую и близкую родину. Все увиденное и услышанное переливалось в сердца и души ее воспитанников, которые активно занимались поисковой работой, краеведением.

Зоя Дмитриевна с членами поискового отряда

Зоя Дмитриевна до сих пор хранит пожелтевшее письмо – треугольник, датированное 2 марта 1946 года. Оно навеивает воспоминания, размышления.

До войны в Максимовском детском доме работал завучем Жаров Михаил Иванович, офицер в отставке. Воспитанники в нем души не чаяли. Он имел свою большую библиотеку. Многие воспитанники осаждали его библиотеку. В день эвакуации его отправили на фронт. Он узнал, куда эвакуировали его воспитанников, вел переписку с воспитателями. А на имя Зои пересылал денежные переводы.

«Наши воспитатели, - делится своими мыслями Зоя Дмитриевна, - были люди щедрой души, большого благородства, умели дарить радость детям, были наполнены высоким чувством долга перед нами».

Большой педагогический путь прошла и сама Зоя Дмитриевна. Это путь служения благородному делу.

Десятки трудовых дел, связанных со школой, с воспитанием молодежи, собрали Зое Дмитриевне целую коллекцию наград различного достоинства. Но особая ее гордость – нагрудный знак «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

Родина нашей героини – Москва. Иногда хотелось возвратиться в родные места. «Но Курганская область, - не без гордости заявляет она, - моя вторая родина. Я полюбила ее! Со мной мои корни. Моя дочь Генриетта Александровна Раевская вместе со мной всю жизнь делит радость и горе. Она тоже учитель русского языка и литературы, награждена тем же почетным знаком, что и я. Рядом со мной живут любимые внук и правнук».

**Зинаида
Игумнова**

ДОБРАЯ «ЗАКВАСКА»

Зинаида Алексеевна Игумнова (Красавина) воспитывалась в Максимовском детском доме на станции Болшево Московской области и в Житниковском детском доме Курганской области. Окончила Чашинский техникум молочной промышленности, танцевала в Зауральском ансамбле песни и пляски, работала стенографисткой в Курганском обкоме КПСС.

Мне было восемь лет, когда умерла мама. Отец завел вторую семью, у них родился сын, и я оказалась лишней.

Моя тетя, мамина сестра, в ноябре 1936 года отвезла меня в Максимовский детский дом на станции Болшево.

Расположен был детдом в прекрасном парке, на возвышенности стояла красивая усадьба, это был большой двухэтажный дом, с террасой, наш главный корпус. В нем на первом этаже были учебные комнаты, зал с выходом на террасу и столовая, на втором этаже спальни для девочек.

Под горой текла речка Клязьма. В парке было еще несколько флигелей, в которых располагались спальни для мальчиков, и жил обслуживающий персонал.

Жизнь в детском доме протекала насыщенно и интересно. Мы часто бывали в Москве в театрах, в парке Сокольники и в парке культуры имени Горького, в цирке, а в Новый год обязательно приезжали в Колонный зал на чудо-елку. Надо сказать, что я, будучи девочкою в 10 лет, уже побывала дважды в Большом театре, смотрела балет «Спящая красавица» и «Синяя птица».

Кроме этого, в детдоме работали кружки: спортивные, рукоделия, фотокружок, кукольный, танцевальный, хоровой. Квалифицированные мастера приезжали из Москвы и занимались с нами. А когда заканчивался учебный год, детский дом переходил на режим жизни пионерского лагеря. Были интересные походы, спортивные соревнования, игры.

Но, как бы все хорошо ни было, почему-то всегда не хватало мамы, ее ласкового слова и тепла. Особенно это случалось, когда кто-то обидит. Тогда я, дождавшись ночи, закрывалась на кровати с головой одеялом и тихо плакала. Слезы градом лились, я жаловалась маме и просила ее прийти и помочь, с этими мыслями и засыпала.

А потом началась война. Осенью 1941 года станцию Болшево стали часто бомбить. В парке, где находился наш детский дом, выкопали траншеи в виде буквы «Г». Мы оклеивали бумагой стекла в окнах нашего дома, потому что они дрожали от выстрелов зениток. Днем, после каждой бомбежки, собирали в парке осколки снарядов. Каждую ночь, взяв с собой одеяла, мы сидели в траншеях до 2-3 часов ночи, до отбоя воздушной тревоги, а потом шли в спальни досыпать. А враг все зверел и рвался к Москве.

Конечно, такое долго продолжаться не могло, и Правительство приняло решение - вывезти всех детей детских домов из Москвы и Подмосковья.

Хорошо помню, это было 21 октября 1941 года, мы в последний раз завтракали в своей столовой и поехали в Москву. Там пробыли целый день, видимо, решался вопрос, в каком направлении мы поедем. Были разговоры, что поедем в Чебоксары, потом в Ташкент, но в этот вечер фашисты сильно бомбили Москву, в основном вокзалы и железнодорожные пути. Город был в полной темноте, только небо багрово-красное, у метро большое скопление людей, а самолеты все летали и продолжали свое черное дело.

В эту ночь от Москвы были отрезаны все железнодорожные пути, кроме одного – на Урал. И чуть забрезжил рассвет 24 октября, мы пошли к вагонам. Это были грузовые вагоны, как их еще называли, «теплушки». По сторонам вагона были сделаны сплошные в два яруса нары, а в середине – печка «буржуйка». Вот в таком вагоне мы, 120 детей, ехали две недели.

Когда мы подъезжали к Рязани, появились немецкие самолеты и стали бомбить наш состав. Люди выскакивали из вагонов и прятались в кустах. Заработали зенитки, и через некоторое время самолеты были отбиты. К счастью, состав не пострадал. Мы поехали дальше.

8 ноября 1941 года, вечером, уже было темно, мы приехали в село Житниково Каргапольского района. Нас уже ждали, встретили, накормили и уложили спать. С этого дня началась жизнь Житниковского детского дома. Я считаю Житниковский детский дом вторым дыханием Максимовского детского дома. Житниковцы приняли нас, как родных детей, и сделали все, чтобы мы выросли полноценными людьми.

В Житниковском детском доме с отличными оценками и Похвальной грамотой я закончила седьмой класс.

Пятерых из одиннадцати выпускников, в том числе и меня, отправили учиться в сентябре 1942 года в Чашинский химико-технологический техникум молочной промышленности. Это был первый выпуск воспитанников детского дома. Мы боялись всего плохого и это потому, что в нас прочно была заложена добрая «закваска» нашего детдома.

Холодные и голодные, мы учились, а время было сложное, военное и учиться было ой, как непросто. У кого были тройки, тому не давали стипендию. А что значит не получать стипендию? Значит, не на что будет купить пайку хлеба, 500 граммов по карточке, и ты не сможешь даже один раз в день поесть. Каждую субботу, невзирая на погоду, после окончания лекций, мы шли восемь километров из Чаши в Житниково, в наш родной детский дом. Другого дома у нас не было. Мы знали, что там нас встретят, обогреют и накормят. Надо сказать, что ни разу нам в этом не было отказа.

Я и сейчас с благодарностью кланяюсь житниковцам за их добрые сердца и материнскую заботу об обездоленных войной детях.

г. Курган

**Зинаида Соколова
(Дьяченко)**

ОДНА ИЗ СЕМИ ТЫСЯЧ

Я одна из тех семи тысяч детей города Ленинграда, которые нашли второй родной дом в курганских городах и селах.

Большое спасибо всем архивистам города Кургана и области за то, что они нашли, и я получила копию учетной карточки на воспитанницу Чернавского детского интерната Соколову Зинаиду Александровну. Это помогло мне установить подлинный год рождения.

Во время войны я была маленькой, поэтому не все помню. Ехала в темном вагоне с маленьким окошком. Хорошо помню, что ходила босиком в местной речке с прозрачной водой. В ней было много раков, они плавали медленно и прятались под камнями. Я поймала одного, потом положила на горячую плиту, и зеленый рак сразу превратился в красного.

Помню, как кто-то дал нам жмых, мы его с удовольствием ели, и было очень вкусно. Летом собирали цветы, потом наклеивали их, укладывали рисунки разных зверей, которые получались красивыми.

Мне было сложнее, чем всем остальным детям, – я была одна глухонемая среди слышащих. Но все ко мне относились хорошо, по-доброму. А директор детского дома подарила мне куклу.

Я помню хорошее, а плохого, мне кажется, и не было в детском доме в Курганской области.

В 1950 году меня разыскала бабушка Мария Калистратовна Горина. Через четыре года она к моему несчастью умерла.

Узнала я и о судьбе моих родителей. Они умерли в блокадном Ленинграде в 1942 году и похоронены на Пискаревском кладбище.

После войны я росла в детском доме среди слышащих в Новгородской области, потом училась в школе-интернате для глухих.

С 1957 года живу в родном Ленинграде. Работала швеей, слесарем-сборщиком. Все время работала по совести, имею сорок лет трудового стажа.

Теперь я пенсионерка, ветеран труда. Одинокой себя не чувствую, потому что часто приходит сын Виталий с моей любимой внучкой Яной.

Меня признали уроженкой и жительницей блокадного Ленинграда, вручили соответствующий знак и удостоверение, медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Где-то в уголке памяти светлым пятнышком находится кусочек жизни маленькой, но не брошенной добрыми людьми из Зауралья ленинградской девочки.

г. Санкт-Петербург

Виктор Потанин

БОРЯ – МАЛЕНЬКИЙ И ДРУГИЕ

Давно уже собирался о них написать. Но сборы всегда затягивались, да и мучило сомнение — сумею ли? Ведь нужны особенные слова! А где они?... Вот если бы сказать об этом стихами! Но стихами не суждено — не владею... Да и можно ли лучше, чем у Ахматовой? Вы помните: «А вы, мои друзья последнего призыва! Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена. Над вашей памятью не стыть плакучей ивой, а крикнуть на весь мир все ваши имена!» Я не могу читать это без спазма в горле. Но вы найдите человека, который может... Впрочем, самое сильное в этом стихотворении — это все же конец. Он, как набат! Как заклинание! Как разговор с собственным сердцем!

«Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами — живые с мертвыми: для славы мертвых нет». Как это пронзительно точно — и о мертвых, и о живых... Но я могу писать, имею право, только о живых. И о том, конечно, что видел, что пережил вместе с ними в ту холодную зиму сорок второго... И все-таки шли месяцы, годы, а я все не решался. Иногда даже садился за стол, брал в руки листочек и писал на нем несколько слов, предложений, но дальше дело не шло. Слова были какие-то хилые, без дыхания. И я себя ненавидел, не находил себе ме-

ста. А потом и вовсе потерял веру: наверное, не суждено мне, не суждено. Но вот недавно. Впрочем, расскажу все по порядку.

I

Недавно, выступая в одной из курганских школ, я вдруг стал вспоминать свое детство, военные годы. А началось неожиданно: одна бойкая пятиклассница с узкими глазенками, как у лисенка, спросила меня в упор:

— А вы в войну у партизан были?

— Что ты, милая! — поразился я до испуга. — В войну мне было всего... всего восемь лет.

— Но вы же седой... — В классе все засмеялись, а девочка-лисенок обиделась:

— Надо же, не спросить...

И мне захотелось ее утешить. Но я не успел — отвлек мальчик с передней парты. Он выглядел независимо.

— А магнитофоны у вас в войну были? Расскажите, какая марка?

— Да что ты?! — я почти закричал на весь класс. И почувствовал, что бледнею. Стало жарко в груди. — У нас и бумаги-то настоящей не было. Да, да! И бумаги... Мы писали на старых газетах, обертках. И поголодать пришлось. И мерзлую картошку попробовать, и щи из крапивы... А чернила мы наводили из сажи. А карандаши сэкономили: каждый карандаш резали на три части. Потом делили между собой...

Но договорить я не сумел. В классе сделалось шумно. Я поднял голову и посмотрел вперед. Посмотрел — и сжался от боли: меня же почти не слушали! Каждый был занят собой: один заполнял дневничок, другой нетерпеливо покашливал, третий меланхолично смотрел в окно. И глаза были пустые, холодные. Их мало занимали мои слова — как будто я рассказывал им о далекой эпохе наполеоновских войн. Можно слушать, а мож-

но и прочитать на двадцатой странице в учебнике... И во мне все поникло, я себя ненавидел. Я для них сейчас — скучный дяденька-резонер. Но почему? И тут на выручку мне бросилась та бойкая — лисенок.

— А у вас в деревне была музыкальная школа?

— В войну, что ли?

— Аха. — Она оглянулась беспомощно, ожидая поддержки. Но класс шумел, и тогда я стал отвечать одной ей, только ей...

— Такой школы, конечно, не было. А вот патефон у нас был. Привезли с собой ленинградцы. Эвакуированные...

— А что такое эвакуированные? — Опять этот лисенок. Она смотрела в упор и ждала ответа. И я что-то буркнул и стал прощаться. Это походило на бегство. Но я не хотел больше говорить в пустоту. Да и день был ясный, протяжный, на небе ни облачка. И там, в вышине, кружились беззаботные голуби. И я им позавидовал — им хорошо, им легко, остались на земле все невзгоды, печали, а впереди — только воля и небо, у которого ни конца, ни начала. И кажется, будет вечной эта синева, этот полет.

И пока шел до дома, болела и страдала душа. Ну почему же им безразлично?

Ну почему, почему?.. И эти вопросы давили, как камень. И ничего меня не радовало, не утешало. А ведь должно бы, должно бы... Ведь через три дня вступал Новый год, и везде стояло голубое сиянье. Оно было всюду: и на земле, и на небе. Оно шло и от елки на нашей площади, и от витрин магазинов, и от улыбок. И от надежды, которая в эти дни запрятана в каждом взгляде. Даже у голубей чудесное настроение, ведь скоро будет тепло и прибавится день. Даже птицы! А что уж там люди... А мне все равно тяжело. Ну почему, почему же им все безразлично?.. Почему я сбежал от них, почему?..

Эти вопросы не отпускали и ночью. И я уже корил себя, не прощал, что не рассказал в школе о ленинградцах, — но ведь опять бы, наверное, не слушали, не поверили... И в этот миг в соседней комнате вдруг ожило пианино! Моя Катя играла Шопена. Точнее, не играла, а жила им, страдала. И это страдание взяло меня в долгий и бесконечный плен, и моя душа и музыка уже жили вместе и скоро они слились в один медленный и чудесный звук, но успокоенье не приходило... Нет, не может наша надежда без памяти прошлого. Не может...

Вот она сейчас рядом — моя дочь — на расстоянии дыхания. Вот она сидит, играет Шопена в теплой уютной квартире, а ведь она тоже могла бы быть среди них, среди нас, родись бы пораньше. «Да, могла бы, могла бы, — стучит мое сердце, волнуется. — Могла бы...» Сердце бьется глухо, толчками, потому что знает еще какую-то свою, самую последнюю правду. Она, видно, осталась там, далеко-далеко, в холодных военных метелях. В той разутой и раздетой деревне, которая приютила тогда ленинградских сироток. Они называли себя эвакуированными, но мы их всегда называли сиротами. Они обижались на это, но что их обиды. Если они уже испытали самое страшное — и блокаду, и немецкие пули. Если их имена стоят уже в классном журнале моей родной школы... «Да что там имена! Ведь все равно — вы с нами! Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...»

II

Нет, сильнее уже не скажешь — «багряный хлынул свет...» Стал повторять эти слова, но перехватило в груди. Я от боли зажмурился. И в этот миг вдруг увидел их. И почему-то в первых рядах поднимался Вовка Адалечкин. Почему он? Я не знаю. Может, потому, что был самый шумный, веселый. И главный выдумщик, заводи-

ла. А может быть, потому, что он нас слегка презирал. Я как сейчас вижу — Вовка усмехнется и вытянет губу: «Да что вы тут видели? Сено-солома...» И он был прав. Я, например, в то время не видел еще ни города, ни паровоза, даже и на машине-то в кабинке не ездил. А за Вовкой был Ленинград. Вовка уверял, что в одном ленинградском доме поместилась бы вся наша деревня Утятка. И мы ему верили, мы завидовали...

Вот Адалечкин бежит к классной доске, а ведь его не вызывали. Но что ему — он же ленинградец. Им все можно — они же сиротки... Это Вовка-то сирота? Совсем не похоже! Вот он стоит у доски и жестикулирует, закатывает глаза. Потом встает на руки и так ходит по классу. Мы хохочем, а он счастливый. А наша учительница стоит в сторонке и вытирает слезы. Ей и жалко его, и обидно: ну разве можно так, на руках? А потом Вовка хватает мел и начинает рисовать на доске. Это карикатуры на всех нас. И как похоже! А ведь он знает класс всего неделю. Но сколько же дней в неделе?

Да, ровно семь дней назад мы их встречали. Стоял мороз, а сверху с неба падали мертвые, застывшие птицы. Теперь уж таких морозов не будет, и такого горя тоже не будет... А потом на дороге показался автобус. Он шел медленно, почти крадучись, еле-еле пробивая сугробы. И вот открылась дверка, и в проеме двери показалась наша директор школы Варвара Степановна Иванова. Вид у нее был уставший, замученный. От Кургана до нашей Утятки они ехали почти восемь часов. Это сорок-то километров! Но дороги не было, ехали по снежной целине...

А потом показались и ребяташки. Некоторых выносили прямо на руках - пугливые несчастные глаза, серые щеки. Много было больных, покалеченных. Блокада сделала свое дело. Да и ехали долго: от Ленинграда до Кургана добирались около месяца. Вагоны были

продувные, холодные... И у нас отойдут ли они, согреются?

И вот уже отошли душой, согрелись. А Вовка Адалечкин уже смешит целый класс. Учительница смотрит на него умоляюще, а потом обращается к нам:

— Ребята, мы должны любить наших новеньких, не обижать... Мы пришли им на выручку в трудный час...

И в это время гремит звонок. Вовка Адалечкин машет руками, а потом выскакивает в коридор. Мы следим за ним — все-таки новенький. В коридоре он встречается со своей подружкой Лидочкой Костиковой, мы ее видим уже неделю, но привыкнуть не можем... Она такая печальная, жалкая. Позвоночник у ней изуродован — то ли пуля, то ли контузия. А в глазах все время играют искорки — кажется, она зла на весь мир. Вот они стоят рядом и шепчутся. Два маленьких заговорщика. Вовка дает ей какое-то задание — Лидочка кивает головой, соглашается. Скажу сразу об этом задании: Вовка просит насыпать в питьевой бочок бертолетовой соли. Мы об этом, конечно, не знали еще, не догадывались. Поэтому и пили без всякого опасения. Раз стоит вода — почему не пить... И вот прошел час, может, меньше — и начался ад. В животе — прямо огонь, и он готов спалить заживо. И на следующий день пришла та же казнь: желудок лезет в горло, и нет дыхания. Один Адалечкин не болеет. Это его и выдало... Как они были изобретательны! И как несчастны!

А через несколько дней мы узнали, что все родные у Лиды и Вовки погибли. Все, все! Невозможно представить. Вот почему, наверное, и мстили нам наши новенькие... За то, что мы не слышали свиста бомб, за то, что жили мы так далеко-далеко от войны... И за то, что тогда совсем не про нас писали стихи. И какие!.. «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...» Да, так и было! Они шли и шли вперед. И мы с ними... И каждый чувствовал

плечо другого. И одно дыхание переходило в другое, а потом все дальше и дальше... И так до тех пор, пока недоверие не сменилось любовью. Спасибо им за эту любовь!

III

Спасибо тебе, Боря Смирнов, за то, что мы узнали тебя, а через тебя — Ленинград. Ведь города — это люди, которые живут там. Если люди живут хорошие, добрые, значит, хорошие и города...

Но мы его звали почему-то не Боря, а Боренька. Но чаще всего — Боря-маленький. Хорошо помню: он так притягательно улыбался. И глаза его всегда излучали какой-то свет, нет, не свет даже — сиянье. Я не видел никогда больше такого взгляда. А иногда он задумывался и как бы начинал вспоминать. Но о чем он? И как старело, как менялось лицо. Не то ребенок, не то старичок. И если бы не глаза...

Но на кого же он походил всегда? Да, тяжелый вопрос. Но еще тяжелее сейчас признаться, потому что мне он всегда напоминал деревянную чурочку: голова слилась с туловищем, а вот ног не видать. Так и было: наш Боренька Смирнов жил без ног. Когда везли в эшелоне, он их отморозил. И пока добирались до Кургана, началось воспаление, гангрена. И если бы ноги не ампутировали, Боря бы умер. Врачи в Кургане пообещали ему, утешили: «У тебя, мальчик, еще вырастут ножки. Вот пройдет два года, и они снова появятся. И ты побежишь на своих...» Это была ложь во спасение, но я за это не осуждаю. К тому же Боря врачам поверил.

А пока в школьной мастерской ему сделали тележку на железных колесиках. Я помню, как Боренька привыкал к ней. Но как привыкнуть! Вначале его привязывали к тележке тугим полотенцем и просили отталкиваться деревянными рычажками. Но он терял равновесие и начинал сразу хныкать, поскуливать, точно ребенок. А

он и так был ребенок: Бореньке Смирнову исполнилось только четыре года. Только четыре, а уже — лицо старичка.

И все-таки Боренькина тележка поехала. Мы привязали к ней за самый мысик веревочку — и покатила телега, поехала. У Бореньки сияют глаза и смеются. И мы тоже смеемся.

Но больше всего мы любили его таскать на руках. Прижмем его к груди и бежим в лес или купаться — к Тоболу. Боренька лежит беспокойно и громко дышит. Я и сейчас помню, как на груди у меня бьется что-то горячее, жаркое... И чуть слышно поскрипывают зубки от нетерпения. И сияют глаза. Как он любил лес и поле! Но еще больше он любил спрашивать, пытаться встречного человека: «Тетенька, посмотри внизу — у меня ножки не показались?» И если встречающая оказывалась умной, догадливой, то всегда отвечала: «Показались, Боренька, показались...» И он сразу смеялся, что-то бормотал про себя и снова смеялся... Святая, добрая душа. Где ты теперь? И жива ли? Но кто-то мне отвечает: едва ли жива... А я не верю. Нет, не верю! Как не верю и в тот самый страшный день. Самый страшный за всю войну. Но я расскажу об этом позднее, позднее. К тому же в нашем классе сегодня новенькая. Она приехала к нам вместе с мамой — ленинградской учительницей. Мария Николаевна будет преподавать в старших классах химию и биологию. А к нам, к самым младшим, она привела свою дочь. Сказать точнее — Ната Долинская сама к нам пришла. Открыла классную дверь — и вот уже стоит на пороге. И мы не можем отвести глаз от новенькой. И такая сделалась тишина, как перед сильным дождем. Долго ждали и дождались. Но разве ждали мы?... Разве ждешь ведро, когда ненастье с утра до вечера. И вот еще день прошел, а потом еще и еще.

Но ничего не меняется: с самого утра опять дождь, опять хмарь. И уже кажется, так будет всегда, даже навечно. Но вот что-то промелькнуло там, наверху, что-то треснуло, — и в эту трещину хлынул луч. Да такой сильный, пронзительный, даже больно глазам. Так и мы: все смотрели на Нату, не верили. Неужели она к нам? Неужели?.. Новенькая что-то поняла и опустила голову. Но все равно... Все равно мы уже все влюбились в нее и потеряли покой. И вот прошел месяц, потом еще месяц, и только теперь мы поверили, что Ната учится с нами, что можно даже заговорить с ней, можно даже потрогать ее косички. Да, потрогать, чтобы понять, что это не сон. Ведь такие лица, такие глаза, такие волосы бывают только во сне. Их нельзя описать, их даже нельзя представить. Одним словом — чудо и красота...

И вот однажды закончилось чудо: в конце войны Долинские уехали в Ленинград. Я не помню тот день, потому что все взяло горе. И никого не хотелось видеть, даже мать с бабушкой не хотелось... И чтоб ни с кем не встречаться, я спрятался в пригон у коровы. Да что уж там спрятался... Я просто упал на сухое сено и разрыдался. Я стонал и вытирал слезы, но они не кончались. А потом сделалось еще хуже, больнее. Да что говорить — мне уж жить не хотелось, я себя ненавидел. И чтоб прекратить эту боль, стал биться затылком о жерди. Не помогло, только напугалась корова. Она начала мычать, поднимать рога, а потом наклонилась ко мне и стала облизывать щеки. Язык у ней был твердый, шершавый... И вдруг дошло до меня: если Ната уехала, значит, скоро и все они, ленинградцы, тоже уедут. Уедут, бросят нашу Утятку, уедут! И опять стало горько, невыносимо. И опять из глаз — слезы. Хорошо, хоть никто не видел. Совсем распустил себя, как девчонка... И опять надо мной задышала корова, Манька, наверно, жалела меня, ну, конечно, жалела. И я уже тоже жалел

себя. Жалел, приговаривал: «Никому ты теперь не нужен, совсем никому... Вот они скоро запакуют рюкзачки, чемоданы, потом помашут на прощанье руками... Помашут тебе, а ты-то останешься. И так будут идти год за годом, а ты все будешь жить в этой голодной и холодной деревне, в этих глубоких снегах — сугробах, будешь жить одиноким сироткой...» И это последнее было правдой. Горькой и безутешной правдой, ведь судьба наградила нас уже двумя похоронками: от моего отца и от дяди Жени, родного брата матери. Он погиб там, откуда они приехали. Под Ленинградом нашла его смерть... И теперь нам некого ждать, совсем некого... А потом вдруг пришло забытье. Очнулся я от голоса бабушки. Она сидела рядом со мной и поругивала корову: «Ну че ты такая лямзя. Неуж не видишь, как парень-то наш убивается. Да че же такое с ним, почему?.. Да ты бы хоть, внучок, мне намекнул...» — это уже ко мне обращается, это ко мне идет ее голосок. И этот медленный голосок, как награда.

Но самый лучший голос из всех был все же у Вали Руденко. Как сейчас вижу: вечер, горит лампа-семиленнойка. Мы сидим в классе, притихли. Из интерната принесли материал — голубые и зеленые лоскуточки. Вот из них мы нарезаем носовые платки, шьем кисеты. Тут же сооружаем посылку. Она получилась на славу. Местные, деревенские принесли несколько пар носков, рукавичек. В эти рукавички вкладывали свои письма-послания — «дорогому бойцу на память...» Здесь же ребята-художники выпускали бюллетень «Все для фронта». В нем мы печатали разные новости: писали и об успеваемости за неделю, и о сдаче металлолома, и о делах тимуровских, и о нашей помощи родному колхозу... Но особенно много писали о сдаче металлолома. По этим делам Утятская школа занимала одно из первых мест по Сибири. О своих успехах мы рапортовали товарищу Сталину. Он откликнулся и послал ответную

телеграмму-благодарность на имя Бориса Волкова, Анны Сомусевой и директора школы Варвары Степановны Ивановой. В телеграмме стояло несколько слов: «Ваш металлолом пойдет на строительство танков...»

В посылки мы часто вкладывали сухую морковку и семечки, — пощелкай, мол, далекий боец, наш утятский подсолнух. И вот уж в лампе керосин выгорел, и фитилек стал дымить, колебаться, а мы все не расходимся. И вот в наступившей тишине начинается песня. Она громкая и внезапная. Она берет прямо за душу, и ты уже не можешь вырваться из этого плена, да и за чем... Ведь тебе так хорошо, так чудесно, только немного печально. У Вали Руденко был удивительный голос, только все же печальный. Ну и пусть, пусть. Я уж давно заметил, что самый хороший, замечательный голос, о чем бы он ни пел, о чем бы ни рассказывал в своей песне, всегда оставляет после себя печаль и какую-то тайну. И всегда, почти всегда разгадать это совсем невозможно. Наверное, не знает ее и сам певец. Просто тайна эта в самой крови его, в его дыхании, в самой жизни его — в судьбе... Как-то сразу после войны в наш Курган приезжал Сергей Лемешев. Я был на этом концерте, слушал это пение, но лучше бы не был, лучше бы не слушал. Помню: после этого концерта в моем городе вдруг все изменилось. Я шел тогда домой и не узнавал своих улиц и переулков. Все стало каким-то маленьким, низеньким, каким-то даже горестным и пустышным. И своя личная жизнь тоже почему-то сжалась и потускнела. И сразу же поселились в душе вопросы: «Ну почему ты сам такой серенький, бесталанный? Да и зачем ты родился на белый свет? Для чего?» И было так горько, хоть накладывай на себя руки. Но все равно, когда прошел тот внезапный порыв, захотелось сделаться другим, совсем другим человеком... И сделать что-то хорошее людям.

А что именно сделать — я не знал. Но все равно это желание уже жило во мне, просилось на волю. Еще миг — и оно вырвется, выпорхнет, как птенчик из-под скорлупки. И, наверное, потому так напрягалась, так томилась душа. Ведь ей всегда нелегко — нашей душе. Особенно, когда рядом жил, звенел такой голос. Да, очень чудесно, очень пронзительно пела Валя Руденко. И все же в ее голосе время от времени поднималась печаль. Наверное, Валя тосковала о доме: о Ленинграде, о своих близких, которых разметала блокада, тосковала о всей своей жизни, которая начиналась в такой горе, в мучениях... И все же печаль длилась недолго. Сквозь нее пробивалась надежда — особенно тогда, когда Валя стала петь народные полтавские песни. И ее голос в это время уже не томился, не плакал, а наоборот, звенел, поднимался все выше и выше. Нам казалось, что звенит колокольчик... Он и сейчас все еще звенит во мне долгим серебряным звоном. И на этом звоне — на этом колокольчике — можно бы и поставить точку в нашем рассказе, но я все же продолжу. Да и виноват Новый год, а может, и этот Шопен со своей замечательной музыкой, которая закинула душу на самые облака. А совсем близко, почти под самыми окнами, поднималось к небу огромное сияние — это горела в огнях городская елка. Я засмотрелся на нее, на это голубое, зеленое, на это невыразимое пламя, а сам уже... все вспоминал, вспоминал ту далекую елку сорок третьего года. И ту холодную зиму, и те снега, которые заметали с головой деревенские крыши. И чтоб вырваться из дома, надо было сначала откопать дверь, потом сделать в снегу проходы, а потом уж только открыть ворота: «Эй, живые кто, выходите!» Но не все уже были живые. На моих глазах привезли в интернат двух девочек-близнецов. Они местные, из нашей деревни. Конечно же, Утятский интернат создали в первую очередь для приезжих, но в крайних случаях здесь принимали и де-

ревенских. А близнецы — крайний случай. Девочки были дочери колхозницы Феклы Поповой. Она умерла недавно от истощения. А девочки тоже — прямо скелетики. Но дыханье еще есть и глазенки моргают, может, и повезет им — поправятся...

На моих глазах провезли на санках старушку — мать колхозницы Екатерины Поповой. Гроба нет, тело прикрыто рогожкой. И одежды на теле нет — пригодилась рогожка. А то, что без гроба, — это привычно. В деревне давно нет ни досок, ни дров, а в печки суют только мерзлый кизяк. А от него — один дым.

И чад... «Ничего, перетерпим, — говорят старики. — На фронте еще хуже, тяжелее...»

А с фронта идут одни похоронки. Только за последние месяцы сколько их: погиб Александр Шевалдышев — у жены Антонины пятеро ребятишек; погиб Дмитрий Луканин — в семье тоже пятеро малышей; погиб Кузьма Трубин, а его дети Николай, Анна и Виктор, говорят, уже опухли с голоду, и в доме холодина. Выживут ли? Не буду гадать... Сгорел в танке Иван Репин, сгорел в самолете Яков Менщиков, умер от ран Новгородов Василий... Принесли похоронную и на школьного математика Анатолия Петровича Макарова. Оставил сиротами четырех детей. Зато в семье еще осталось ружье. Жена учителя, Анастасия Михайловна, стреляет из ружья ворон и сорок. Это для семьи — основное питание. Сидишь, бывало, дома и вдруг под самыми окнами — хлоп!

Ружье не ружье — даже страшно. А бабушка моя только вздохнет и головой покачает: «Еще одной вороны на свете нет. А тоже ведь была живая душа. Ничего, Анастасия Михайловна, вот январь проживем, а там уж полегче. И морозы, может, убавятся...» — Это бабушка обращалась к хозяйке ружья, но та ее, конечно, не слышала.

А январь начинался с елки. И тот далекий год, сорок третий, тоже начинался с нарядной елки, на которую пригласили нас ленинградцы. Какие они счастливые, эти приезжие! У них в интернате и елка лучше, чем в школе, у них и патефон играет, у них даже дают подарки...

И вот началось! Я пришел сюда вместе с бабушкой, а все равно — страшновато. Да и пугает сильная тишина. Людей много, но все молчат. Но вот патефон играет песню о Ленинграде, и нас приглашают в большую комнату. Мы входим туда и замираем: елка горит от игрушек, от блесков, на ней — различные фигурки из дерева, разноцветные шишки, шары. Говорят, что она была еще лучше, красивее. Приезжие наделали много бумажных цепей и покрасили их в золотые цвета, но приехал инспектор из района и велел все цепи убрать. Он сказал, что цепи — символ закабаления. Но и без цепей зеленая красавица хороша! И все равно кругом тихо, мы почему-то даже боимся дышать. Но зато наши глаза! Они все видят, все замечают и следят за движением хозяев. Они стоят пока почему-то отдельно. Вот они — целый ряд: впереди всех директор интерната Назарова Антонина Владимировна, рядом с ней воспитатели Фаина Ароновна Корман и ее сестра Раиса Ароновна, а возле них, переминаясь на раненых ногах, стоит недавний фронтовик Батиков Илья Васильевич... А по другую сторону комнаты сошлись вместе директор школы, наша любимая учительница немецкого языка Анна Васильевна Котова и моя мать — завуч школы, Потанина Анна Тимофеевна... А посреди комнаты, почти в метре от елки стоят те, ради которых и намечается торжество. Здесь и Юра Юдин, и Лотта Корман, самая знаменитая отличница в нашей школе, а рядом с ними улыбаются два брата Николаевых со своей сестренкой Валенькой. Ей всего лет шесть или семь, а братья постарше. Рядом с Николаевыми стоит вся пунцовая Валя

Руденко, наша артистка. Ей много петь сегодня, и она очень волнуется. Чуть поодаль — Люся Елифанова, тоненькая, худенькая, похожая на стебелек травы. А дальше располагаются кучкой все деревенские — и ребятишки, и взрослые. У многих на руках даже грудные дети, совсем малышня. Их берут в надежде на дополнительный подарок. Так потом и случается — самым маленьким из гостей дается больше всего... Как это правильно и хорошо. Так будет и сегодня, обязательно будет. И вот все мы ждем и томимся: до открытия елки еще полчаса. Как это долго, невыносимо. И чтоб скоротать время, я наблюдаю за матерью. Ее глаза блестят и все замечают. Я не знал тогда, что она ведет дневничок. Да если и узнал бы, то не понял бы, зачем тратить время на эти странички. Конечно, не понял бы. А вот недавно, перебирая старые бумаги и фотографии, я нашел ту тетрадку. Открыл — и уже не мог оторваться. Простые слова, а сжимается горло. Неужели это было когда-то, неужели пережили такое! И неужели столько горя, страданий... Но мать писала и о хорошем, и о счастливом, и о надеждах. Особенно, конечно, о надеждах, ведь хотелось дожить до победы. Я читал и думал: «Откуда они брали силы, откуда?». Но давайте вместе со мной еще раз заглянем в тот дневничок, ведь до открытия елки еще полчаса, и у нас много времени, очень много...

IV

Мать писала и о своей семье, и о школе, много на этих страницах и о приезжих. Да, да, о тех, кто стоял у нашей елки в самом первом ряду... Мать писала: «У нас в школе праздник — приехали ленинградцы. Вместе с детьми приехали и воспитатели — учителя из города Ленинграда. Мы смотрели на их, как на чудо, как на какое-то откровение, ведь они ходили по улицам, которые видели живого Пушкина, Блока. Они дышали воз-

духом Эрмитажа... Какие они счастливые! И какие несчастные, ведь им придется жить в наших снегах и метелях. Как-то им поживется, да и отойдут ли от тяжелой дороги... Но главное, конечно, не в этом, а в нашем волнении. Привыкнем ли мы к ним, сработаемся ли?.. Но мои сомнения, кажется, напрасны. Вчера в школу заходила Антонина Владимировна Назарова — директор интерната. Она просила за своего сына Толю. Его надо устроить во второй класс.

В школе была большая перемена, и все окружили гостью — и учителя, и ребяташки. Антонина Владимировна для каждого находила хорошее слово. Это выглядело от души — сердечно и просто. Она и внешне понравилась нам, заорожила. Особенно запомнились волосы: они у нее под цвет спелой соломы. И коротко подстрижены, чтоб не мешали. И глаза ее тоже всех поразили: они большие, открытые, с каким-то особенным блеском. Кто-то сказал из нас: как у артистки... И я тоже так считаю. А вот голос у Назаровой грубоватый, с мужской хрипотцой и твердыми нотками. И во всей фигуре слышится тоже какая-то неженская сила. Да и одежда на нашей гостье особенная: дубленый полушубок, на голове шапка-ушанка, а стеганые брюки заправлены в серые плотные валенки. Ни один мороз не возьмет. Так и надо по нашей погоде. Мы слышали, что до войны она была депутатом Ленинградского городского Совета. Антонина Владимировна этот слух подтвердила.

Вместе с Назаровой приехала Фаина Ароновна Корман. На вид ей уже лет тридцать, но можно дать и побольше. Причина, конечно, — война. Волосы, когда-то очень темные и волнистые, теперь совсем поседели. И глаза смотрят внимательно, исподлобья — и в них застыло что-то печальное, горькое. Глаза видят, как говорится, насквозь. Но бывает, что в глазах у нее — радостно и светло. В это время глаза смотрят на дочку.

Лотта у нее — красавица, умница. С первых дней она стала гордостью школы.

Фаина Ароновна оказалась чудесным воспитателем. Каждый день она бывает в школе. Часто присутствует на уроках в классах, где учатся ленинградские дети. С большим тактом потом разбирает уроки. Это, конечно, большая помощь местным учителям. Да что говорить! С интернатом у школы — прекрасная связь. Мы живем как одна семья. Как братья и сестры: один за всех, и все за одного...

Часто бывает в школе и завуч интерната Мария Никаноровна Долинская. Ах, какой это человек! Такие люди бывают, наверное, только в Ленинграде. В наших краях я таких еще не видала. Ничем природа ее не обидела, наградила с избытком. И душа, и лицо, и голос!.. Все бы смотрел на нее, любовался. Вот она, стоит прямо в глазах: высокая, слегка полноватая, с красиво подстриженными каштановыми волосами, а кожа на лице, как говорят, кровь с молоком! И всегда Мария Никаноровна веселая и смеющаяся: горе — не горе, мол, и беда — не беда. От нее постоянно шел какой-то пронзительный свет доброты, сострадания. Даже не передать мне — надо видеть ее лицо... И голос мягкий, податливый. Говорит она быстро, слегка запинаясь, и в это время сияют глаза, притягивают. Такой голос, такие глаза бывают только у добрых людей. Так и есть! Всех любит Мария Никаноровна и всех жалеет, и всем хочет помочь. Такая же и дочка у нее — наша ненаглядная Наточка. Ее у нас все знают и любят.

А дел у Марии Никаноровны — целые горы. Она и в школе у нас, она и в интернате. И любая работа у ней ладится и со всеми живет в согласии. А для ребятешек — просто как мать. Она знает абсолютно все о каждом своем воспитаннике: черты характера, склонности, увлечения. Много доброго она сделала и для местных детей. К примеру, были сверху строгие указания: все спи-

санные интернатские вещи рубить или даже сжигать. Но завуч пошла на нарушения: стала списанную одежду раздавать утятским ребятишкам. А те и рады: ведь ходят в школу в ремье...

Вот, кажется, обо всех воспитателях я рассказала... Но нет, нет, все-таки не обо всех. Я совсем забыла Раису Ароновну Корман. Их ведь двое у нас сестер: старшая — Фаина Ароновна, а младшая — Раиса. Так вот младшая — такая мастерица, такой организатор! Она и песни разучивает с ребятишками, она и книги читает вслух. Она и художница, рукодельница. Недавно елку стали наряжать, так просто любо смотреть на Раису Ароновну. Она и куклы мастерит, и какие-то цепочки, кораблики... А елку привез нам из бору наш школьный конюх Карпей Васильевич. И вот уж наша елочка одета и разукрашена и ждет, поджидает гостей...»

И теперь давайте на этом прервемся. Закроем на время нашу тетрадку. Да и прошли уже те полчаса, и скоро-скоро начнется праздник.

V

И вот уж начался. Варвара Степановна объявляет елку открытой. Мы хлопаем в ладоши, обнимаем друг друга. Какая радость! Какая елка! А потом объявляют концерт. И опять поют песню о Ленинграде, читают стихи. Меня тоже просят выйти поближе к елке, — и я читаю стихи Пушкина о зиме. Читаю громко, до боли в горле, но мне кажется, что так и надо читать стихи. А после меня уж поет Валя Руденко. Это чудо! Если б вы слышали, как она пела... Звонит колокольчик, звонит чистое серебро и навеивает вам сны. У многих в руках платочки, и они осторожно вытирают глаза. А Валя все поет и поет. Где же она сейчас? Где звонит это серебро-колокольчик?.. Много бы я дал, чтобы знать.

Прошел еще час, и закончился новогодний концерт. Сколько же он длился?! Показалось, всего миг... Все

дорогое, хорошее продолжается всего только миг... А время ведь уже позднее — надо домой. Школьный конюх Карпей Васильевич запрягает нашу Серуху и начинает всех развозить. Это дело серьезное, нужное. У многих из гостей на ногах нет нормальной обуви, а на дворе мороз.

И вот доходит очередь до меня. Мы залазим с бабушкой в коробушку, Карпей Васильевич щелкает кнутиком — и вперед. Скрипят полозья, сверкают снега. Я смотрю на луну, и мне кажется, что там ходят какие-то люди, но мне не страшно. Наоборот, мне весело, мне хорошо, да и угостили нас ленинградцы на славу. Даже булочки были из настоящей муки. Да и концерт понравился, и самому пришлось выступить, и мне все хлопали... Как хорошо! Сверкают снега. А в горле у меня — спазм от волнения, да и бабушка рядом. Она укрывает мне ноги шалью, а сама что-то шепчет. Может, молитвы за спасенье тех, кто сейчас в ленинградских снегах. «Ты б, Женя, горло-то свое получше закутывал, а то морозец хватается... Ну, Женя, прямо не знаю, — я тебе шаль свою отдала, а ты от нее отделаться хочешь, а ноги-то уж, наверно, как глызки. Нехорошо так, ишь какой непокорный. Вот вырастешь — и управы не будет...» А я слушаю бабушку и улыбаюсь. Ну какой же я Женя? Так зовут ее сына, на которого недавно пришла похоронка. И вот уже путает нас, а поправить ее не решаюсь... Но мне все равно хорошо. Да и ночь плывет тихая, голубая, совсем новогодняя ночь...

И вот на этой ночи можно бы сейчас и закончить, но мне что-то еще мешает. Я подхожу совсем близко к окну и поднимаю высоко штору. Горит наша елка — пылает до неба. Голубой и зеленый свет. И еще красный, желтый, сиреневый. Счастливый огонь — новогодний огонь... А какой же свет был там, в Ленинграде? Багряный? Да, да, багряный, как кровь... Потому и написал

поэт: «Все на колени, все! Багряный хлынул свет! И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами...».

VI

И в этом ряду я вижу лицо Юры Юдина. Вот оно рядом — можно даже дотронуться. Красивое, ясноглазое, как у капитана Гастелло. Он и душой своей походил на чудесного летчика и так же ненавидел фашистов...

И вот я начал рассказ о Юре, а сам боюсь: сумею ли, хватит ли нервов? Ведь я сказал уже впереди, что у меня был самый страшный день в те далекие годы. Так вот, признаюсь сейчас, этот день связан с Юрой.

Как мы, деревенские, любили его! И как гордились! Нам казалось, что он самый смелый, самый бесстрашный. Ему было лет двенадцать-тринадцать, но мы знали, что он в Ленинграде уже дежурил на крышах и сбрасывал зажигалки. А это ведь те же бомбы...

Он приехал к нам вместе с мамой, и та устроилась в интернате. Работа тяжелая — с утра до ночи на кухне. Она и за повара, и за техничку, а по ночам ухаживала за больными. Вот и сдало сердце, не выдержало... Да и как ему выдержать, когда за плечами блокада. И вот однажды Юра проснулся, а мама не дышит. Он подошел поближе к кровати — не слышно дыхания. Он схватил ее за руку — ладонь была ледяная. И тогда, потрясенный, он закричал и кинулся прямо к двери. Они жили на первом этаже интерната, и Юра выскочил сразу в ограду. Он выбежал раздетый, разутый, в одних тонких носочках. Он не медлил, потому что принял решение. Но что было потом — я не знаю. Одно только помню, как он страшно кричал, как разбудил всю деревню. Его крики услышали в каждой избе, да и как не услышать! Часто говорят: у меня кровь, мол, застыла в жилах. Так и было тогда, так и случилось: во мне тоже кровь остановилась, и пришел страх. Такого страха я никогда не знал еще, не испытывал. И закричать бы надо, но не

Значит, все-таки есть! Значит, оно в том, чтоб однажды после долгой-долгой разлуки вернуться домой. И хорошо, что он есть, что он есть — этот дом! И уж совсем хорошо, что этот дом зовут Ленинград.

Вот на этом великом слове я сейчас и закончу. Как я любил всю жизнь это слово, как я люблю... И пусть проходят месяцы, годы, а это слово все так же сияет для меня, как та елка в том незабываемом сорок третьем... Ленинград, Ленинград... Ты и мужество, ты и сила, ты и детство мое, ты и поэзия — мои самые дорогие, сокровенные строки. Да, это правда... Как-то гостил у меня ленинградский поэт Глеб Горбовский. Мы пили с ним чай из большого белого самовара и читали стихи. Верней, он читал, а я слушал. И вся семья моя слушала, потому что стихи его — наша любовь... А потом мы говорили, вспоминали о разном, и я признался:

— У меня ведь много дорогого связано с твоим городом. И война, и детство, и даже друзья...

— А ты помнишь?.. — вдруг спросил он и стал читать медленно, с придыханием:

Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!

И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —

Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Да, я помнил, хорошо помнил это. И я не забуду! Нет, не забуду! И вот сейчас опять все повторилось: я смотрю в окно, а там тихая звездная ночь. И весь город в огнях. Они в сумраке кажутся какими-то чудесными, ирреальными. И все они — разные: красные, желтые, голубые. Я смотрю на них, а сам все вижу, вспоминаю опять другие огни... и другие глаза. Это глаза моих далеких друзей, глаза ленинградцев. Я никогда не забуду. Да-да, давайте же никогда не забудем их, детей славного Ленинграда! Давайте же! Я обращаюсь к вам, мои земляки. И к вам, мои знакомые и незнакомые школьники, и к тебе, моя бойкая пятиклассница с глазами лисенка. Не забудем и понесем вперед нашу память.

ОТВЕТ НА ПРИЗЫВ ШАДРИНЦЕВ

«Будем по-матерински заботиться о детях!» – Этот призыв шадринцев встретил горячий отклик среди колхозников Плотниковского сельсовета.

В сельхозартели имени Кагановича состоялось общее собрание. Колхозники решили, по примеру шадринцев, взять шефство над интернатом, оказывать всемерную помощь детям, эвакуированным из прифронтовой полосы. Колхоз выделил для интерната двух овец, большое количество молока, овощей. Колхозники сельхозартели «Искра» также берут шефство над интернатом, отдают одну свинью, много овощей.

Большую заботу о детях проявляют колхозники Ялымского сельсовета. Они выделили мясо, молоко, картофель, капусту.

Колхозники Плотниковского и Ялымского сельсоветов решили сделать все для того, чтобы жизнь ребят, находящихся в интернате, была радостной и счастливой.

А. Девятова.

«По сталинскому пути», 25.01.1945 г.

Людмила
Ковязина

СЧАСТЛИВ ТОТ, КОМУ ХВАТАЕТ

Моя мать родом из села Камышное Курганской области. Но судьба ее забросила в город Симферополь. Она работала кормилицей в доме малютки, а я там воспитывалась, пока немцы не подошли.

До сих пор перед глазами сцена прощания с теми, кто оставался, плач взрослых и детей. Нас посадили в кузов машины и повезли в глубь страны.

Немцы нас все же настигли. Мы сидели в погребе, прижавшись друг к другу. Как только перестрелка затихала, по очереди выбирались наверх. Помню крик хозяйки дома, когда ее ранило осколком.

Наши бойцы отогнали противника, освободив дорогу в тыл. Детей вывезли дальше, а мать со мной осталась в станице Екатериновке Краснодарского края: нас приютила одинокая женщина.

Вскоре станицу заняли немцы. За домом хозяйки был двухэтажный дом, раньше в нем размещался сельский совет. В нем немцы устроили штаб.

Мы группой собирались у сарая и наблюдали за суетой чужеземцев. Они забирали все, что им понравится. Нам казалось странным, что немцы связывали овце ноги, укладывали ее на козлы, на которых обычно пи-

лят дрова, выстрелом в шею убивали ее и сдирали шкуру. Станицу они, конечно, разорили.

Как-то вечером мы услышали крики, шум. Не заводилась машина, они ее толкали, ругались, суетились. Утром, когда их не стало, мы поняли, что наши солдаты очистили станицу от захватчиков. В доме, где был штаб, мы нашли булки хлеба, насквозь проеденные мышами. Люди хватали какие-то банки, остатки пищи. В станице уже начался голод, и мы были рады остаткам, которые немцы впопыхах оставили.

Пять лет мы прожили в станице. Мать работала на комбинате, катала валенки. А я варила суп из овса и носила ей на работу. Рецепт простой: потолку овес в ступе, провею на ладонях и сварю эту крупу на воде.

Всегда хотелось есть. Если мать где-то добудет муку и заведет тесто, я несколько раз с ложкой залезу на печь и попробую. Я и сейчас могу есть сырое тесто.

Голод толкал на любые поступки. Как-то я прибралась в доме, намазала пол кизяком, заглянула за плиту – там был суп. Поела его, а чтобы не заметили, зачерпнула ковшиком воды и добавила в суп. Мать после работы наелась супа с запашком, потом мучилась животом, ругала хозяйку. Тогда я призналась. Мать избила меня и выгнала из дома. Ночь темная, мне страшно, плачу. А она закрылась на крючок и не пускает.

Я боялась потерять мать, старалась слушать ее, выполняла любую работу, нянчила чужих детей, пасла скот, варила и носила обеды матери.

Больше всех меня пугали колоски, сбор начинался после уборки, ближе к осени. Объездчики на конях нас гоняли кнутами. Мы убегали и прятались от погони в лесополосу. Мать ругала, посылала, я плакала и шла со всеми. Мать ворчала на меня: «Все люди, как люди, а ты вечно боишься и плачешь». Если принесу, обмолотим, промелем и эту крупу потом варим.

В школу пошла в станице в 9 лет. Ветер по классам гулял, не было стекол, я была самая худая, все мерзла, мне разрешали сидеть в пальто. Писали на газетах и журналах.

Училась я хорошо, меня наградили ботиночками, правда, мальчиковыми, но это неважно, они такие черненькие, блестят! А я до этого ходила в обуви из кошмоката (низ – толстая деревянная подошва, а сверху брезент). Ох, как я берегла свои новенькие ботиночки! К окончанию первого класса школа наградила материалом на платье. Ситец, как помню, белый с цветочками. Когда же мне представилась возможность поехать в лагерь, радости не было конца: наконец-то не надо будет ходить под страхом за колосками. Ехали в лагерь на поезде, на подножке вагона, кондуктор не пустила нас в вагон, сопровождающая нам всем троим говорила: «Держитесь ручонками крепче и не спите, а то упадете». Лагерь Дербенка нам показался раем. Вдоволь ели украинский борщ, в лесополосах были фрукты, нарвем и под кровать. День-два и уже доспели!

Рядом был базарчик, некоторые выменивали свои вещи на желаемую еду. Я же сохранила свою смену белья, но в поезде на обратном пути мой узелок украли.

Голод заставил многих завербоваться на лесозаготовку в Свердловскую область на станцию Синарская. Мать тоже решила на это, тем более это приближало ее к родственникам, которые жили в Курганской области. Ехали в вагонах, в которых перевозили груз, скот. На подъемные деньги покупали продукты, варили на керосинках, стояли долго на станциях, пока не подцепит какой-то попутный паровоз, спали на соломе.

Два года по контракту мы прожили в селе Первомайском, жили в бараках, была школа, я закончила 3 и 4 класс. Хлеб выдавали по карточкам, в определенные часы. Мы с подружкой решили спрятаться за магазин (стыдно все же было), а как выйдет человек с довес-

ком хлеба, толкали друг друга, кто попросит. Были случаи, что и давали, хотя всем было жить несладко. Летом, когда я на каникулах, мать отправляла меня в деревню в няньки. Я следила за ребенком, варила, кормила, убиралась, заработала чулки и калоши. Но когда меня напугал хозяин ночью, я схватила заработанное и по шпалам бежала 5 километров в рабочий поселок, где мы жили в бараках. Меня приютила соседка и целый месяц кормила, пока мать не вернулась из Кургана, ей надо было увидеться с родными и решить вопрос жилья. Летом 1950 года срок вербовки закончился, и мы уехали в село Камышное.

Село Камышное мне нравилось: большое, речка с запрудой. Но со школой не повезло. Ходили за 7 километров в село Утятское. Летом работала в колхозе. Любила сенокос. Люди всегда шли на него, как на праздник: в белых кофточках, белых платочках, с собой брали бутылку молока, которую закапывали на берегу озера под кустик.

Стан всегда был у озера, у воды. Колхоз выделял мясо, картошку, хлеб и повара, к обеду всех созывали, ели все вместе, а потом немного отдыха, купались, песни пели. В свои 13-14 лет я стояла на стоге, принимая сено, сама на граблях ездил, копнила и подвозила на лошади сено к стогу, поднимала навильники сена наравне со взрослыми. Обрато с сенокоса ехали на телеге и во весь голос пели русские народные песни. Я многому научилась от взрослых.

До сих пор помню запах сена, чистую воду озер, лилии, белые и желтые, рыбалку, тройную уху, полевой лук.

Заканчивался сенокос – начиналась уборка хлеба. Сам председатель сельсовета в окно стучал: «Людмила, не проспи!»

Грузили ведрами пшеницу - несколько машин в день, зерно лопатили, чтоб не загорелось, просушивали, веяли, крутили ручку веялки по 2 человека, уставали очень.

В ночную работали, движок нам свет подавал. Ставили за работу один трудодень, в списке рабочих ставили фамилии родителей, так как труд детский «охранялся законом». Вот и докажи сейчас, что я наравне со взрослыми работала на заготовке сена и уборке урожая. Знает один председатель сельского Совета, если он жив.

О деревне и тех временах у меня теплые воспоминания, хотя труд для меня был иногда непосильный. Мы были с матерью вдвоем, а она все болела. На мне были заботы по заготовке дров, уходу за огородом, коровой. Все делала, как мужчина.

Я очень любила домашних птиц, коровушку, урожай в огороде, баню по-черному, из которой выбегала, как ошпаренная, речку, в которой купалась. Я патриот своей Родины, места, где я жила.

Я полюбила город Курган, живу в нем 50 лет. Закончила медицинское училище, работала в больнице скорой помощи. Там тоже приходилось, как на войне: часто тяжелые случаи ложились на мои дежурства. Я не изменила медицине, хотя заработки были невысокие. Мой девиз: «Счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает».

г. Курган

ПОБЫВКА

Память - величайший дар человечеству свыше. Она – надежный мостик от прошлого к будущему.

- Когда бог хочет наказать человека за грехи, он лишает его либо зрения, либо памяти, - говорил дядя Аверьян.

Дядя Аверьян был участником войны с германцами. И с той войны он привез неизлечимый в то время туберкулез и несколько трофейных вещичек, в их числе и складные ложку с вилкой. И как же мне хотелось похлебать каши этой ложкой и подцепить картошку этой вилкой.

Но нас с совсем несмышленной еще сестренкой пуще глаза берегли от прилипчивой заразы. Дядя Аверьян не бывал за общим застольем, еду ему носили в боковушку, из которой он почти и не выходил. Худой, с кустистой щетиной на скулах, он таял в последнее время на глазах.

«Ладно, погодите, вот придет папка с войны, он мне такую же ложку с вилкой привезет, и даже лучше. Я тоже никому не дам», – мстительно думал я.

Отец пришел на недолгую побывку, когда за окошками звенела весенняя капель. К тому времени дядю уже похоронили, а ложку с вилкой куда-то надежно спрятали в нашей большой избе.

Как сейчас помню появление отца в этот ясный звонкий полдень. Искрился под весенним солнцем осевший мартовский снег, темнели на бугровинах проталины, по которым ребянтня постарше, несмотря ни на какие запреты, бегала босиком. Весна всех радовала. Она вела за собой лето. Летом не то, что зимой, много чем можно полакомиться: крупчаткой и пестиками с сосны, осо-

лодкой в полях и диким луком и чесноком, мучками из воды, сорочьими или чайкиными яйцами. А там, глядишь, и огородная снедь поспевет станет, в лесах ягода начнет наливаясь... Мы все в военное лихолетье недоедали: и взрослые, и ребятня. Я не могу вспомнить себя тогдашнего сытым – так, чтобы совсем не хотелось есть.

В наши ворота с покосившейся калиткой боком протиснулся человек на костылях в серой шинели и такой же шапке со звездочкой. Я даже испугался и, споткнувшись, истошно закричал:

- Мама!

Мама была для нас самой надежной опорой и защитой.

А у мамы, выскочившей впопыхах на крыльцо, подкосились ноги. Она бессильно опустилась на ступеньку, но тут же, ухватившись за перила, поднялась и кинулась на шею пришельцу.

- Ну что ты, Клава, разве можно так убиваться, я же живой, - глуховатым голосом говорил отец, рукой утирая неудержные слезы на ее щеках.

Мне в детских грезах представлялось, что мой папа – герой, при виде которого дрожат фашисты. Вот он придет домой, победив окончательно злых, но трусливых врагов, – в зеленой гимнастерке с орденами и медалями во всю грудь, такой сильный и веселый, подарит нам подарков, и начнется тогда такая хорошая жизнь, какая бывает только в хорошем сне. И мамка тогда перестанет бледнеть и спадать с лица при виде хромого деревенского почтальона. Когда он проходил по улице и задерживался у какой-то избы, то иной раз там начинали истошно голосить бабы. Откуда мне, несмышленишу, было знать, что очень уж часто приходили в село похоронки с фронта, и почтальон, дядя Василий, которого за хромоту за глаза, а в сердцах и в глаза дразнили почему-то «рубль-двадцать», доставляя вре-

мя от времени треугольные послания с фронта, был в то же время и разносчиком самых страшных вестей.

Я стоял и растерянно смотрел на отца. Я не знал, не мог помнить его – когда он уходил по повестке, мне было только полтора года. Он, конечно, помнил меня таким, какой я был тогда. А такого, как я теперь, он тоже не знал.

- Олечка, ну что же ты, иди скорее ко мне!

Я робко подошел, и он, отбросив один костыль, одной рукой легко поднял меня, прижал мою голову к своей щетинистой щеке.

- Папка, а где твой автомат? – осмелев, спросил я.

- С автоматом, сынок, в бой ходят, а не домой.

- А хоть пистолет у тебя есть?

- И пистолета нет.

Я искренне огорчился. Вот пришел с фронта отец. Если Валька или Колька спросят, как я им скажу, что даже пистолета у него нету? Они мне будут завидовать, ведь на их отца, дядю Матвея, еще в прошлом году пришла похоронка. Мне Колька не раз говорил:

- Мой папка зато был самым храбрым. В той бумаге, Валька сама читала, так и было написано: пал смертью храбрых в боях за Родину.

Мы сидели потом за столом, застеленным чистой скатертью, и ели блины из овсяной муки. Муку мы сами мололи из неочищенного овса на жерновах, которые были тогда в каждом доме, и у меня уже доставало сил крутить верхний круг обеими руками. Мама подсыпает зерно по горсточкам в воронку посреди круга, а по желобку тоненькой струйкой бежит в подставленную миску мука.

Но не всегда было зерно, даже вот такой овес. Учителям выдавали его редко, а мама была учительницей. Учителем до войны был и отец. Они вместе учились в институте, там и поженились.

Шершавыми, как кошкин язык, были эти блины, но и такие мы отведывали не часто, разве что раз-два в месяц. А тут еще на столе и ломти ржаного хлеба из отцова походного мешка, и кусковой сахар, и даже конфеты. Чем не праздник?

Вечером пришли гости, мамины подруги по школе. А кто еще мог прийти, ведь отцовых годков не было в нашей выхолощенной деревне, все они воевали. Пили хмельную бражку, пели песни про войну и про любовь, женщины с завидкой глядели на побритого, в свежей рубашке отца, на счастливую маму.

Вячеслав Григорьевич и Клавдия Никитична Бунины, 1945 год

А мы в кухне бережливо сосали конфетки, сравнивая у кого больше осталось.

- А сколько твой папка немцев убил? – строго спрашивал Колька.

- Сто, а может и больше, - уверенно отвечал я.

С утра и до вечера мама была в школе. Отец наводил порядок на дворе: поправил забор, калитку, подновил припадавшее на один бок крылечко. Я при нем чувствовал себя мужиком – как же, работаем вместе, без меня ему никак не управиться: кто принесет гвозди, топор или молоток, подержит доску?

С каждым днем становилось все теплее. Прилетели грачи, они неумолчно галдели на тополях возле церкви, устраивая гнезда. Вот-вот должны были появиться и скворцы. Мы с отцом уже приготовили для них скворечник.

Мы сидели на свежеструганных досках крыльца под ласковым весенним солнцем, ждали на обед маму. Так хорошо было сидеть вот так, рядом с отцом, к которому я уже привык. Он был немногословным, мой отец, несуетливым в разговоре.

- Пап, а за что тебе орден дали?

Я трогал пальцем отливающий позолотой и рубином орден Красной Звезды, привинченный к карманному клапану гимнастерки.

- Награды на войне, сынок, дают за фронтовую работу. Вот как у нас в школе или в колхозе – тем, кто лучше трудится.

- А ты сколько самолетов сбил?

- Ну, это не по моей части. Я же из пехоты. На войне тоже каждый своим делом занимается.

- А почему у тебя нет складных ложки и вилки?

- Да как-то не попадались. Зато есть складной солдатский ножичек. И я тебе его обязательно подарю, когда подрастешь.

Я сейчас понимаю, сознаю, что был тогда безоглядно счастлив. Но не знал, что счастье часто бывает недолговечным. Отец уже ходил без костылей, чуть прихрамывая, и все реже ему надо было менять повязку

на раненой ноге. Так незаметно и подошла пора расставания. Мне отец говорил на прощание:

- Гляди, сын, береги маму, будь молодцом, помогай ей. Ты у меня уже мужик, в школу пойдешь. А я скоро вернусь насовсем.

Но это «скоро» растянулось на долгих два года. В углу под божничкой стояли костыли, напоминая о побывке. Думаю, что мама нарочно не убирала их в кладовку.

Особенно трудно жилось зимами. Мы голодали, не хватало не только хлеба из лебеды с малым добавлением муки, но и картошки. Мама уходила в свою школу, я с маленькой сестренкой оставался дома. И до сих пор горжусь тем, что ни разу не обидел ее в скудной еде, которую, отрывая от себя, оставляла нам мама.

Бедствовала, голодала вся наша деревня. Но взрослые трудились для фронта, для победы, в которую верили свято, безоговорочно. Парни постарше мечтали поскорее попасть на фронт, чтобы быстрее прогнать захватчиков с родной земли.

... Нам с мамой и сестренкой Люсей сказочно повезло – муж и отец Вячеслав Григорьевич Бунин в сорок пятом вернулся в родное Митино живым и здоровым.

Олег Бунин
Притобольный район

А ВПЕРЕДИ БЫЛА ВСЯ ЖИЗНЬ

Воскресным утром 15 июня наш детский дом выезжал из Кременчуга на летний отдых в село Келеберду. Как и год назад, все было обставлено торжественно. Построились в колонну по четыре. Впереди встал баянист. С музыкой и песнями прошли по Первомайской к пристани. Здесь нас ожидал речной трамвай.

Проплыли под Крюковским мостом. Впереди блестела на солнце и дышала свежестью гладь реки. Справа и слева зеленели берега. Настроение у всех было приподнятое. Многие плыли на судне впервые. Примерно через час слева показался высокий мыс, окаймленный выступающими из воды глыбами дикого гранита, — пристань Келеберда.

Разместились в местной школе — недавно построенном, Г-образном одноэтажном здании.

Торжественное открытие лагеря намечено на следующее воскресенье. Предполагаются костер, выступление самодеятельных артистов и гвоздь программы — клоунада Володи Машенко.

В назначенный для открытия лагеря день мало кто за обедом обратил внимание на озабоченность воспитателей и на ту нервозную торопливость, с которой нас укладывали на мертвый час.

В комнатах — полная тишина. Слышны только шаги дежурного воспитателя по коридору. В воспитательской идет комсомольское собрание. Большинство не спит. Тихо лежим и маемся. Трудно уснуть, когда за окном буйствует лето. Но режим предписывает полтора часа отдыха в постели и, хочешь или не хочешь, нужно выполнять.

Наконец раздается долгожданная команда:

- Подъ-е-е-ем!

Дружно вскакиваем и одеваемся.

Но, что это? Вслед раздается новая команда:

- Всем выходить строиться на линейку!

Линейка среди дня? Такого еще не было. Случилось что-то из ряда вон выходящее. В спальню заскочил с комсомольского собрания майор Анапольский. Пытаюсь узнать у него.

-Отстань! Сейчас все скажут.

Я гну своё, настойчиво добиваюсь. В ответ полушепотом:

- Чего пристал? На нас напала Германия!.. Киев бомбили!

Это серьезно. Даже очень. Становлюсь в строй на линейке.

Выступает директор Давид Самойлович Гуревич:

- Сегодня в 12 часов по радио выступил товарищ Молотов. Он сообщил, что в 4 часа утра Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз. Германские самолеты бомбили Киев, Житомир, Севастополь, Каунас. Есть жертвы среди мирного населения. - От себя добавил: - Я не сомневаюсь, что Красная Армия даст отпор врагу, и через несколько месяцев Германия будет разгромлена. Для вас сейчас особенно важно соблюдать порядок и дисциплину.

Война постепенно входит в нашу повседневную жизнь. Спать укладываемся без света. Соблюдается светомаскировка. Во дворе на случай воздушного налета выкопали длинную, выше человеческого роста щель. Работаем в местном колхозе. Пасынкуем табачную плантацию – махорка нужна бойцам Красной Армии. Пропалываем плантацию шелковицы - это корм

для шелкопряда, а шелк идет на парашюты летчикам и десанникам.

В начале июля детдом принял первое военное пополнение – киевлян, родители которых, преимущественно врачи, мобилизованы: Майю и Юлика Кашченко, Леню Шаинского, Фиму Писчанского, Вадима Полторака.

С половины июля почти каждую ночь – воздушный налет на Кременчуг. Бомбят Крюковский мост. Однажды, когда перед обедом все собрались во дворе, над нами пронесся самолет. Летел он так низко, что можно было разглядеть летчика. На крыльях вместо привычных красных звезд чернели кресты. Произошло все за считанные секунды, но разговоров хватило на весь день.

Богатый детдомовский лексикон пополнился еще одним словом «эвакуация». Нам объявили: так как город постоянно бомбят, принято решение вывезти детские дома в глубокий тыл, чтобы мы могли спокойно учиться. Мы едем в Челябинск. Летний отдых заканчивается 10 августа. Вернемся в Кременчуг, а оттуда поедем дальше. Но у войны, как оказалось, свои сроки.

Утром 7 августа мы услышали стрельбу в районе пристани. До выяснения велено оставаться на месте и никуда не отлучаться.

Первая информация: на том берегу немцы высадили десант, захватили село Дериевку и обстреливают пристань.

Новая информация: уходим пешком на ближайшую железнодорожную станцию Галещина. Время тянется медленно.

Поступает команда: каждый берет с собой свою постель – одеяло, подушку, две простыни, наволочку и полотенце. Натянутые во дворе веревки для сушки белья мигом разрезаны на куски: нужны завязки. Наибо-

лее компактной и удобной упаковкой нашего нехитрого багажа признана скатка, перекинутая через плечо, наподобие красноармейской шинели. Почти у каждого пацана из-за пояса выглядывает ложка. Выход все время почему-то откладывается. По-видимому, выясняется или уточняется обстановка.

Наскоро обедаем. Последний мирный обед. Отныне и до декабря 1947 года предстоит питаться по несытым карточным нормам военного времени.

Солнце преодолело свою высшую точку и покатилося вниз, когда наша босоногая колонна медленно вытянулась за околицу. Вместе с нами, захватив пожитки, идут воспитатели и сотрудники. Замыкает шествие подвода. Ее тянет детдомовская кобыла Зорька. На подводу погружены кой-какое имущество и продукты. Сверху восседают малыши. Только им дана привилегия ехать. Под вечер остановились на ночлег в небольшом селе. Спать легли под открытым небом. Ночь была теплая.

Утром, всухомятку позавтракав, идем дальше. До Галещины осталось несколько километров.

На подходе стали свидетелями скоротечного воздушного боя, точнее, избиения. Вынырнувший внезапно со стороны солнца юркий мессершмитт безнаказанно расстреливал заходившие на посадку беззащитные тяжелые самолеты.

Небольшая станция Галещина, где в обычное время бывают, в основном, пригородные пассажиры, а дальние поезда останавливаются на две-три минуты, напоминает сейчас вокзал большого города. Пути забиты составами. В зале ожидания и пристанционном сквере полно людей. Из Кременчуга прибывают все новые беженцы, со стороны Полтавы выдвигаются воинские части. Да еще мы, почти полтора года человек.

Целый день провели на станции. Сотрудники по очереди съездили в город, чтобы вывезти свои семьи и

взять самое необходимое, в первую очередь, теплые вещи.

Вечером садимся в пассажирский состав, который должен идти на Полтаву. Забравшись на полки, крепко уснули. Ранним утром просыпаемся... в Галещине. Выгружаемся, так как поезд должен идти в Кременчуг.

Снова сидим на станции. Пополудни всех нас загружают в один багажный вагон поезда, следующего до станции Люботин. Наш поезд идет вне расписания. Где и сколько будет стоять, никто не знает. А потому на станках из вагона не выпускают. В вагоне теснота. Сидим прямо на полу. Жарко. Душно. Хочется пить. И так до позднего вечера. В Люботине первым делом бежим утолить жажду. Долго и жадно пьем из кружек, горстями или прямо из-под крана.

Разместились на ночлег в здании школы. Парты составлены у глухой стены одна на одну в три яруса. Освободившееся пространство комнаты становится спальней. Группируемся по два. Одно одеяло стелется на пол и закрывается простыней. Подушки прислонены к стене. Постель готова. Утомленные дорогой, забираемся под второе одеяло и, умиротворенные, засыпаем.

Люботин, где мы провели десять дней, выглядел совсем мирно. Аккуратные домики утопают в садах. Яблони густо обсыпаны зрелыми плодами. И над всем голубая высь чистого августовского неба. О войне – а до фронта немногим более двухсот километров – напоминают лишь обязательное затемнение и беженцы на станции.

Настал день, когда мы должны были ехать дальше. После обеда собрали пожитки и строим двинулись на станцию. В тупике, возле лесопосадки, нас ожидали

двухосный товарный вагон (по тогдашней терминологии, теплушка) и две открытые платформы. Это все, что с превеликим трудом удалось добыть у железнодорожного начальства. Вагоны стали большим дефицитом, и ничего другого для нас не нашлось.

В вагон погрузили имущество. Посадили туда малышей. Там же разместились сотрудники со своими семьями и пожитками.

Обживаем платформу. Наломали в посадке веники. Чистенько подмели и вымыли пол. Постелили поперек платформы постели, прислонив подушки к бортику. Вместе с нами едет воспитательница Татьяна Ивановна.

Честно говоря, перспектива путешествия на открытой платформе меня не очень пугала. Езды до Челябинска трое-четверо суток, с поправкой на военное время – дней десять. Августовские ночи не очень холодные и, закутавшись в одеяло, выдержать можно. Зато какие возможности! Впереди дорога почти через полстраны – Дон, Волга, Уральские горы. И все это увидим не в вагонное окно, не в раскрытую дверь теплушки, а подставляя лицо встречному ветру.

Романтика закончилась в первую же ночь. Проснувшись, выглянул из-под одеяла. Темно. Платформа ритмично вздрагивает. Значит, едем. Накрапывает дождик. Только этого не хватало. Укрываюсь с головой и пытаюсь заснуть. Не получается, так как дождь быстро усиливается. Холодные капли проходят через одеяло, одежду и стекают по телу. Прижимаюсь к напарнику, а он ко мне. Не помогает. Одежда и постель быстро намокают. Когда вода начинает подтекать и снизу, делать нечего, поднимаемся.

Сквозь низко нависшие тучи, поливающие нас дождем, прорывается рассвет. Поезд останавливается на большой станции. Повсюду составы, составы, составы.

- Дядя! Какая станция? – спрашиваем у проходящего железнодорожника.

- Основа...

За ночь проехали чуть больше двадцати километров.

Дождь то стихает, то снова усиливается. Промокшие до нитки, стоим, закутавшись в мокрые одеяла. Вид у нас свержалкий. Посиневшие от холода, дрожим, как цуцки. Согреться негде. Здание станции далеко. Хочется есть. Тарелка супа или стакан горячего чая представляются верхом блаженства.

Если бывает на свете чудо, то оно свершилось в то утро. Глядя на нас, горемычных, сжалились железнодорожники. Внезапно появляется Гуревич:

- Быстро собирайтесь! В тупике два вагона. Нужно их поскорее занять.

Команда воспринимается, как выстрел стартового пистолета. Пути пересекаем через тормозные площадки, сцепления или под вагонами – побыстрее бы.

Два свежевыкрашенных – только из ремонта – вагона, двухосный и пульман. Нары в два этажа. Первый и второй коллективы занимают пульман, третий – двухосный.

Половина вагона – пацаны, другая – девочки. Мне досталось место в верхнем ярусе у самой двери. На нарах по девять-десять человек. Тесно. Если все лягут на спину, места не хватит. О комфорте говорить не приходится. Одежду и все остальное предстоит высушить теплом собственного тела.

Но! Теперь мы защищены от непогоды, и постукивание дождевых капель по крыше воспринимается почти по-философски. А понятие «крыша над головой» материализовано на расстоянии вытянутой руки.

Постепенно сложился вагонный быт. Спать можно, сколько душа пожелает. Спим, естественно, одетыми. Ночи стали холодными. Еще до Москвы майки заменили нательными рубашками. Теплую воду для умывания

берем на стоянках в паровозе. Питьевую – в водоразборной колонке.

Кормят, в основном, сухим пайком, три раза в день по куску хлеба с маслом или кусочком сала. Не сытно, но для военного времени сносно. На больших станциях иногда удается покормить нас горячим обедом.

Находим взаимопонимание с паровозными бригадами. На лесных разъездах под Муромом собираем бруснику. За несколько минут до отправления машинист предупреждает нас коротким тихим гудком.

От Москвы до Свердловска добрались всего за неделю. Через сутки прибыли в Челябинск. Сидим в вагонах и ждем, пока директор выясняет, что дальше. По возвращении Гуревича узнали – мы едем в Шумиху. Это еще сто двадцать километров на восток.

Последняя ночь в поезде. На следующий день около полудня нас отцепляют и загоняют в тупик. Двадцатидневное путешествие закончилось. Покидаем обжитые, ставшие почти родными вагоны, прихватив с собой ведро с буквами НКПС.

Поздно вечером грузовики, возвращающиеся порожним рейсом из заготзерно, доставили нас в большое село.

Село Карачельское, где нам предстояло жить, находится в лесостепной зоне южного Зауралья, на левом высоком берегу реки Миасс, у впадения небольшой речушки Карачелки. На противоположном низком берегу Миасса расположилась деревня Дюрягино, а чуть выше по течению – деревня Береговая. На левом берегу, два километра вниз по течению – центральная усадьба совхоза «Большевик».

Посреди села большая площадь, где стоит высокая каменная церковь, купола которой видны за много ки-

лометров. В то время ее использовали под склад зерна.

На территории сельсовета – три колхоза, МТС, сельпо (два магазина, столовая, пекарня, швейная мастерская), средняя школа (разбросана по селу в пяти зданиях), молокозавод, почта, амбулатория, больница (в совхозе).

Место красивое. С высокого берега открывается вид на реку с небольшим островком. За рекой раскинулся луг. Дальше, почти параллельно реке, вытянулась в одну улицу деревня. За деревней поднимается полого хлебная нива. На горизонте золотится осенний лес.

Школу потеснили, сделали семилетней. Два освободившихся школьных здания, расположенных почти симметрично по обе стороны церкви, передали детдому.

Что представляет собой наш дом? Высокое крыльцо. Сени, где мы умываемся. Две классные комнаты, из них одна – проходная. Направо от проходной – еще одна маленькая комната. Здесь раньше была учительская. В проходной и маленькой комнате поселили мальчиков, в дальней комнате – девочек. Второй корпус ничем не отличается от нашего.

Применительно к расположению проведена реорганизация. Из трех коллективов сделали два, т.е. корпус – коллектив.

Сельпо отдало нам еще один дом на другой стороне площади. Здесь разместили кладовую, канцелярию, в маленькой комнате поселилась семья директора. Там же со временем оборудуют столовую и кухню. Пока питаемся в столовой сельпо.

Образовался своеобразный треугольник, в вершинах которого – детдом, а посередине – церковь.

Постепенно обживаемся на новом месте. Где-то раздобыли старые кровати и топчаны. На всех не хватает. Спим по два на одной или втроем на двух, сдвинутых вплотную, кроватях.

Через неделю пошли в школу, но учиться пришлось недолго. В колхозах катастрофически не хватает работников, а урожай нужно убирать. Копаем картошку, копим скошенные хлеба, работаем на току. Возобновились занятия только с середины октября.

Наш шестой «В» сформирован сверх комплекта из одних детдомовских. Половина обучалась до этого на украинском языке и первое время им приходится привыкать к русской терминологии. Другая трудность – общая – нехватка учебников. Никто не рассчитывал на такое количество новых учеников. А потому имеем лишь то, что удалось наскрести у местных ребят и учителей. Помню, первое время на весь класс был только один учебник «Геометрия» Киселева. Домашнее задание готовим сообща. Кто-то один читает и рассказывает, а остальные, тесно обступив, внимают. Тут же разбираем, кому что непонятно. Меня здорово выручает тренированная память.

У нас новая воспитательница, жена Гуревича, Екатерина Петровна Сумценко. Добрая, образованная, интеллигентная: окончила Харьковский университет, ранее преподавала в школе биологию. Несмотря на ограниченные возможности и суматоху поспешной эвакуации, Екатерина Петровна сумела вывезти несколько книг, патефон и немного пластинок. Долгими осенне-зимними вечерами танцы под патефон в узком проходе комнаты заметно скрашивали нашу, по большей части унылую, повседневность.

Зимой, заболев, я долгое время провел в постели. Чтобы не так тоскливо было лежать, Екатерина Петровна принесла мне книгу. Деликатно предупредила не афишировать и никому не давать. То была запрещенная книга репрессированного писателя Бруно Ясенского «Человек меняет кожу».

Нашего завхоза Добринского призвали в трудовую армию на строительство большого военного завода. Там он

заболел сыпным тифом. Еле живого жена привезла его в Карачельское и с большим трудом, меняя вещи на продукты, выходила и поставила на ноги. С весны 1942 года он снова работает детдомовским завхозом и добывает для нас пропитание. Осенью его опять мобилизовали, на этот раз в действующую армию. Летом 1943 года Осип Моисеевич пропал без вести.

В январе 1942 года пришла очередь идти в армию Гуревичу. Мы очень сожалели о нем.

Нет, Гуревич не был ангелом с крылышками. Напротив, был он строг, очень строг и жестко требователен. Вместе с тем был заботливым директором. Особенно это проявилось во время эвакуации и обустройства на новом месте. Он умел вовремя заметить и поддержать хорошее в наших не устоявшихся натурах. Умел быть снисходительным.

С войны Гуревич вернулся целым и невредимым. В 1946 году демобилизовался. Был назначен директором Кременчугского спецдетдома для детей, отцы которых погибли на фронте.

Наиболее острая проблема – зимняя одежда.

Зауральская зима сурова. Морозы подчас достигают сорока и более. В такой мороз надежно защищают от холода зимнее пальто с меховым воротником или полушубок, меховая шапка-ушанка и валенки.

Что имеем мы? В среднем одно пальто на двоих. Валенки еще меньше.

Старшим пацанам выдали шапки-кубанки и тужурки из полушерстяной ткани. Такая тужурка хороша и даже элегантна для осени или весны, но не для суровой зимы. Под тужуркой – летняя трикотажная хлопчатобумажная сорочка с коротким рукавом и нательная рубашка. Естественно, в таком одеянии и в ботиночках при силь-

ном морозе передвигаемся только бегом или ускоренным шагом. Так и пробегали всю зиму.

Остальные не имеют и этого. Половина надевает пальто и идет в столовую или в школу. По приходу пальто снимают и накидывают по несколько штук на плечи дежурного. Дежурные несут пальто в обратном направлении, чтобы одеть тех, кто остался и терпеливо дожидается своей очереди. Сплошь и рядом вместе с дежурными роль носильщиков выполняют воспитательницы. И так шесть-восемь раз на день до самой весны.

Другая проблема – вода, свет, тепло.

В селе единственный источник – река. Речная вода используется для питья, приготовления пищи, мытья и стирки. На кухню возим воду из проруби бочкой-водовозкой. Для других нужд (питье, умывание, стирка, купание) носим ведрами. Со временем научились делать это на коромысле.

Электричества в селе нет. Школьный класс освещается керосиновой лампой. В первую очередь освещаются доска, учительский стол и, по возможности, парты. Детдом керосиновых ламп не имеет. Освещаемся самодельными коптилками. Бутылочка из-под лекарств или флакон из-под одеколона наполняется керосином. Из жести вырезается кружочек с отверстием посередине. В качестве фитиля можно использовать кусочек шпагата, бинтик, узкую полоску тряпки, на худой конец – жгутик, свернутый из ваты. Кончик фитиля вставляется в жестянку, фитиль погружается в керосин, и «чудо техники» готово. При слабом свете коптилки делаем уроки, читаем, делаем другие дела. Девочки ко дню Красной Армии вышивают фронтовикам кисеты. Не удивительно, что после таких занятий под носом и в носу черным-черно, хоть вызывай трубочиста.

В военное время керосин – товар дефицитный, и его всегда не хватает. При полном отсутствии керосина школьный урок сокращается до 35-40 минут, перемены

до 5 минут. Меняется расписание. Первые уроки утренней смены и последние уроки второй смены отводят тем предметам, где можно обойтись без доски и не надо записывать (литература, история, конституция СССР).

Директор детдома теперь Вера Викторовна Дорошенко, завпед Екатерина Петровна. Неожиданно свалившаяся директорская должность была для Веры Викторовны тяжелым испытанием. Появились новые обязанности и заботы.

Вере Викторовне тогда перевалило за пятьдесят. Была она дочерью священника. С точки зрения социального происхождения, для того времени это считалось большим недостатком. Тем не менее перед войной ее приняли в члены ВКП/б/.

Жила Вера Викторовна очень скромно. Сколько помню, и относительно теплой украинской зимой, и в зауральскую стужу носила она одно и то же далеко не новое серое демисезонное пальто и такой же серый платок. До войны жила Вера Викторовна при детдоме, занимая с сыном маленькую комнатку между изолятором и спальнями девочек.

Сын ее, Михаил, после окончания семилетки работал электриком. Примерно за год до войны призван на действительную военную службу. Пропал без вести в начале войны.

Прежде всего нашу ораву нужно накормить. А продуктовые нормы все время урезаются. Если осенью хлебная норма была 600 граммов на день, с нового 1942 года она стала 500 граммов, а к весне сократилась до 400. Оскудел и приварок. На ужин получаем только кусочек хлеба и стакан чая. Кое-что из продуктов, например, картофель удается иногда приобрести у колхозников. Однако местное население неохотно продавало

продукты за деньги, которые в ту пору быстро обесценивались. Предпочитали менять продукты на одежду, обувь, керосин и другие промтовары.

Чтобы выжить, нужно самим выращивать картофель, овощи, злаки, т.е. заводить подсобное хозяйство. Надо побеспокоиться о заготовке дров. В детдоме появилась своя тягловая сила – старый мерин по кличке Змей, а с ним еще одна печаль: заготовка сена.

Растаскивать эту кучу больших и малых проблем предстояло нам, нашим воспитателям, сотрудникам, включая директора.

Вернемся, однако, в год 1942. Наш первый коллектив заметно редееет. После Нового года Гертруда Лактеева и Володю Мащенко направили работать на угольную шахту в Копейск.

Вскоре еще одну группу – Оксану Грудскую, Лену Затульвитер, Лену Галас, Марию Полтавец, Надю Пантелееву, Ивана Грина и других отправили на завод в город Усть-Катав.

На востоке страны ускоренными темпами создавалась военная промышленность, та материальная база, которая уже к концу года позволила переломить неблагоприятный ход событий, а два с половиной года спустя победно закончить войну. Военным заводам требовались работники, много работников. А где их взять? Почти всех, кого еще можно было привлечь, уже мобилизовали. Оставался один из последних резервов – подростки.

Срок пребывания в детдоме снижен до четырнадцати лет. И только тем, кто имеет реальные шансы поступить в техникум, предоставляется возможность закончить семилетку.

Как только завершился учебный год, последовала большая отправка. Более двадцати человек - всех, кто окончил седьмой класс, и две трети, закончивших шестой, посылали на военный завод в Копейск.

Моей фамилии в списке не оказалось. Репутация способного и прилежного ученика на сей раз сработала против меня. Я был подавлен тут же внедрившимся в сознание комплексом неполноценности: идет война, а я не гожусь даже для работы на военном заводе...

Уходили все пацаны, с которыми худо-бедно прожили вместе почти четыре года. Среди них был и Арвид, с которым мы шли из Киевского детприемника. Протестовал, добивался, чтобы и меня включили в список. Вера Викторовна стояла на своем:

- Через год пойдешь, куда захочешь. Тебе обязательно нужно закончить школу. Хочешь работать? Работы и здесь хватит. Только успевай!

Действительно, работы в то лето было более чем достаточно. Работали с утра до вечера, без выходных, начиная с июня и по октябрь. Отдыхали чаще всего в ненастные дни. Трудились в колхозах, в совхозе, в своем подсобном хозяйстве.

Руками рвали осот и полынь, оставляя после себя чистое ярко-зеленое пшеничное поле. Пропалывали и окучивали картофель. Носили ведрами воду и поливали овощи. Копнили скошенные хлеба. Свозили копны на ток. Осенью копали картошку. В лесной деляне валяли деревья. Заготовливали на зиму дрова.

Последний школьный год начался в середине октября. Из трех шестых остался только один седьмой класс, да и тот неполного состава – меньше двадцати учеников.

Вторая военная зима показалась мне не такой трудной, как предыдущая. Ко многому за полтора года войны успели привыкнуть. Произошли некоторые изменения к лучшему. В начале зимы детдом получил защитного цвета хлопчатобумажную ткань, вату и подкладочный материал. Сшили зимние пальто. Из шинельного сукна пошили шапки-ушанки. В декабре привезли валенки. Теперь каждый имеет зимнее пальто, шапку и валенки, а потому не так донимает холод.

Спим по одному. После нескольких отправок народу поубавилось. Чтобы спать было теплее, можно поверх одеяла накинуть пальто.

Благодаря тому, что в подсобном хозяйстве вырастили неплохой урожай картофеля, улучшилось питание.

Но наиболее значительными событиями зимы 1942-1943 года стали военные сводки. Радио в селе не было. Газеты приходили с большим опозданием. И все же с конца ноября почти каждый день мы узнавали о новых успехах Красной Армии, приведших в начале февраля к полному разгрому немцев под Сталинградом. По этому случаю в детдоме был митинг. Все заработанные летом деньги решили отдать в фонд обороны на танковую колонну «Челябинский колхозник». Через некоторое время получили благодарственную телеграмму от Верховного Главнокомандующего.

Не обошлось без печальных происшествий. От крупозного воспаления легких умерла наша одноклассница Миля Пантелеева. Ушла в расцвете лет, за несколько месяцев до окончания школы, на пороге новой большой жизни. Хоронил Милю весь детдом. Стоял лютый мороз. Лошадь тянет сани с гробом. Следом знаменосец со знаменем, а за ним, шагая по глубокому снегу, растянулась процессия. Мне поручили сказать прощальное слово. Не будучи искушенным в такого рода речах, пробормотал что-то мало вразумительное, и комья мерзлой земли застучали по крышке.

Жизнь между тем шла своим чередом. Все сильнее пригревало солнце. В конце марта дружная весна за неделю съела снежный покров и высушила землю.

Приближались выпускные экзамены.

Итак, семилетка окончена. Позади более чем скромный выпускной вечер с кусочком пирога, стаканом чаю и танцами под патефон. Получено свидетельство о неполном среднем образовании с отличными оценками.

А что дальше? Теперь, когда цель достигнута, пребываю в растерянности. Куда податься? Поблизости только два техникума – педучилище в Мишкино и молочный в Чаше. Ни тот, ни другой меня не устраивают. Другой информации нет.

То же самое волнует и остальных. Пока определились только двое. Аля Флик собирается в Молотов к старшей сестре Любе, Володя Вовк – в Казахстан к отбывающей там ссылку маме.

Нужно думать, думать и думать. А времени для праздных размышлений нет. С утра до вечера работаем. В колхозе подоспело силосование трав, а следом – прополка. Потом пошли заготовка дров и другие работы.

И тут, как бывало тысячи раз до и после меня, подвернулся Его Величество Случай. Как-то вечером, устало просматривая «Комсомольскую правду», наткнулся на объявление: «Алапаевский геологоразведочный техникум объявляет прием...».

Геолог! Специальность интересная и не совсем обычная. На пороге юности легко увлекаешься. Воображение уносит далеко-далеко, где быть может, ждут тебя большие открытия. Чтобы разузнать подробнее, написал письмо.

Очень скоро пришел ответ. Напечатанный на плотной бумаге пространственный проспект выглядел более чем солидно.

Принимаю решение подавать документы. Вместе со мной надумали поступать Зина Шевченко и Мира Шемет. Отослав документы, ждем. Во второй половине августа получаем извещения:

«Принят на первый курс без вступительных экзаменов с предоставлением общежития и зачислением на повышенную стипендию. Начало занятий 1 октября».

Пришло время отъезда. Новый директор, Екатерина Петровна (Веру Викторовну перевели в другой детдом), постаралась обеспечить нас всем, что положено по норме, и выдала даже немного сверх того. Получено выходное пособие – шестьдесят рублей и продукты на дорогу. Воспитательница Алла Федоровна Мельничук подарила мне еще двадцать рублей:

- Возьми! Они тебе пригодятся.

Вечерело, когда после недолгого прощания конюх Шура Саламатин дернул вожжи. Тронулась коляска, где сложены наши вещи, а за ней и мы.

Идем впятером. С нами еще Тамара Юхименко, она поступила в Чашинский молочный техникум. Сопровождает нас Нина Эдуардовна Франке. Много лет она была нашей воспитательницей, а недавно назначена заведом.

Прошагав двадцать пять километров, на станцию пришли поздно вечером. Около полуночи занимаем очередь за билетами. Сменяя друг друга, дежуриим у кассы. Поезд будет в четыре утра.

Примерно за час до отхода открывшееся на мгновение кассовое окошко женским голосом изрекает:

- Мест нет.

Еще на что-то надеясь, не покидаем очередь. Напрасно. Поезд уходит. Первое столкновение с житейской

реальностью не в нашу пользу. Обидно, но ничего не поделаешь.

Тепло попрощавшись, уезжает Нина Эдуардовна:
- Извините ребята, я должна вас оставить. Начинается учебный год, и у меня много дел. Не забывайте нас. Пишите.

Мы остались одни.

Бледнело небо. Как угли гаснущего костра, догорали последние звезды. Наступало утро двадцать девятого сентября одна тысяча девятьсот сорок третьего года, первого дня самостоятельной жизни.

Мне пятнадцать лет от роду. Все мое имущество уместилось в небольшом мешке, сшитом из матрасной наволочки. Там же – буханка хлеба и немного продуктов, при экономном расходовании дня на три.

В кармане деньги, которых едва хватит на билет в общем вагоне, и выданный в милиции пропуск, дающий право на проезд от станции Шумиха до станции Алапавск, где подчеркнуто слово «туда» и вычеркнуто «обратно».

Дороги назад не было.
А впереди была ВСЯ ЖИЗНЬ.

Людвиг Войславский
г. Харьков, Украина

ОБЕРЕГ

Я хорошо помню тот ноябрьский день сорок пятого года.

У нас шел урок арифметики. Учительница Александра Федоровна рассказывала условия задачи и писала их на доске. И тут в дверь постучали.

Класс замер. Мы уже знали, что если стучат во время урока – значит, кого-то вызывают. А вызывают, когда пришла похоронка, или другая какая беда случилась дома.

Александра Федоровна пошла к двери. А я почему-то перестал дышать. Смотрю на учительницу. В таких случаях она всегда достает платочек, мнет его в кулачке, прижимает ко рту и, не поднимая глаз, медленно идет к тому, за кем пришли.

Теперь она тоже достает из рукавника платок, комкает его пальцами. И смотрит на меня так радостно, что я совсем растерялся. Она шагнула к парте, собрала с нее книжки и тетради, уложила в мою сумку из-под противогаса:

- Иди домой. У тебя папа с фронта пришел...

Глотая давящий в горле ком, выбежал в коридор. Уборщица тетя Шура натянула мне шапку, застегнула пальто:

- А ты не крепись, поплачь от радости, а то сердчишко-то зайдет.

И сама утирается, всхлипывая.

Бежать почему-то не мог. Как сонный, шагал, запинаясь за мерзлые комья, проваливаясь в обледенелые лужи. Я почти останавливался от нахлынувших вдруг тревоги и стыда... Я не мог вспомнить отцовское лицо...

Четко представлял себе фигуру, движения, даже руки. А лица не помнил...

Едва переступил порог избы – вскочивший с лавки солдат схватил меня в охапку, стиснул бережно, потом помог раздеться. Как ребенка посадил на колени и радостно удивился:

- Вырос-то как за четыре года!

А я только глянул на его лицо, и мне стало легко и весело. Вот он, мой папка! Я узнал бы его из тысячи!

Старшие мои братья Женя и Витя тоже сияли от радости.

А мама... Наша мама, всегда задумчивая, будто придавленная серой суконной безрукавкой, стала такой стройной и красивой в праздничном цветастом платье. Улыбаясь, она разрежала булку хлеба и сложила на тарелку целую гору ломтей. Не то, что наши обычные четыре кусочка.

Отец ловко открыл большую железную банку и вытряхнул в миску розовое мясо. Мы дружно деревянными ложками принялись за невиданное кушанье. Отец вдруг закашлялся и отвернулся к окну...

После обеда мы с трепетом рассматривали отцовские документы. Серая солдатская книжка, в которой записано, когда и какое получал оружие. Удостоверения к медалям. Пачка благодарностей за форсирование рек и освобождение городов.

А вот наша фотокарточка. Женя, я и Витя. Сохранилась, вернулась к нам...

...Году, наверно, в сорок втором в своем письме отец попросил прислать ему наши фотографии. Сообщал, что лежит в госпитале, уже вылечивается и очень скучает.

Мама привела нас в старинный, с большими окнами дом на улице Ленина. Седой, юркий старичок осмотрел нас поверх очков:

- И зачем вам фото? И знаете ли вы, сколько стоит?

- На фронт отцу послать. А заплатить можем картошкой...

- Прощу сюда сесты! – засуетился фотограф. – Плотнее! Не мигать! Готово!

Сбросил с головы черный лоскут и так же четко командовал:

- Завтра утром прошу за снимками!

- Сколько картошки нести? – спросила мама.

- Гражданочка, не обижайте старого Якова Захаровича. Сделать фотографии сыновей для солдата в окопах – это честь, это святое дело! А я имею и честь, и совесть. Завтра в девять ноль-ноль прошу, молодые люди, за фото!

Наутро мы получили четыре, величиной со спичечный коробок, фотокарточки, на каждой мы троим. Женя смотрит уверенно, Витя – серьезно, а я, зажатый в середине, вышел каким-то испуганным и жалким.

Фотография, прошедшая по дорогам войны.

«Когда я получил письмо и карточку, - стал рассказывать отец, - наша группа была на отдыхе. Чистили автоматы, сушили и чинили обмундирование. Отсыпались за всю неделю почти непрерывных боев.

Ребята по очереди все смотрели и смотрели на фотокарточку.

- Павел, тебе никак нельзя погибать! Три сына ждут...

- Мы за этих пацанов немцам горло порвем!

- Паша, храни карточку. Это твой оберег. От увечья и смерти...

И потом, когда случалось затишье, ребята просили:

- Дай посмотреть на мальчишек...

У каждого ведь кто-то оставался на родине.

Даже политрук, бывало, возьмет фотокарточку и показывает всем, как знак какой:

- Товарищи бойцы! – говорит. – Эти мальчишки ждут нас с победой!

И, возвращая карточку мне, говорил:

- Береги! Это наш взводный талисман.

Оберег, значит».

«А тебя все равно еще раз ранило», - вздохнула мама.

«Ранение - не смерть... Снайпер, собака, меня достал. Пуля рядом с сердцем прошла, отвел ее мой оберег. Очнулся в полевом госпитале. Дышать не могу. Медсестра показывает эту карточку:

- Ваши? В бинтах нашли. Наверно, санитары из документов взяли и у плеча спрятали в бинтах.

И пристроила карточку на тумбочке так, чтобы было хорошо видно.

Рядом лежал седой уже полковник. Очень тяжелый. Тоже когда смог говорить, даже подмигнул мне, глянув на фотокарточку:

- Держись, солдат... Тебе этих молодцов в люди выводить...

Раз в неделю к нам прилетал санитарный самолет. Самых тяжелых переправляли в тыловые госпитали. И

вот однажды, когда санитары поставили носилки между нашими койками, полковник заявил:

- Жукова несите в самолет. Я еще ничего...

- Товарищ полковник, - мягко сказала молодая женщина, начальник госпиталя. - Решения здесь принимаю я.

- Послушай, майор... Доченька... Я прошу: отправь солдата... Ты посмотри на фотографию. Для этих пацанов ты отца спасешь...

Подняли меня с кровати. Очнулся уже в самолете. Огляделся. На груди из-под бинта уголок фотокарточки. Спасибо санитарам, не забыли мой оберег. Выкарабкался. Еще год воевал».

Отец замолчал. И уже веселее, с улыбкой продолжил:

«Из Австрии до Москвы за трое суток наш эшелон дошел. Из Москвы до Челябинска еще два дня. Дальше на восток часов через двенадцать, как сказали, пойдут другой поезд.

Я вещмешок на плечо и - на перрон. Рядом Шумиха, хоть на товарняке, но доеду. Но не успел оглядеться - патруль: майор и два автоматчика. Ощупали мой рюкзак. Майор внимательно смотрит документы. Увидел фотокарточку.

- Ваши дети?

- Мои...

- За мной!

Мы пошли через пути. Тут состав с платформами, на которых под брезентами танки, «катюши». Два пассажирских вагона.

Майор подошел к молоденькому капитану:

- Возьми солдата до Шумихи!

- Товарищ майор, не положено!

- Понимаю. Но вот какая штука получается... Солдат четыре года шел и полз от Волги до центра Европы. Жив остался. Победил. За неделю от Вены до Урала

добрался. Два часа до встречи с семьей. А мы ему: «Не положено. Подожди еще денек!»

Капитан взял у майора мои документы:

- Заходи в вагон, гвардеец!

Так что и тут оберог мой помог».

Прошло пятнадцать лет. Зимой шестидесятого у отца вдруг заболела в груди старая рана. И еще сердечный приступ. Увезли на «скорой» в больницу. Через несколько дней, не приходя в сознание, он скончался.

А фотография наша лежала дома, в коробке с документами.

Фото 1972 года: военный инженер, выпускник Ленинградского артиллерийского училища Е.П.Жуков; журналист А.П. Жуков, окончил Уральский госуниверситет; «Заслуженный агроном РСФСР» В.П.Жуков, окончил Курганский сельскохозяйственный институт.

Андрей Жуков
г. Курган

ДЕЛИЛИСЬ ТЕМ, ЧТО ИМЕЛИ

В селе Прошкино Галкинского (а теперь Шумихинского) района в годы войны действовал детский дом. Его здание сохранилось до наших дней. Есть еще и очевидцы тех военных событий. Надежда Вдовина рассказывает:

«Зимой сорок третьего в село Прошкино на лошадях со станции Чумляк привезли ленинградских детей. Сначала их разместили по домам сельчан. Были дети и в нашем доме. Как пришли, так и сидели одетые. Им дали сваренную картошку, так они ели ее прямо с кожурой. Согрешись, так сидя и уснули.

В Прошкино оставили детей постарше, а маленьких увезли по другим детским домам. Детский дом был в здании каменной школы.

Некоторых детей и воспитателей разместили по квартирам. У нас жила воспитатель Вера Сергеевна Шевцова с матерью Марией Алексеевной, сыном Сергеем и племянником Юрием Корниловым.

В селе в те годы была школа семилетка. Дети помладше учились в ней, а старшие учились в Галкино. Юрий и Сергей брали в Галкино задания у учителей, готовились, а затем пешком ходили сдавать. Очень им хотелось учиться. У Юрия была мечта поступить в авиационный институт.

Жили с эвакуированными дружно. У нас были картошка и молоко, они получали хлеб. Делились тем, что имели».

Вспоминает Дмитрий Ермолин:

«Местные и эвакуированные жили дружно, душа в душу. Делились разными новостями. Были и радость, и слезы. Великая была радость, если приходили письма,

в которых сообщалось, что все родные живы. Были и печальные известия. Детдомовцы сложили песню:

Зачем ты, мать, меня родила?

Зачем на свет ты создала?

Судьбой несчастной наградила,

Костюм детдома мне дала.

Нельзя было без слез слушать эту песню».

Ленинградцы уехали, сохранив добрую память о прошкинцах.

Юрий Борисович Корнилов, закончив Галкинскую школу, поступил в Московский авиационный институт. Много лет служил в ВВС. Защитил кандидатскую диссертацию, работал заместителем директора вычислительного центра Академии наук. Очень хотел приехать в наши края, присылал письма. А в 1977 году его мечта осуществилась. Было много теплых встреч: с жителями села, которых помнил, со школьниками. Для этого было значительное событие: встречали высокого гостя из Ленинграда.

Валентина Иванищева
с.Прошкино Шумихинского района

ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ

Прошли годы, но память хранит воспоминания о том времени, когда я работала в Каменском дошкольном детском доме. Вообще-то тогда в селе Каменном Шумихинского района находились два детдома - школьный и дошкольный. Школьный детдом был эвакуирован из Ленинграда. К сожалению, о нём знаю мало: когда приехала сюда после педучилища, этого детдома здесь уже не было. Правда, слышала, что его воспитанники учились вместе с сельскими детьми. Знаю двух воспитателей, которые трудились там в тот период - Екатерину Ефимовну Сергееву и Ольгу Григорьевну Башмакову. Они обе сейчас живут в Шумихе. Сохранились две фотографии, где запечатлены сотрудники этого дома со своими подопечными.

Сотрудники Каменского детского дома. Май 1949 года

Школьный детский дом базировался в бывшем поповском деревянном доме, на площади села. 14 июля 2000 года в Каменное приезжала из Санкт-Петербурга бывшая воспитанница Ленинградского детдома Ярошенко Валентина. Она помнит все, ходила по селу, вспоминала разные истории, бывших своих воспитателей. С некоторыми воспитанниками Ярошенко до сих пор поддерживает связь.

Ну а теперь более подробно расскажу о дошкольном детском доме. Располагалось это учреждение за речкой Каменкой в двух кирпичных двухэтажных домах, где когда-то жили деревенские богатеи-братья. Стоял ещё один дом - крестовый, в нём была обустроена спальня для детей. На участке также находились баня, домик директора, хозяйственный двор, был разбит цветник, имелся огород.

Государство хорошо заботилось о здоровье обездоленных детишек. Детдом был санаторного типа. Ребят прекрасно кормили, а сотрудники получали повышенную зарплату. Когда я приехала в Каменное 12 августа 1952 года после окончания Шадринского педучилища, детский дом уже был организован. Помню директоров Марию Ивановну Голубкову и Елену Владимировну Оносовскую. Их нет ныне в живых. Воспитателями работали Клавдия Ивановна Суетина (умерла), Екатерина Ефимовна Сергеева (живёт в Шумихе), Ольга Григорьевна Башмакова (г. Шумиха), Нина Ивановна Васильева (проживает в п. Кнутово Щучанского района), Людмила Павловна Пузырёва (г. Шадринск).

Но жизнь не стояла на месте. Одни уезжали, а другие приезжали: это Мария Ивановна Коурова-Алымова (тоже живёт в Шадринске), Валентина Андреевна Алемасова-Микурова и Мария Ивановна Бастрикова (живут в Шумихе); Дина Васильева (отчество, к сожалению, забыла). Фельдшером трудилась Фаина Фёдоровна Старцева, главным бухгалтером - Дмитрий Петрович

Забродин. В штате детдома также были завхоз, кладовщик, кастелянша, конюх, две ночных и две дневных няни, два повара, прачка и сторож. В двух группах - старшей и младшей - насчитывалось чуть более 50 детей. В связи с укрупнением детдомов Каменский дошкольный детский дом был ликвидирован 15 июля 1962 года. Точно не помню, но, кажется, детей увезли в Ольховский детдом и Юргамыш.

Хорошие воспоминания у меня остались о том времени. Десять лет я проработала в детском доме, к делу старалась относиться добросовестно. Очень требовательной была директор Елена Владимировна. На всех утренниках и праздниках я была ведущей, на КМО открытые занятия всегда проходили у меня и Клавдии Ивановны. Не раз оставалась за директора (сохранился приказ облоно). Сохранились и фотографии 1955 года, планы работы, сценарии проведения утренников, грамоты и некоторые другие документы.

Коллектив детдома задавал тон во всех мероприятиях села - участвовал в художественной самодеятельности, проводил политзанятия, подписывал на заём, помогал в сельхозработах, организовывал выборы... Мне пришлось заниматься профсоюзной работой.

Следует отметить, что в детском доме проживали дети из неблагополучных семей: у одного родители находились в заключении, у другого папа маму зарубил топором... Бывали и круглые сироты, и ребята, родителей, которых лишили родительских прав. О дальнейшей судьбе детей не ведаю - ведь столько лет прошло. Но в конце восьмидесятых приезжал ко мне бывший воспитанник Олег Аксёнов, уже побывавший в детской колонии. Он ночевал у меня, рассказывал: «Всегда помню вас, Анна Ивановна, Клавдию Ивановну и няню тетю Дусю Крохалеву». У него была мечта побывать в Каменном, со всеми встретиться. Он и встретился, схо-

дил к домам, где располагался детдом, а потом школа-интернат. Живёт он где-то на востоке, адреса не знаю.

О работе нашего детдома многое может рассказать бывший методист облоно Генриетта Павловна (фамилию не помню), она курировала наш дом. Она проживает в Кургане, её телефон и адрес известен Светлане Петровне Мороз из Шумихи.

О себе хочу добавить: после ликвидации детского дома я полгода проработала воспитателем в школе-интернате при Каменской восьмилетней школе. Затем была избрана секретарём сельского совета. На этой должности проработала почти четверть века - с 1963 по 1987 годы до ухода на заслуженный отдых.

Анна Югова (Нестерова)

С. Каменное Шумихинского района

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Память человека порой до глубокой старости цепко держит картины далекого детства. У нас, детей изможденного блокадного Ленинграда, эпизоды детства встают перед глазами зримо и отчетливо до мельчайших деталей.

19 мая 1941 года меня вместе с моими одноклассниками приняли в пионеры. В тот радостный и счастливый день мы даже предположить не могли, что наше детство кончится уже через месяц.

Мне тяжело вспоминать те далекие суровые блокадные дни. Тяжело писать. Но память, в том числе и наша горькая память, - это тоже духовное наследие народа, и мы ею должны дорожить.

Уже осенью 1941 года мы, ленинградцы, почувствовали дыхание голодной смерти. Только в ноябре город похоронил 11 тысяч своих сыновей и дочерей. Беда не обошла и нашу семью. Погибли родители. Остались мы трое: я, братишка и сестренка. Попали в детский дом. Испытали голод, холод, артобстрелы и бомбежку, видели, как умирали ровесники, близкие люди. В блокаде были 690 дней.

Война навсегда осталась в каждом, кто ее пережил. И теперь бывают минуты, когда перед моим мысленным взором проходит то время.

Нас собрали в эвакуацию из разных детдомов. Война, блокада, голод сделали нас сиротами. Дети, целая толпа детей, заполнила берег Ладожского озера. Шли, спотыкаясь, крича что-то оставшимся, махая над головами дорожными узелками.

Увозили из Ленинграда ночью на военном корабле. Когда плыли по Ладоге, был налет вражеских самолё-

тов. С кораблей по ним били из зениток. Впереди два корабля затонули, так и не доставив драгоценный груз – детей – на Большую Землю. Мы испугались, хотя и привыкли уже к обстрелам, налетам. На другом берегу нас высадили. Самый маленьких матросы вынесли на руках. Долго шли пешком по прифронтовым дорогам с котомками за плечами, сделанными из наволочек. Маленьких и вещи везли на санитарных автобусах. Добрались до станции железной дороги. Потом 14 дней ехали в теплушках. Поезд часто обстреливали и бомбили. Особенно страшно было на станции под Тихвином. Мы там должны были получить сухой паек на дорогу. Поезд тронулся очень резко, наверное, чтобы скорее уйти со станции от бомбежки. Многие попадали с полок, маленькие дети плакали от страха и голода. А поезд увозил нас все дальше и дальше в неизвестность.

Источенные, одетые кое-как, добрались лишь в конце августа 1943 года до конечной станции Чебоксары. Поезд пришел ночью. По пять-шесть ребят сажали на подводы.

До сих пор помню ту ночь. Поразила тишина. Ни бомб, ни снарядов. А небо то и дело полыхает, будто стреляют далеко и потому не слышно.

- Разве и тут война? – спрашиваю.

Возница объяснил:

- Это не война. Это рожь поспевает. А когда пришло время ей поспевать – на небе зарницы светят.

Прибыли мы в мирное село. 120 юных ленинградцев пополнили семью тружеников колхоза. Здесь, конечно, было легче, чем в блокадном Ленинграде. Но и в селе еще было трудно, голодно и холодно. Колхоз, как и вся Чувашия, вся страна, работал на фронт, на Победу. Мы помнили, что стране трудно, что идет война. В свои 12-15 лет очень хорошо понимали, что значит лозунг «Все для фронта, все для Победы!» Оттого и все силы отда-

вали, как и взрослые, чтобы приблизить заветный победный день.

Возобновились школьные уроки. Писали на старых газетах, книгах самодельными чернилами из печной сажи. Учились прилежно, успешно переходили из класса в класс.

Рано повзрослевшие в ту суровую пору, мы стали надежными помощниками взрослых. Помогали им до колоска урожай убирать, работали в поле, на току. Ухаживали за скотом, собирали лекарственные травы, орехи, щавель, грибы. Работали в своем огороде, выращивали овощи на круглый год для всего детского дома. Постоянно были заботливыми друзьями малышей.

Шли годы. Наступил долгожданный май 1945-го. Разве можно забыть его? Даже в пору самых тяжелых испытаний мы верили, что настанет День Победы! Этот светлый праздник для нас, воспитанников детдома, стал самым памятным событием в жизни.

Трудно было в войну, не стало легче и в послевоенные годы. Но, несмотря на все лишения, мы старались хорошо учиться, во всем помогать взрослым. Жили по-прежнему единой, дружной семьей. Но вот пришел час расставания. У многих нашлись родственники, родители. Они, счастливые, вернулись в Ленинград. Но многие остались жить в Чувашии. В суровые годы войны чувашский народ приютил на своей земле, обогрел и накормил около 35 тысяч детей – русских, белорусов, украинцев, эстонцев, латышей, литовцев и других национальностей.

Те дни незабываемы. Они вечно в сердце.

Валентина Масасина

с. Садовое Кетовского района

**Геннадий
Устюжанин**

МАТЬ

Солдатская вдова Анна Стафеевна Исакова приютила пятерых детей, обездоленных войной. Вначале она взяла одного парнишку, Алика Акатьева, потом Гена Опалихин смущенно спросил: «А меня возьмете, Анна Стафеевна?»

Взяла.

Приходили и другие. И всем хватало места в доме колхозной бригадирши. И хотя жизнь досыта грузила забот и невзгод на плечи женщины и ребятишек, в семье крепко держались друг за друга.

Проходили годы. Поднялась на ноги семья. Казалось, все уже забыли о доброте женщины. И вот письмо в редакцию от колхозников деревни Малый Кизак: «Расскажите, пожалуйста, о нашей Анне Стафеевне, солдатской вдове, которая не родила ни одного ребенка, а стала матерью большой семьи».

В Малом Кизаке я отыскал дом Анны Стафеевны без труда. Попал в торжественный момент: один из сыновей, Альберт Акатьев, справлял свадьбу, другой – Геннадий Борчанинов – приехал в отпуск.

Хозяйка, старушка лет шестидесяти пяти, еще бойкая, черноглазая, по-матерински красивая в радости, хлопотала у плиты. В доме веселье. «Горько! Горько!» Дзинькают сдвинутые разом стаканы.

Всякий человек, зашедший в дом, где свадьба, - гость. Приглашают к столу.

Вижу, хозяйка едва успевает готовить закуски. Говорю, что на флоте был коком, напросился к ней в помощники.

В чугуне кипит вода. Вышли мы со Стафеевной в сенцы, где на досках-полатницах наморожены пельмени.

Старушка смотрит на меня глазами, полными любопытства.

- А все-таки, парень, гостем ты у нас неспроста.

- Точно. Неспроста, Анна Стафеевна. – Подал ей письмо колхозников.

Она читала медленно. И когда кончила, руки ее уже не слушались, а по щекам катились слезы. Она закрыла лицо фартуком и зарыдала.

- Да неужто люди это заметили, неужто до сей поры помнят?!

Надо нести пельмени, а она слезы унять не может.

Выбежали из комнаты сыновья и на руках занесли Анну Стафеевну в дом.

НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СОВЕСТЬ

Мне шел тринадцатый год, когда началась война. Помню, как провожали наших отцов и братьев на фронт. Около Совета стояла грузовая машина, полная народу, и почти вся деревня - провожающие, плач жен и матерей, отцов и детей. Машина уходила, а люди еще долго махали вслед.

Некоторые уверяли, что война не должна быть долгой, что скоро все должны вернуться домой. Но получилось все не так.

В августе взяли на фронт и нашего отца. Мама пошла работать за папу конюхом, а мне пришлось сидеть с младшими дома. Думали, что папа скоро придет домой, и я пойду в школу. Но учиться мне больше не пришлось (доучивалась после войны в вечерней). В колхозе сделала ясли, и я пошла работать.

Помню, как бригадир мне говорит:

- Вот, Кланька, тебе работа не тяжелая – молоко на корове возить с фермы на сливкоотделение.

Лошадей в колхозе забрали на фронт, работали на быках и коровах. Но работа моя была совсем не легкая. Доярки подоят коров, я везу, это молоко надо просепарировать на ручном сепараторе. Сепаратор был большой, крутили его два человека. Просепарируем – надо забрать обрат и отвезти его телятам. А доярки уже приступают к дневной дойке. Я опять везу это молоко. И так три раза в день – такой вот круговорот. Особенно тяжело было таскать фляги и грузить на телегу.

Конечно, не только молоко возила. Пахали и боронили на быках и коровах, вязали снопы, сено косили и складывали в скирды. Бывало, уедем на дальние поля,

там и спали в балаганах. Домой приезжали только помыться в бане.

Тяжело было всем, особенно женщинам, у которых малые дети: работали от темна до темна, так детей из яслей даже не брали. В яслях давали хлеба немножко да молока чуть-чуть. Женщин отпускали иногда с работы постирать, одежду починить, ребятишек помыть, в огороде пополоть, дома порядок навести.

Пахали, сеяли, убирали хлеб, а есть нечего было: весь хлеб, что собирали, сдавали государству, нам же оставались отходы. Мы их мололи на ручных жерновах и стряпали пополам с картошкой лепешки.

На каждый двор налагались налоги: надо было сдать мясо, молоко, яйцо, шкуру с животного. Кто платил, а кто и не мог заплатить, опять недоимка. Значит, на следующий год платить больше.

Хватили люди лиха, но работали не за страх, а за совесть, верили, что победа все-таки будет наша.

Уже много в село пришло похоронок, почти в каждом доме оплакивали своих близких. Пришла похоронка и в наш дом. Очень жаль было папу, но еще больнее было видеть, как убивается мама, ведь нас у нее осталось четверо.

Соседки пришли, как могли, успокаивали маму, хотя у самих горя полно, многие уже потеряли мужей, братьев, сыновей, но старались как-то утешить, помочь.

Зимними вечерами молодежь ходила в избу-читальню. Там был приемник, слушали Москву, сводки с фронта. Вязали варежки, носки из шерсти, старики приносили табак собственного изготовления, все это отправляли на фронт.

Организовали художественную самодеятельность, выступали, пели песни, частушки, высмеивали немцев, чествовали своих, старались поднять настроение сельчан. И люди шли на наши выступления и были благодарны нам.

Все пережили – и холод, и голод (все думали: когда же мы наедемся досыта), и непосильную работу. Все делалось ради Победы.

И вот 9 мая. Мы были в поле. Бригадир едет, кричит: - Выпрягайте быков, домой айда -те. Победа!

Приехали в село. Уже флаги везде развешаны, ликует народ, идет митинг. Радость, конечно, у людей, а у многих слезы: больше половины из нашего села не вернулись домой.

А наутро опять работа, опять женщины, старики, дети да раненые мужики поднимали искалеченное войной хозяйство.

Клавдия Плахина
с. Рассвет Мокроусовского района

РОДНЫЕ МОИ ВОСПИТАТЕЛИ

В село Кислянку Усть-Уйского района нас привезла воспитательница Далматовского детского дома тетя Шура (Александра Георгиевна Ермакова). Приняла нас в своем кабинете на правах хозяйки директор Кислянского детского дома тетя Соня (Софья Флегантьевна Раевская).

Когда все формальности оформления были соблюдены, тетя Шура обратилась к нам:

- Ну, ребятишки, давайте будем прощаться.

Маленький кабинет директора взорвался криками:

- Тетя Шура, не уезжайте!

- Тетя Шура...

- Тетя Шура...

Не сговариваясь, мы громко и безутешно расплакались.

- Нельзя мне оставаться, ребята, я на работе, - будто оправдываясь, объясняла тетя Шура.

Она ушла, а плач еще долго преследовал нашего родного воспитателя.

- Ну, зачем вы так, ребята? Так ведь можно весь дом разбудить. Давайте быстренько в баню, а потом легкий ужин и спать, - тоном хозяйки распорядилась тетя Соня.

Примерно через час мы были в чистых постелях.

Но шок от прощания с тетей Шурой и новой обстановки прошел не сразу.

На следующее утро воспитанники детского дома шумными группами шли в столовую, а мы стояли в стороне и наблюдали за непривычной для нас жизнью.

- Ну, а вы почему не в столовой? - увидев нас, сказала воспитательница, - ну-ка, давайте быстренько!

- Не пойдем, - разом буркнули мы.

- То есть как это не пойдете?

- Не хотим – и все тут! – поставили мы ультиматум.

- Так не хотите или не пойдем? – все еще допытывался строгий женский голос.

- Не пойдем! – заявили мы и снова закатали мокрую от слез истерику.

Плакали громко и долго, не замечая, что со слезами выплескивали два таких родных и теплых слова «тетя Шура».

Нашу тройку «ревунов» рассортировали по классам, и я оказался у классного руководителя, учителя математики Марии Павловны Куцабовой.

Не знаю, почему, но учителей мы, как правило, называли по имени-отчеству, а воспитателей просто – тетя Шура, тетя Соня... Хотя тетя Соня была директором детского дома. И, конечно же, в годы трудных испытаний она воспитывала подрастающее поколение в духе трудолюбия, стойкости и величайшей преданности своей родине.

Сколько помню себя, мы много работали.

С наступлением лета выезжали с рабочим подсобного хозяйства дядей Колей на «полуторке» за тридцать-тридцать пять километров в деляну для заготовки дров. Ох, и трудно было! Однажды готов был сорваться и истерично закричать на весь лес:

- Все! С меня хватит! Я больше не могу, дядя Коля!

Но я сжал зубы и не закричал. Стерпел. А значит, победил! Немыми свидетелями тому были окружавшие нас зеленые стены берез. И пронизательный дядя Коля (Николай Васильевич Дуров) заметил, не сдерживаясь:

- Ну, Эдик, еще годок такого испытания, и тебе нипочем будут трудности в жизни.

Дни шли за днями. И, наконец, пришли присланные тетей Соней автомашины. Загрузив их дровами, мы возвращались домой. Я чувствовал себя победителем.

Еще бы: выдержать такое испытание. Как это пригодилось мне во взрослой жизни, на комсомольско-молодежной стройке по возведению железнодорожной магистрали Абакан – Тайшет!

Не однажды воспитывала тетя Соня меня и моих сверстников на сенокосах. Подсобное хозяйство детского дома расширялось и нуждалось в запасах кормов.

Мне отводилась роль «грабельщика». Сидя на железных конных граблях, с двумя огромными колесами, я сгребал подсохшее сено в валки. А потом запрягал коня в березовую волокушу и возил сено к зароду. Июльская жара порой «доставала» нас так, что в пик зноя мы скрывались в балаганах. Едва жара спадала – вновь приступали к работе.

Были трудности, была и романтика. Иногда на дальних покосах жили неделями. Запомнились ночлеги у пляшущего пламенем костерка, с подвыванием волков, захватывающими дух рассказами дяди Коли о случаях его богатой событиями жизни.

Мои ровесники, конечно, помнят, что в первые послевоенные годы были в моде постановки, художественное чтение, демонстрация сложных акробатических этюдов и пирамид. Все это было в Кислянском детском доме. Организатором физкультурных выступлений был завуч Михаил Петрович Тихих. А навыки чтеца-декламатора прививала моя любимая учительница Анна Ефимовна Гаврикова. Мне она поручила выучить наизусть, а потом прочесть со сцены отрывок из романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

Я сейчас, спустя пять десятилетий, помню этот текст. С каким бы удовольствием я прочел его любимой учительнице! Где Вы сейчас, дорогая моя Анна Ефимовна?

Помнится многое: торжественные линейки, пионерские походы, выступления у костра, пастьба лошадей в ночном.

Жизнь была полнокровной. Но не хватало одного – материнского родительского тепла! Для меня олицетворением мамы были тетя Соня, тетя Надя (Надежда Флегантьевна Раевская - Кулагина), Анна Ефимовна Гаврикова, Мария Павловна Куцабова.

В сентябре 1954 года мы, четыре воспитанника, покидали детский дом, уходили в самостоятельную жизнь. Тетя Соня по-матерински поцеловала нас, а меня попросила:

- Эдик, будет время, черкни, пожалуйста, родной, о нашем детском доме в Усть-Уйскую районную газету, хорошо?

- Хорошо, - пообещал я тогда.

Простите меня, дорогая тетя Соня: в текучке дел не вспомнил я о своем обещании. Может быть эти строки послужат мне оправданием. Я благодарен тете Шуре, тете Соне, всем, кто скрасил мое сиротство и вывел на верную дорогу жизни.

Эдуард Гирш

Алтайский край, поселок Малиновое Озеро

С ВЕРОЙ В ПОБЕДУ

В тринадцать лет я осталась сиротой. Мама умерла, а папа был призван в первые дни войны и пропал без вести.

Я обратилась к директору мельзавода Шмелеву, где работал мой отец, и попросила взять на работу. Меня оформили учеником лаборанта, а чем только не приходилось заниматься... Мельзавод держал подсобное хозяйство, были кони, коровы, свиньи. Потом коней забрала на фронт, на замену поступили низкорослые дикие кони из Монголии.

Вручную грузили и разгружали зерно и муку, познали трудности лесозаготовок, летом от зари до зари работали в поле. Уставали, конечно. Еще подростком освоила трактор, выполняла все полевые работы. Однажды уснула за рулем «Колесника» и въехала в стог соломы. Бригадир, конечно, отругал. А я и сейчас вспоминаю тот случай со страхом и болью в душе, ведь от искры могла бы загореться солома, а там и до беды недалеко.

Так и работали на пределе человеческих сил. Но в нас были вера в победу, честь, совесть и любовь к Родине.

Антонина Мухаметова (Коротовских).
г.Щучье

Майя
Миргородская

ПОД «КРЫЛОМ» ДОБРОТЫ

1941 год. Земля задыхается от пожаров войны, развязанной фашистской Германией. День и ночь с запада на восток идут эшелоны. Эвакуируют заводы, оборудование, людей.

С одним из них я приехала с семьей с Украины в Белозерский район, тогда Челябинской области.

Эпидемия сыпняка унесла мать. Погиб на фронте отец. Меня с братишкой взяла на воспитание семья Медведевых, у которых своих-то было пятеро ребят-шек. Взяли и всех вырастили, выучили. Я окончила пединститут, брат стал инженером авиационного института. Замечательные это были люди Павел Григорьевич и Агриппина Ильинична. На всех нас, детей, хватило заботы, ласки. И мы, принятые в семью, воспитывались «под крылом» доброты Агриппины Ильиничны. Это ей, неутомимой труженице, активистке, просто чуткой и душевной женщине за её тепло, доброту и ласку я посвятила эти стихи:

МОЕЙ МАТЕРИ

Не она, наклонясь над мою кроваткой,
В детстве чутко ночами мой сон берегла;
Не она любовалась заветной тетрадкой,
Той, что в школу с собой я впервые брала.
Не она, а другая... Не зная невзгоды,
Может, с ней бы не встретилась я никогда.
Но суровой порой сорок первого года
В край родной, в дом родной мой ворвалась беда.
Детство в дыме военных дорог затерялось,
Потеряла я дом и родную семью.
В это трудное время я с ней повстречалась
В незнакомом мне прежде сибирском крае.
Разве можно забыть, как, не зная покоя,
В те суровые годы, в тревожные дни
У меня она теплой своею рукою
Вынимала из сердца осколки войны.
И от ласки её бережливой и нежной,
От тепла её рук, от заботы такой
Ожила я и вновь засмеялась, как прежде,
Расцвела, как под солнцем цветок полевой.
Дом родной и семью я нашла в этом крае,
Все, что дорого ей, стало мне дорогим.
Вот за это я мамой её называю -
Самым ласковым именем, самым родным.

г. Курган

ЧЕРЕЗ ДЕТСКИЕ ДОМА И ИНТЕРНАТЫ

Я родилась в 1934 году в деревне Ачикуль Белозерского района. Отец работал шофером, а мама – в колхозе. Мне было два года, когда мама умерла. Отец женился, от второго брака родился брат Толик, но вскоре умер. В 1939 году родилась сестренка Алла. Отец заболел туберкулезом и вскоре умер.

После смерти отца я жила с мачехой в Магнитогорске. Затем за мной приехала сестра мамы и увезла к себе в Курган. А через некоторое время она сдала меня в детский приемник. Было мне пять лет. Так начались мои скитания по детским домам и приемникам. Я прошла через детские дома: Курганский дошкольный, Долговский, Песчано-Колединский, Пепелинский трахоматозный, 1 Белоярский и завершила свои хождения по мукам в Шатровском детском доме.

Не проходило года, как вновь надо было покидать обжитое место, прощаться с коллективом, к которому едва успеваешь привыкнуть.

В 1951 году меня забрал из детского дома дедушка, отец моей мамы. У него я прожила год и ушла к тете, которая увозила меня от мачехи из Магнитогорска. И у нее я прожила тоже год.

Какая-то стабильность в жизни наступила, когда начала работать портнихой в швейной мастерской «Новость».

Мне очень хотелось устроить свою жизнь, получить образование и профессию. Без отрыва от производства училась в вечерней школе, затем поступила на крановый завод, который в 1955 году переименован в Курганский машиностроительный. Все эти годы работаю на заводе, даже после выхода на пенсию.

Воспитанницы Шатровского детского дома Зоя Карпова, -
Нина Мажуть, Нина Суханова и Зина Гаврилова. 1951 год.

В трудовом коллективе я нашла стабильность, о которой мечтала, скитаясь по детским домам. Я чувствую уважение товарищей по работе, имею в награду медали и почетные грамоты. Моя дочь Ира получила высшее образование, внуки работают, увлекаются музыкой, участвуют в молодежном движении.

А еще мою душу согревают теплые отношения с воспитанниками Шатровского детского дома. Прошло много лет с тех пор, как мы покинули дом нашего сиротского детства, но нас не покидает чувство, что мы родные, близкие люди.

Зоя Рогова (Карпова)
г. Курган

ЗАБОТИЛИСЬ, КАК О РОДНЫХ

В августе сорок первого из Московских Сокольников были эвакуированы два детских дома - 35-й 36-й. При отходе из Москвы эшелон с детьми попал под бомбежку. Многих детей ранило, а некоторые погибли. Без руки осталась Надя Калининкова. Сопровождающие оказывали медицинскую помощь, делали перевязки.

Из Кургана, куда прибыл эшелон, детей повезли в сельские детские дома. Москвичей доставили в Белозерский и Першинский детские дома. В Першино также прибыло пополнение из Ленинграда, Тулы и других городов.

Женщины, работавшие в детдоме, плакали, встречая забинтованных, изможденных ребятшек. Как могли, успокаивали, делали перевязки.

Разместили детей в нескольких зданиях, принадлежавших лестрансхозу.

Зоя Наумовна Бородина работала поваром и кладовщиком. Работы было много: накормить 190 человек не так-то просто. Жители села сдавали в детдом картофель, лук, капусту. На следующую весну ребята сами вскопали огород и посадили овощи. Для нужд детдома было отведено поле, на котором сеяли овес и пшеницу. Пахали на лошадях, боронили на лошадях и коровах. Сеяли вручную. Работник детского дома Гурьян Иванович Бутаков брал лукошко и по-старинке засеивал поле. Косили хлеба вручную, молотили на конной молотилке.

Хлеб пекли в сельповской пекарне, и дети всегда имели свежий хлеб. Пекарями работали Прасковья Андреевна Вятчинина и ее мать.

Тяжело приходилось и прачке Матрене Трофимовне Вятчиной, а стирки было очень много.

Учились детдомовские ребята вместе с деревенскими в Першинской семилетней школе, где директором был Василий Николаевич Буров. В темное время занимались при свете керосиновых ламп. Чернила научились изготавливать из сажи, а писали на газетах между строчек.

Воспитанники Першинского детского дома. 1958 год.

Ребята постарше ездили в лес на заготовку дров: спиливали деревья и везли их в детский дом, где их пилили на чурки и кололи. Иной раз попадались такие смолистые сосны, что пилу невозможно было продернуть. Тогда приходилось идти на хитрость: тайком из ламп сливали керосин и очищали им пилу.

Летом ходили в лес по грибы и ягоды. Старшие ребята обменивали ягоды у деревенских на махорку, а младшие – на молоко. Осенью собирали шиповник для витаминного чая.

Зимой любимой забавой было катание с гор. Уходили на лыжах к деревне Горушки (там высокие горы) и катались дотемна.

Великой радостью было кино. Изредка приезжала кинопередвижка, и для детей наступал праздник.

После окончания 7 класса парней и девочек направляли в Курган в ремесленные училища и ФЗУ. А некоторые воспитанники закрепились в селе Першино, обрели здесь жизненную опору.

Николаю Смирнову было 8 лет, когда покинул родную Москву. Воспитывался в Белозерском, а затем в Першинском детских домах. Когда окончил 7 классов, остался работать пионервожатым. Отслужил в армии и вернулся в Першино. Получил высшее образование. Работал в торговле, затем секретарем парткома и бухгалтером колхоза «Россия».

В этом же колхозе прошла трудовая жизнь Виктора Сидорова, Владимира Кузнецова, Надежды Черепановой, Валентины Неизвестных и других воспитанников Першинского детского дома.

Многие воспитанники живут в Кургане, изредка приезжают в Першино. Помнят они своих воспитателей, которые заменили им родителей, заботились о них, как о родных.

Геннадий Попов
Белозерский район

Также приходилось и пращка Матроне Трофимовне Ватманской, а стирки было очень много.

СУДЬБЫ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

В Белозерском районе проводился смотр музеев и комнат боевой и трудовой славы. Учащиеся Ягодинской средней школы собрали богатый материал о II Могилевском детском доме и заняли первое место в смотре.

На областной краеведческой конференции с докладом «Спасенное поколение» выступила член совета комнаты боевой и трудовой славы Юлия Петрякова.

Не звонкими кострами, а горьким испепеляющим пожаром вспыхнула земля на июньском рассвете сорок первого года.

Рано утром 24 июня десятиклассница Таня пришла навестить своего отца Петра Васильевича Догло, который работал доктором в одной из детских больниц Минска. Таня ушла из дома на час-другой, а вернулась... после освобождения города от фашистов.

Доктор Догло только закончил обход, как начался налет вражеских самолетов. Загорелось здание дома ребенка. Сотрудники больницы кинулись спасать детей. Из огня были вынесены десятки ребят. Еще около 60 детей находились в подвальном помещении, где размещались ясли-изолятор. Огонь подступал и к этому помещению.

Петр Васильевич выскочил на улицу, стал останавливать машины. Одна притормозила. Быстро погрузили в кузов перепуганных, ничего не понимающих ребятшек, кое-что из продуктов, залезли сами. С ними и Таня.

Медленно, но двигались вперед. Сквозь вой сирен, стоны раненых донесся душераздирающий плач ребенка. Добрые руки медицинских сестер вынесли из огня полуобгоревшего мальчика, примерно лет четырех-пяти. Приняв в машину, медсестры всю дорогу выхаживали Алика Малкина. Схожа и судьба маленького Коли Иванова, подобранного в начале пути. В журнале появилась запись: «Подобрали в городе Минске, круглолицый, курносый мальчик с серыми глазами».

В двадцати километрах от Минска Таня узнала в потоке людей маму, Евгению Николаевну. Волею случая семья Догло оказалась вместе и взвалила на себя великую тяжесть дорожных забот о маленьких минчанах.

Насмотрелись ужасов и людских страданий столько, что помнятся всю жизнь. И сейчас еще видится: на берегу реки – умирающая женщина, по ней ползает ребенок, тоже окровавленный, а рядом еще один ребенок с оторванной ногой, истекающий кровью.

По таким же дорогам выбирались дети из блокадного Ленинграда. А встретились они в детских домах Зауралья.

Детский дом был открыт и в нашем селе II-Могильное (теперь Ягодное). Разместился он в приспособленных для этих целей зданиях на берегу озера Могильное. Было два спальных корпуса, пекарня, столовая, баня. Открывала детский дом ленинградка Елизавета Павловна Аман. После снятия блокады Ленинграда Аман вернулась в родной город, а заботы по руководству детским домом принял Алексей Ефимович Чистяков. Завучем долгое время была Анфуза Григорьевна Тугусова.

Во II-Могилевском детском доме воспитывались и эвакуированные дети, и местные. Некоторые прошли через несколько детских домов.

В свидетельстве о рождении Майи Васильевны Виногоградской значилось, что родилась она в селе Птичье

Щучанского района. Но старожилы села не помнят, чтобы там когда-то проживали Виноградовы. Оказалось, что свидетельство Майе выдали в 10-летнем возрасте, когда она находилась в Птичанском детском доме. Значит, место ее рождения не было известно. До нее дошли сведения, что она вывезена из Ленинграда. В учетной карточке значилось, что у нее есть два брата. Совместно с краеведом Бородиной Майя Васильевна начала поиск братьев. И через 40 лет откликнулся Виктор Васильевич, проживающий в селе Каховка Амурской области. Он воспитывался в детских домах Запорожской области.

Вот что вспоминает Майя Виноградова:

«В августе 1982 года передали по радио мое объявление, затем пришло письмо и следом – телеграмма, что брат с женой и младшим сыном едут в Курган. Мы взяли автобус и поехали их встречать. Увидели друг друга, обнялись, плакали и смеялись. Дома уже был накрыт стол. Собрались соседи, долго сидели, разговаривали. Гостили они у меня неделю, помогали по хозяйству. Но время пролетело быстро. Проводила я их, сейчас переписываемся. Но до сих пор не могу найти второго брата Валентина, куда только ни писала. Но все еще живу надеждой».

Судьбы, судьбы, судьбы... Судьбы детей войны. Огненный вал прокатился по их жизни. Некоторые воспитанники детского дома остались жить в нашем селе. А другие разлетелись по свету. Всем им, благодаря своим наставникам, суждено было остаться в живых. Спасенное поколение имеет свои семьи, детей и внуков.

Юлия Петрякова

с. Ягодное Белозерского района

ЗАКАЛКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

На въезде в деревню Теплодубровное привлекают внимание заросли из сирени и клена. Старожилы помнят о том, что здесь когда-то был детский дом. Его историю отразила в комнате боевой и трудовой славы ветеран педагогического труда Галина Васильевна Хамицкая.

В 1929 году в Петухове сгорело здание детского дома, в результате ребят перевезли в Стрельцы, где разместили в домах раскулаченных хозяев. Группа мальчишек жила в домах Пичкановых, Земляновых, дошкольная группа девочек – в домах Юровского, Суханова. Директором в ту пору был Деев, завучем – Анна Васильевна Людвигова.

Вначале в детдоме было 180 ребят. В 1934–1935 годах новый директор Георгий Федорович Попов перевез детей в Теплодубровное в здание реконструированной церкви.

Георгий Федорович руководил детдомом до 1936 года, затем директором был назначен Александр Иванович Попов. Его сменил Александр Иванович Прусак, который в 1941 году ушел на фронт. Эту ношу взвалила на плечи Фаина Николаевна Смердева.

Коллектив под ее руководством выдержал военное лихолетье.

В войну везли детей из Ленинграда, Москвы. А в начале января 1942 года прибыла группа из детского дома имени Макаренко (Донбасс). Путь их был долгим и трудным. Многие умерли от бомбежек и голода. До конечного пункта доехали 45 ребят – опухшие, отекавшие, обоживленные.

Фаина Николаевна их встретила на станции Петухово. Всех детей выходили, поставили на ноги.

В войну на ферме детдома содержались 75 овец, из шерсти которых вязали варежки, 10 коров, 22 лошади, три пары рабочих быков. Корм заготавливали сами. Из старших мальчишек набирали 15 косарей, которые ловко управлялись с литовками. Сеяли пшеницу, овес, сажали картофель, пахали землю на быках, а урожай убрали вручную. За Лучкой, на увале, была детдомовская полоса. А огород находился рядом с детдомом. Сами же заготавливали по 800 кубометров дров.

Были созданы юнармейские звенья. Ребята учились без двоек. Воровства не было, а если замечалось что-то нехорошее - секли крапивой. Был клуб, при котором работали кружки, спортивные секции. Кладовщик Савелий Иосифович Мелкозеров играл на гармошке, и Иван Иванович Кочеров – на баяне. Был и струнный оркестр.

Много сил и здоровья отдал детскому дому бывший фронтовик Степан Зиновьевич Романов, который был директором с 1945 по 1951 годы. Это было непростое время.

Вот как вспоминает те годы бывший повар Екатерина Яковлевна Стрепуховская:

«Не хватало одежды, топлива и продуктов питания. А детей было около трехсот. Чтобы выжить, много работали на огороде, в своем подсобном хозяйстве.

Все хорошее и плохое дети и взрослые делили поровну. Главное – ребята получили закалку и отличное воспитание на всю жизнь. Когда уходили из стен детдома, скучали, во время отпусков приезжали, помогали косить сено, заготавливать дрова. И детский дом не забывал своих воспитанников».

К 1955 году в детском доме осталось 24 воспитанника, и ребят увезли в Половинский район.

Наталья Баева
Петуховский район

ТРУДОМ ПРИБЛИЖАЛИ ПОБЕДУ

Тысячи детей и подростков Зауралья трудились на заводах и фабриках, на полях и фермах, приближая долгожданный миг Победы. Их подвиг отражен в газетных полосах и на книжных страницах, в архивных документах и воспоминаниях.

Токарь «Уралсельмаша» Васек Янович (так звали его сверстники) начал обрабатывать за смену не одну деталь, как это предписывала нормировка, а десять деталей!

- Это вам, гады, от меня, закуска. Погодите, не то еще будет! Заставим вас пятый угол искать!

С ног валился парнишка, не уходил от станка. И никто не мог уговорить его отдохнуть. Такой был упрямец.

Комсомолка Рая Верховская из литейного цеха выполняла по шесть норм!

Был такой случай на «Уралсельмаше». Два слесаря, два друга, Федоров и Поделов, получили боевое задание – изготовить модель вновь осваиваемого вида продукции. Трое суток не выходили они из мастерской. Один упал в голодный обморок. Врач приказал увезти больного в медсанчасть. Но парень, очнувшись, наотрез отказался от медицинской помощи.

- У нас не принято подводить товарищей! – заявил он и принялся за работу.

Задание Государственного Комитета Оборона было выполнено в срок.

Михаил Шушарин

«Вскоре после Мухомов закончил работу на заводе и
Одну из бригад на «Уралсельмаше» возглавила Соня
Половина. Соня приехала в Курган из Белоруссии. В
конце 1942 года фашисты искалечили ее жизнь: казни-
ли родителей и родственников за участие в партизанско-
м движении, даже маленьких племянников повесили
каждого на отдельной веревочке. Можно понять девуш-
ку, ее горе. Отомстить ненавистному врагу за родных,
за поруганную, разоренную Отчизну — что может быть
более святым? И она работала, как говорили в то вре-
мя, «всем чертям назло», работала так, что удивлялись
даже взрослые, познавшие жизнь женщины. «Приляг,
девонька, отдохни. Смотри, на тебе лица нет!» — лас-
ково говорили они девушке.

Но она была неуправляема. Она и стала инициатором
безостановочной работы бригад. Пришла к начальнику
цеха и сказала:

- Давайте не останавливать станки даже во время
обеда.

- Как это сделать?

- Будем ходить в столовую поочередно, подменяя
друг друга.

Пустячное, на первый взгляд, предложение вырази-
лось впоследствии далеко не пустячной цифрой - рез-
ким увеличением производительности. На фронт кати-
ли и катили составы с продукцией Курганского «Урал-
сельмаша».

Это приближало Победу.

Михаил Мозин

Когда началась война, Миле Ершовой (Сумароковой) было одиннадцать лет и училась она в третьем классе одной из шадринских школ.

В сорок втором их семья проводила отца Владимира Александровича. Его по состоянию здоровья на фронт не взяли, а отправили в трудармию. Мать работала в пригородном колхозе. Потом оставила учебу в школе и пошла на телеграф разносить телеграммы. Милина сестра Зина, а за нею, закончив в сорок третьем пятый класс, и тринадцатилетняя Миля. Сама пришла в отдел кадров эвакуированного из столицы телефонного завода, ставшего военным. Столь юной работнице нисколько не удивились: завод в войну в основном держался на таких вот подростках и женщинах. Направили девочку на зуммерный участок, поставили мотать катушки для полевых телефонных аппаратов.

Работники завода были на казарменном положении. Когда работали в первую смену, можно было сходить домой, а когда во вторую и в третью – ночевали здесь же, на заводе, а спали прямо в цехе на длинной печи, на которую было набросано тряпье.

- Самая тяжелая, - говорит Милица Владимировна, - была третья смена, с полуночи. Пальцы уже механически делают свое дело, а глаза закрываются, голова то и дело падает. Начинаем делиться новостями с фронта, услышанными по радио, вспоминать разные случаи, петь, чтобы как-то стряхнуть сонливость. Кто-то вдруг тихонько начинает плакать – накануне получил похоронку на кого-то из близких. Зашмыгают носами другие – почти в каждой семье уже было такое горе или долго нет писем...

- В первую смену работалось гораздо легче, - продолжает она, - а вечером мы еще умудрялись поиграть,

хотя и сильно уставали, погулять по городу – молодость брала своё...

Вскоре после Мили перешла работать на завод и сестра Зина. Здесь давали карточки, а еще кормили в столовой. Еда не ахти какая: жиденькая каша на воде, жиденький супчик и крохотный кусочек хлеба. Все это съедалось в один момент, и к концу смены начинало сводить от голодных спазмов желудок. Но ничего, пережили все, не одним им тяжело было. К тому же постоянно грела душу мысль о том, что и они вносят свой вклад в победу над врагом, что их аппараты очень нужны на передовой.

Закончилась война. Милю вместе с подругами наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг».

Людмила Жорнова

После гибели Зои Космодемьянской в Щучанском районе собирали деньги на танковую колонну «Таня». Инициатива исходила от коллектива Чистовской школы. Ученики Чистовской и Сухоборской школ соревновались, кто больше соберет средств. В одном из номеров районной газеты есть заметка о том, что ученики Чистовской школы уже собрали 450 рублей. Больше всех заработали и сдали денег (по 15 рублей) Пономарев Вася и Сонов Володя.

Оксана Горохова

ДАЛЕКОЕ ЭХО

Дети XXI века о детях Великой войны

Учащиеся Чистовской школы Щучанского района записали воспоминания односельчан о годах Великой Отечественной войны.

С чувством гордости и восхищения пишут современные школьники о своих бабушках и дедушках – героях фронта и тыла, детях Великой войны.

А за скупыми строками свидетельств жителей только одного села предстает широкая панорама событий и судеб.

Из воспоминаний Елены Бирюковой

Когда началась война, я была школьницей – подростком. Нашей семье война принесла много горя.

Моя мама проводила на фронт четырех сыновей – моих братьев. А вернулся только один, и тот скоро умер от ран.

Старшая сестра Ольга овдовела и осталась с пятью детьми. У брата Федора, когда его на фронт взяли, осталась маленькая дочка Лида. Только и успела первое слово сказать: «Папа».

Нас с сестрой Анной взяли на работу в колхоз. По нынешним понятиям еще совсем детьми были. А работали и в поле, и на ферме. Особенно тяжело было на лесозаготовках.

Мама заботилась о внуках. Берегла для них лакомство – паренки из свеклы, морковку сушеную, чай морковный. Возле дома черемуха росла. Мама следила,

чтобы старшие внуки ягоды на нижних ветках не трога-
ли. Берегла для маленьких внучат. Говорила: «Эту вет-
ку я для тебя берегла». Каждый чувствовал себя люби-
мым, ведь его ждали, вот какой гостинчик берегли.

Из воспоминаний Клавдии Куликовой

В войну у нас в село стали прибывать беженцы. Мы
с дочерью одни остались. К нам поселили семью бе-
женцев. Муж с женой – учителя и сын лет шести. Мужа
потом на фронт забрали, а жена в школе работала.

Мы с дочерью на кухне жили, а им комнату уступили.
Мальчик был избалован. Однажды озорничал и устро-
ил пожар. Все у нас сгорело. Дом отремонтировали, а
ни одеть, ни поставить нечего. Бедствовали очень. Но
духом не падали. Как все, в колхозе работали.

Из воспоминаний Галины Яковлевой

Нас с мамой эвакуировали с Украины. Ох, и настра-
дались мы! Война. Бомбежки. Долгая дорога. Здесь нас
встретили по-доброму. Жилье дали на хуторах.

Зимой мы с девочками заготовливали дрова для шко-
лы, детского сада, госпиталя. Летом-то было не до дров.

У нас было поле картофельное. Нароботаемся с дро-
вами, а потом начинаем поле пахать в снегу. Бригади-
ром у нас был старичок из Чистого. Он научил нас, как
копать: рядок – то ровный, нашли картошку – копайте
прямую траншею. Насобираем мороженой картошки
штук 10-15 и рады. А снегу сколько перепашем.

Потом нас отправили в Каясан, в МТС на тракторис-
ток учиться. Наставница у нас была строгая, Мария

Федоровна. У нее сын на фронте без вести пропал. Она в поле только что не жила. Молодым помогала, весь ремонт был на ней. Мы-то только водить тракторы умели. Сломается трактор – мы в слезы. Надорвалась Мария Федоровна при ремонте, тяжелую деталь подняла. Скоропостижно скончалась, можно сказать, на рабочем месте.

Из воспоминаний Натальи Ботовой

В войну мы жили на родине мужа в селе Пивкино. Он умер в первую военную зиму. У меня семь детей. Старший сын подростком был. Все Бога просила, чтобы война скорее закончилась, и ему воевать не пришлось. А фронту помогать как-то надо? Я и помогала. В колхозе и я, и дети лет с 12 работали, посылки на фронт слали, на государственные займы подписывались. А где деньги брать? Работали-то за трудодни. Вот и старались в город съездить, что-нибудь продать: черемуху, табак, хлеб, семечки. До станции 17 километров. По пояс в снегу идешь. Купишь соли, мыла да за облигации отдашь. Вот и вклад в Победу.

Записала Ирина Задорина

МОЙ ДЕДУШКА – ИЗ СПАСЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

У меня есть дедушка – Владимир Макарович Воробьев. Это спокойный, добрый человек, любящий нас, своих внуков. Многие люди отзываются о нем хорошо, говорят, что мой дедушка тактичный, отзывчивый, доброжелательный, очень ответственный.

Он – представитель того поколения войны, которое называют спасенным поколением. Он выжил, и поэтому есть мы – его четверо внуков. Ниточка жизни продолжается.

Когда дедушка рассказывал о войне, то у него на глазах застывали слезы. Его рассказ я записала почти дословно.

- Мне сейчас 64 года, а в то время, когда началась война, мне было всего-навсего 6 лет. Я не понимал, что началась война, но чувствовал, что надвигается что-то плохое и необыкновенно ужасное. Смотрел по сторонам, не понимая, что происходит. Я смотрел на недавно стоявший вблизи завод, разнесенный на мелкие частицы, которые, казалось, было не собрать. Повсюду лежали, вернее, не лежали, а были разбросаны отдельные части человеческих тел.

Война нагрянула внезапно. Никто не думал, что она начнется. Днем 22 июня немецкая авиация налетела на город Днепропетровск. Первой бомбежкой было разрушено большое количество заводов, жилых домов. Город бомбили ежедневно, через каждые четыре-пять часов.

Людей стали эвакуировать в восточные области Советского Союза. Наша семья выезжала в последнюю

очередь. Мой отец работал инженером одного из заводов. Но во время войны он водил поезда. Ему нужно было идти на вокзал. Отец взял меня с собой. По дороге к вокзалу я увидел, как люди расчищали дороги вилами, сгребали в кучи останки тел. Я больше не мог смотреть на этот ужас и, плача, прижался к отцу. Все вокруг было красное. Стены домов были залиты кровью. На дорогах повсюду красные лужи, кровавые лужи! Повсюду кровь, повсюду боль, повсюду страдания!

Мы дошли до завода. Отец завел газогенераторную машину и вывел ее на дорогу. Что еще не успели вывезти, вывозили нашим эшелоном. В этом эшелоне было около 10 вагонов, кроме этого были открытые платформы, на которых стояли станки и зенитки для защиты эшелона.

Выехали ночью на станцию Синельниково через Днепр, так как железная дорога Днепропетровск – Харьков была уже разрушена. Позже мы узнали, что наши войска при отходе взорвали мост через реку. Внезапно на станцию налетели немецкие бомбардировщики. Их было до десятка. Самолеты стали бомбить станцию. Отец, не долго думая, дал сигнал и потянул состав со станции. Этим только и спаслись. Позже узнали, что на станции была жуткая обстановка: все было в огне, все горело, взорвались бензобаки. Горели даже люди! Было очень много жертв. Все, что мы видели, нельзя даже описать, словом, настоящий ад!

Доехав до Харькова, поезд направился на восточную ветку Куйбышев – Челябинск. Всю дорогу до Куйбышева поезд бомбили вражеские самолеты. При налете немецких бомбардировщиков поезд останавливался, пассажиры выскакивали из поезда и прятались. Кто выживал, а кто – умирал. Самолеты улетали, люди собирали убитых и раненых, снова садились в поезд и ехали дальше. Всю дорогу от Харькова до Челябинска

мы не включали свет. В Челябинске увидели первую со дня начала войны зажженную лампочку!

Из Челябинска вся семья поехала на Новосибирск, Кемерово. Поезд прибыл в город Сталинск поздно вечером. Это был маленький городишко. Сейчас он называется Новокузнецк.

На новом месте в степи взрослые стали строить завод, на котором изготовляли снаряды для фронта. Завод строили почти под открытым небом. Еще не было крыши, а снаряды уже выпускали. Жили плохо, не было одежды, хлеб получали по карточкам. Но нас, мальчишек и девчонок, взрослые берегли, мы продолжали учиться.

В Днепропетровск мы приехали в мае 1944 года для восстановления города. Заводы, фабрики, школы, станции и другие предприятия восстанавливали своими силами. В это время в Днепропетровске было очень голодно: ели лепешки из лебеды, крапивы, кислятки, кашу из пшеницы, распаренную кожу животных. Не было лечения, но люди выжили, верили в нашу победу...

Мама с отцом давно умерли. А я вот благодаря им выжил и вырос. Я все помню, ничего не забыл...

У дедушки есть семья. Он счастливо живет со своей женой Ниной Александровной, которая работает в детском санатории «Озеро Горькое» медсестрой, с ее матерью Александрой Степановной Коноваловой и дочерью Ларисой Владимировной Свищерской, работающей учителем в детском санатории «Озеро Горькое».

Анастасия Свищерская

с. Чистое Щучанского района

Залия Биксурина

ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Мне о войне рассказывал отец:
Он не ходил в атаку под Берлином
И, переходами измученный вконец,
В лугах не погибал на поле минном.
Он не ходил в разведку по ночам
И не таранил в небе «мессершмиттов».
В бреду, израненный, от боли не кричал
И не тонул на корабле подбитом.
Смотрел он за околицей вослед
Отцу, что уходил на фронт тогда.
Он был мальчишкою одиннадцати лет,
Когда с войною в дом пришла беда.
«Ты остаешься за хозяина, сынок», -
Ему отец, прощаясь, произнес.
А дома мать и семеро по лавкам.
И поровну поделен скудный завтрак.
Зато какие черные чернила
Из молока и сажи мать варила!
Тетрадь заменят полосы газет.
Нетопленные школы тех военных лет!
После уроков в поле выходил,
С друзьями вместе сеял, боронил.
Порой они смертельно уставали.
Бывало, на работе засыпали.
Скрывая слезы, из последних сил,
Ругаясь, говорил им бригадир
И шел затем, прихрамывая, следом:
«Давайте, милые, для фронта, для победы!»

Была для всех тяжелая пора:
 Девчонки на колесных тракторах.
 Подрос за эти годы, возмужал
 И о победе первым он узнал.
 Бежал в деревню из районной МТС,
 Чтоб сообщить всем радостную весть.
 Стучался в окна, забегал в дома:
 «Вы слышали, что кончилась война?»
 Была весна, счастливый месяц май.
 Немало горестей пришлось в войну познать.
 Прошло немало вёсен с той поры,
 И радостные звуки детворы
 Слышны на улице весенней тут и там,
 Как будто птичий неуёмный гам.
 И вспоминает мой отец весной
 То детство, опаленное войной...

с. Сафакулево

Список детских домов

Наименование района	Наименование детского дома	Количество	
		в стац. д/д	эвакуирован.
1	2	3	4
Альменевский	Учулевский	46	-
Белозерский	Иковский	78	-
	Першинский	60	200
	Белозерский	-	112
	Белозерский	-	164
Варгашинский	Дубровский	-	98
Галхинский	Песчанский	58	-
Глядянский	Глядянский	70	69
Далматовский	Далматовский №1	124	-
	Далматовский дошкольный	79	-
	Крутихинский дошкольный	-	112
	Широковский	-	92
	Новосельский	-	80
Лебляжьевский			
Лопатинский			
Макушинский	Коноваловский	-	70
	Макушинский	-	217
	Маршихинский	-	100
	Макушинский	-	312
	Серебрянский	-	133

Зауралья на 1 января 1942 года

детей всего	Дата прибы- тия	Ф.И. О. директора детского дома	Старое наименование детдома и его адрес
5	6	7	8
46	-	Ульсекова Фокия Тухфатулловна	
78	-	Югова Вера Васильевна	
260	31.10. 1941	Тимирова Валентина Михайловна	Пятницкий д/д, Тулуская обл.
112	-	Бородина Парасковья Ивановна	д/д №35 Сокольнич. р-на, г. Москва
164	-	Филиппова Мария Александровна	д/д №36 Сокольнич.р-на, г. Москва
98	15.11.	Лицевич Николай Спиридонович	Клязьменский д/д, Московская обл.
58		Сайфутдинов Идиат Нагимович	
139		Худяков Николай Алексеевич	Волоколамский д/д №3 «Дружные ребята», Московская обл.
124		Терехова Агния Андреевна	
79		Ачинова Анна Николаевна	
112		Петрова Ирида Федоровна	д/д «Юный строитель», Московская обл.
92	27.11.	Немцев Владимир Петрович	Каменский д/д Красно- Пороховского р-на, Московская обл.
80	03.12.	Осипов Василий Иванович	д/д Наркомпроса, Карело-Финская АССР
70	04.11.	Залетаева Мария Васильевна	д/д «Курган», Московская обл.
217	18.11.	Безбардес Сергей Анатолеевич	Скопинский д/д, Рязанская обл.
100	04.11.	Клионер Сарра Ефимовна	Скрипаровский д/д, Московская обл.
312	16.12.	Белогрудов Александр Аркадьевич	д/д №3, г. Москва
133	03.01. 1942	Томников Павел Петрович	Пронский завод, Рязанская обл.

1	2	3	4
Мишкинский	Мишкинский	76	-
	Коровинский	121	35
	Карасинский	-	75
Мехонский	Мехонский дошкольный	-	117
	Кондинский	-	124
Мокроусовский	Могилевский	-	70
	Щегровский с особым режимом	-	110
Мостовской	Марайский	91	-
	Прокопьевский	-	189
Звериноголовский	Звериноголовский №1	132	-
	Прорывинский	-	150
	Звериноголовский №2	-	115
Каргаловский	Осиновский	-	101
	Черепановский	100	56
	Каргаловский	-	141
	Скоробогатовский	-	157
Кировский	Шаламовский	-	150
Катайский	Улугушский	-	70
Курганский г. Курган	Курганский дошкольный	71	-
Куртамышский	Куртамышский	33	62
Ольховский	Ольховский дошкольный	-	65
	Топорищенский	-	152
	Вознесенский дошкольный	-	71
	Кривской дошкольный	-	69
Петуховский	Т.-Дубровинский	111	40

5	6	7	8
76	-	Литин Михаил Михайлович	
156	20.12.	Касининский Николай Ал.	д/д им. Макаренко Горловского р-на, Сталинская обл.
75	29.10.	Белявский Шулим Давыдович	Акатовский д/д, Московская обл.
117	14.09.	Пропенко Александра Михайловна	д/д им. Крупской, Полтавская обл.
124		Толкачева Мария Алексеевна	Бушуевский д/д, Тульская обл.
70	04.11.	Козлова Анастасия Сидоровна	д/д им. Ленина, Московская обл.
110	15.11.	Пивков Николай Георгиевич	д/д «Трудовой путь», Московская обл.
91		Тимонов Петр Иванович	
189	27.10.	Гутаров Игнатий Степанович	Хруслевский д/д, Тульская обл.
132	-	Кувалдин Аристарх Николаевич	
150	01.11.	Агафонов Василий Иванович	Вели-Никольский д/д, Тульская обл.
115	04.11.	Свитов Александр Александрович	Берсеневский д/д, Московская обл.
101	02.11.	Тюрина Валентина Павловна	Яклинский д/д, Тульская обл.
156		Письман Хаим Якимович	д/д им. Крупской, Полтавская обл.
141	02.11.	Шислов Николай Иванович	Воскресенский д/д, Тульская обл.
157	02.12.	Каблукова Анатолия Ивановна	д/д №7, Ленинградская обл.
150	22.10.	Прахов Петр Акимович	Волоколамский д/д №2, Московская обл.
70	09.11.	Васильева Александра Тимофеевна	д/д «Юный строитель», Московская обл.
71	-	Лазарева Екатерина Захаровна	
95	-		Краснопольский д/д, Могилевская обл.
65	03.10.	Кирпо Халия Ивановна	Ладвинский дошк. д/д, Карело-Финская АССР
152	13.10.	Попов Иван Васильевич	Рудневский д/д, Тульская обл.
71	17.11.	Тузова Ефросинья Алексеевна	Бредихинский д/д, Тульская обл.
69	22.12.	Плеханова Анна Васильевна	Щуерещкий дошк. д/д, Карело-Финская АССР
151	20.12.	Ражаева Фаина Николаевна	д/д им. Макаренко Горловского р-на, Сталинская обл.

1	2	3	4
Половинский	Половинский №1	-	145
	Половинский №2 Байдары	-	40
Сафакулевский	Сафакулевский	34	-
Усть-Уйский	Ново-Кочердынский	59	62
	Усть-Уйский	-	142
	Кислянский (ум. отстал.)	-	142
Ухянский	Белоярский №1 дошкольный	-	82
	Н.-Петропавловский	-	162
	Юровский	-	75
	В.-Теченский (ум. отстал.)	-	180
	Белоярский №2	-	240
Чашинский	Чашинский	-	90
	Житниковский	-	140
Частоозерский			
Шатровский	Шатровский №1	124	-
	Иромский	-	300
	Шатровский №2	-	200
Шумихинский	Птичанский №2	-	130
	Шумихинский дошкольный	54	-
	Птичанский №1	107	37
	Березовский	-	80
	Карачельский	-	137
	Кушмянский дошкольный	-	59

5	6	7	8
145	15.11.	Христофоров Федор Степанович	Беззубовский д/д, Московская обл.
40	15.11.	Рождественский Николай Петрович	Беззубовский д/д, Московская обл.
34		Гайнутдинова Кубра Фас.	
121	12.09.	Сагадаев Ибрагим Сагитович	д/д №13 с. Михайловского, Кировоградская обл.
142	10.09	Сорока Григорий Иванович	д/д им. Луначарского, Полтавская обл. и Тальниковский д/д, Киевская обл.
142	14.10.	Буркин Захар Петрович	д/д им. Урицкого, Тульская обл.
82	16.11.	Чеботарева Александра Акимовна	Данковский д/д, Рязанская обл.
162	28.10.	Боганов Иван Григорьевич	Волоколамский д/д №1, Московская обл.
75	10.11.	Березкин Николай Рафаилович	Лебедянский д/д, Рязанская обл.
180	26.11.	Кубяк Елена Афанасьевна	д/д им. 1-го Мая, Московская обл.
240	02.12.	Плотникова Мария Семеновна	д/д №9, Ленинградская обл.
90	04.11.	Черкасов Николай Павлович	д/д им. 1-го Мая, Московская обл.
140	04.11.	Сергеев Герасим Федорович	Максимковский д/д, Московская обл.
124		Попова Елена Михайловна	
300	04.11.	Сорокин Константин Гаврилович	Чкаловский д/д, Московская обл.
200	04.12.	Ступов Александр Федорович	д/д им. Сталина, Ленинградская обл.
130		Рыжков Степан Николаевич	Вольнышенский д/д, Московская обл.
54		Олейникова Таисия Семеновна	
144		Макарова Евдокия Николаевна	Неженский трахомотозный д/д, Московская обл.
80	15.11.	Земсков Василий Иванович	д/д им. Ленина, Московская обл.
137	10.09.	Гуревич Давид Самойлович	Кременчугский д/д, Полтавская обл. и Винницкий д/д, Винницкая обл.
59	11.10.	Слесарева Ольга Максимовна	Ефремовский дошкольный д/д, Тульская обл.

1	2	3	4
Щучанский	Белоярский	111	189
	Зайковский	-	135
Шадринский	Тюриковский	126	-
	Макаровский	-	95
	Батуриный	-	105
	Красномыльский	-	135
г. Шадринск	Шадринский №1	-	140
Юргамышский	Кипельский №1	90	-
	Кипельский №2	87	-
	Петровский	-	160

5	6	7	8
300	22.10	Маханов Максим Алексеевич	Волоколамский д/д «Дружные ребята», Московская обл.
135	31.10.	Батасова Елизавета Павловна	Райсеменовский д/д, Тульская обл.
126		Орлов Даниил Селиверстович	
95	04.11.	Шацкая Елизавета Алексеевна	д/д им. Шацкого, Московская обл.
105	31.10.	Дадельцев Федор Георгиевич	д/д им. Красной Армии, Московская обл.
135	31.10.	Смирнов Григорий Илларионович	Серпуховский д/д, Московская обл.
140	22.12.	Крылова Ефросинья Семеновна	Дыминский д/д, Витебская обл.
90		Манашева Клавдия Ивановна	
87		Эпштейн Вениамин Соломонович	
160	31.10.	Соколов Сергей Алексеевич	д/д им. Калинина, Московская обл.

ГАЧО, ф. Р-804, оп. 7, д. 106, л. 1, 2, 3, 4, 5.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
В. Шамшури. Дети войны	7
Алексий II. Письмо Губернатору Курганской области	8
В. Есетов. Ленинград – Зауралье. Штрихи	10
М. Захаров. Это надо живым	16
А. Пернов. Низкий вам поклон	18
М. Бирюков. Першинский интернат ленинградских детей	19
Г. Погодина, О. Бурмистрова. Благодарность	30
А. Кротков. «Счастливое» детство гогочек	31
И. Гаев. В годы военного лихолетья	36
Н. Маркова. Комета падает перед войной	42
Н. Бажина. Обездоленные, но не брошенные	44
Леонид. У меня есть Вы и мама	48
Г. Задорина. Шадринские ленинградцы	51
А. Барабанова. Кто я и откуда, или долгое эхо войны	58
М. Брагин. В тесноте, да не в обиде	61
В. Платоненко. «Жива ли сказочная река Исеть?»	63
Т. Тараканова. Без отца	73
А. Черемисин. Деньги на танк для победы	76
А. Ковалева (Сысоева). Да разве об этом забудешь	78
А. Букреев. Сердечные узы	81
М. Фролова (Блинова). Дом, где согреваются сердца	88
Н. Суханова (Сметанникова). Моя судьба	104
О. Магрычева. Родник бескорыстия	113
И. Томичева (Сапова). Все вышли в люди	114
В. Есетов. Времен связующая нить	115
В. Максимова (Романова). Мехонка – моя вторая родина	117
К. Орлова (Булавская). Приютили, обогрели	123
О. Иванова (Трофимова). То, о чем мечтали, сбылось	127
Р. Бухольц (Булушева). В эвакуации	132
Г. Мансурова. Детские дома на территории Макушинского района	139

Е. Васильева. Их детство «золотое» в Серебряном прошло	143
В. Силин. Моё «лебединое» детство	154
В. Степанов. Это была не жизнь, а рай	157
Ф. Гаев. Из-за руля не видно	158
В. Моисеева. Я строила Танкоград	160
З. Шевчугова. Мы быстро повзрослели	163
Т. Волкова. Дом военного детства	164
В. Баландина. Жили одной семьей	171
В. Павленина. У войны не детское лицо	174
В. Деев. Выжил	185
В. Юрьев, Г. Соколов, В. Колотилов, К. Каранакова. Вспоминаем с благодарностью	191
Памятное событие	195
Т. Тархова. Отвечают делом	196
Башмаков. Подвиг пионеров	196
Е. Кононенко. Ты не сирота, малыш	197
М. Лисицина. Забота о детях, потерявших родителей	202
Д. Алферов. Воспитаем гражданина	202
М. Васильев. Первая победа	203
Г. Большакова. Путь из фашистского ада	204
Д. Кобякова. В Куртамыше есть частичка Пискаревского кладбища	209
Ф. Уфимцева. В памяти храню	210
Ф. Головин. Стояли горой друг за друга	211
Л. Володина. Жизненные испытания	213
Ю. Поляков. Относились с пониманием	215
А. Голубцов. Дни радостные и горестные	221
И. Строганов. Благородный поступок	223
З. Верхотурова. Фотография из войны	224
Т. Воробьева. Лопатинский детский дом	227
А. Воробьева. «Будьте им матерью»	229
А. Иванова. Радость общая и горе общее	233
В. Тарасова. Елки военных лет	237
Л. Загребина. Мы заплатили не меньшей ценой	239
А. Сметанин. Щедрость души	240
З. Игумнова. Добрая «закваска»	248
З. Соколова (Дьяченко). Одна из семи тысяч	252

В. Потанин. Боря-маленький и другие	254
А. Девятова. Ответ на призыв шадринцев	276
Л. Ковязина. Счастлив тот, кому хватает	277
О. Бунин. Побывка	282
Л. Войцеховский. А впереди была вся жизнь	288
А. Жуков. Оберег	307
В. Иванищева. Делились тем, что имели	313
А. Югова. Помню и люблю	315
В. Масасина. Ничто не забыто	319
Г. Устюжанин. Мать	322
К. Плахина. Не за страх, а за совесть	324
Э. Гирш. Родные мои воспитатели	327
А. Мухаметова (Коротовских). С верой в победу	331
М. Миргородская. Под «крылом» доброты	332
М. Миргородская. Моей матери	333
З. Рогова. Через детские дома и интернаты	334
Г. Попов. Заботились как о родных	336
Ю. Петрякова. Судьбы детей войны	339
Н. Баева. Закалка на всю жизнь	342
М. Шушарин, М. Мозин, Л. Жорнова, О. Горохова. Трудом приближали победу	344
И. Задорина. Далекое эхо	348
А. Свидерская. Мой дедушка из спасенного поколения ...	351
З. Биксурина. Опаленные войной	354
Список детских домов Зауралья на 1 января 1942 года	358

Помни войну
Том IV
Детство, опаленное войной

Составители А. И. Букреев, В. А. Есетов
Главный редактор А. И. Букреев
Компьютерный набор О. С. Макушина
Корректор В. А. Алексеев

Подписано в печать 4.10.2004 г.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 21,39.
Тираж 1000. Заказ 2369.

Комитет по печати и СМИ Курганской области.
640000, г. Курган, ул. Куйбышева, 87.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в
ГУП «Шумихинская межрайонная типография».
641100, Курганская обл., г. Шумиха, ул. Гагарина, 52.